

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

А. Шевченко

СЛЕДЫ ГОВОРЯТ

Лениздат 1954

А. ШЕВЧЕНКО

СЛЕДЫ ГОВОРЯТ

Рисунки В. Курдова

***Ленинградское
газетно-журнальное и книжное
издательство***

1 9 5 4

А. Шевченко
„Следы говорят“

Редактор М. М. Смирнов
Переплет художника Ю. П. Мезерницкого
Художник-редактор Б. Ф. Семенов
Технический редактор Н. И. Родченко
Корректор Е. Н. Куренкова

Сдано в набор 27/I 1954 г. Подписано к печ. 4/XI 1954 г.

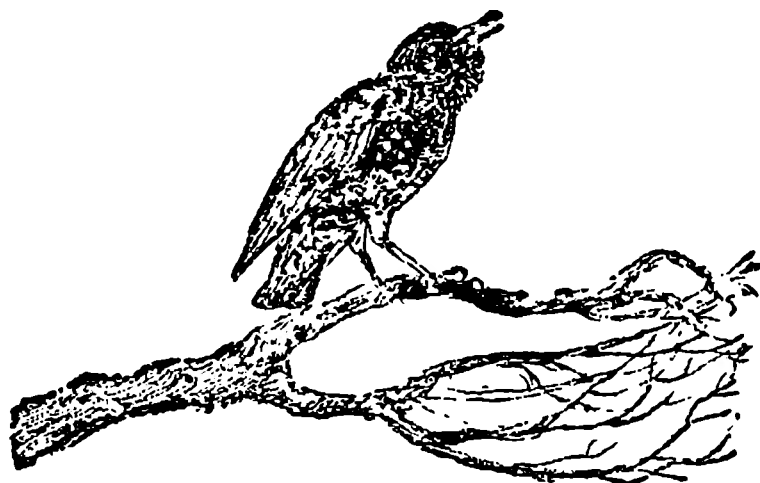
М-41112. Изд. № ХС-2/207. Формат бум. 70 × 92¹/₂.

Печ. л. 13,25 Пер. печ. л. 9,07. Уч.-изд. л. 6,69. Тираж 75,000
(15001—75000 экз.)

Заказ № 1558. Цена 3 р.

Лениздат. Ленинград, Торговый пер., 3

Типография им. Володарского.
Ленинград, Фонтанка, 57.

ДИКАРЬ

Недавно у наших школьников был праздник. Соблюдая прекрасный обычай, они в «День птиц» с любовью развешивали дуплянки и скворечники. Ребята хорошо продумали это дело, заботясь о том, чтобы искусственные гнёзда были недоступны для кошек и сорок. Ни один птичий домик не остался пустым, значит «гостям» понравились их жилища.

Вам кажется, скворцы, например, так просто заняли приготовленные им домики? О нет! Они, прежде всего, проверили их прочность и удобства. Залезли внутрь, исследовали — всё ли там в порядке. Осмотрели, простучали клювиком снаружи и уж только потом завладели облюбованным скворечником. Особенно беспокоились самочки. Дело самца — первым захватить домик и пением пригласить сюда подругу, прилетающую обычно позже.

С этих пор больше заботы падает на нее: она хлопочет о «домашнем уюте», самец же восторженно распевает на все лады. Кстати, своим пением он оповещает соперников, чтобы они не совались к занятому уже месту, иначе их ждет взбучка. Словом, главное занятие «хозяина» — это песни и охрана своего уголка; только короткими минутами помогает он подруге в устройстве гнезда.

На днях спускаюсь с крыльца, — хочу отправиться на вечернюю тягу вальдшнепов, а скворец, сидя у своего нового домика, будто обрадовавшись моему появлению, во-всю старается, взвизгивая и шипя над моей головой. Даже крылышками похлопывает себя в такт пению, — очень уж волнуется и спешит.

Удаляюсь, а вслед мне несется звонкий посвист. Я даже обернулся — скворец ли? Он, он! Певец торопится передать дроздовую трель. Свое скворечное лopotание он обязательно уснащает чужими напевами, — чего только не вплетет сюда.

Солнечные лучи насквозь просвечивали голый березняк и так сушили и коробили слой прелых листьев, что взъерошенный настил их хрустел под ногами. В сизой хвое краснолесья переливчато колебался воздух.

В прогретой за день боровине — застоявшееся тепло. Спустился в низину, — там свежо, сыро.

На тяге мое всегдашнее место возле огромной старой осины, что растет в ложбине у поворота ручья.

Подхожу. С верхушки осины долетает

обрывок хрустального перезвона песенки. Я подумал: зарянка. И сразу же меня взяло сомнение: в такое время зарянка поет на макушке хвойного дерева? Поднимаю голову, что-то мелькнуло за ствол. Захожу с другой стороны осины, вижу вверху дупло. Нет, пожалуй, не зарянка! Так высоко она никогда не устраивает гнезда, оно у нее всегда внизу...

На заходе солнца отовсюду слышалось пение. Старались мастера этого дела дрозды. На вершине ели красиво позванивала зарянка.

Кто же, боясь меня, прячется в дупле?

Закат перестал пылать, но было еще светло и я хорошо видел тянувших над лесом вальдшнепов. О своем приближении они предупреждали далеко слышным «квор-квор-квор!.. цвист!». Плавно и быстро проносились они вдоль низины с опущенным вниз клювом.

В вечерней тишине особенно громко раздавались мои выстрелы.

Затоковала сумеречная птица козодой. Подолгу висело в воздухе ее урчание.

Прислонив к дереву ружье, тихо сижу на замшелом пне под елью, дожидаясь — не покажется ли из дупла спрятавшаяся там птица? Неожиданно из круглой дырки в осине кто-то выглянул и со звуком «чирррр» улетел.

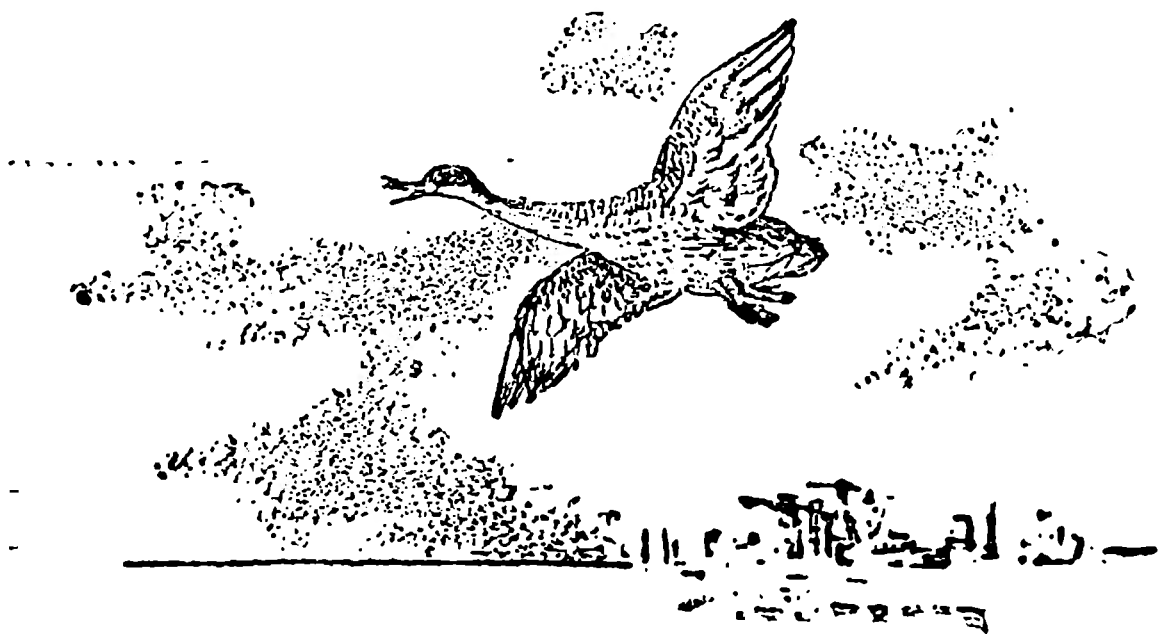
Смерклось. Продолжаю сидеть; ведь вальдшнепы и ночью тянут. Вдруг как метнется мне в глаза огненный язычок! Я так и встрепенулся. А это, всего-навсего, зарянка собиралась сесть мне на голову, чтобы юркнуть в елку...

На другой вечер, скрытно приближаясь к осине, слышу обычную песню скворца. Не замечая меня, он шевелит крылышками, причмокивает и трещит. Но как только я показываюсь, он скрывается в дупло...

Так вот кто здесь обитает, — подивился я и подумал:

«Какая разница в поведках скворцов: один — песней встречает меня у калитки, другой стал дикарем. Живя вдали от людей, он усвоил лесные привычки: перестал доверять человеку».

НА ЗНАМЕНКЕ

... Думаете, боятся дикие птицы близости жилья и не селятся рядом с большими городами?

Ошибаетесь! Для дичи важно, чтобы были укромные уголки, где бы ее не трогали. А уж она сама проверит, можно ли ей там водиться.

По взморью на Знаменке, у самого Ленинграда, есть заводи с шумящими камышами. Растут по ним рогоз, кубышки, рдесты; на кочкарниках — осока; по краям — кустарники.

Всю ночь на воде отсвечивают «зори» — отблески ярких огней города. Сюда доносятся звонки трамваев, шум мчащихся машин, заводские гудки. Но всё это мало тревожит пернатый мир.

На Знаменке, в Мурье, запрещена всякая охота, словом — здесь заказник.

Хотите посмотреть, что тут творится весной?

Сойдем у тех каменных громад с трамвая и свернем вправо на луга. Отсюда стежкой пойдем к зарослям ив.

Не верится вам, что возле нас пчёлы кружат? Они! Они — золотистые труженицы. Надо же им собрать свой первый медовый взятóк с барашек верб и бредин. Это «городские» пчёлы. Где-нибудь в окне дома-гиганта сделан леток, а в квартире на подоконнике стоит улей. Есть любители-пчеловоды и в самом Ленинграде: и в городе пчелам на всё лето обеспечен сбор меда. В городских парках цветут медоносы: клены, сирень, липы; березы, осины дают пыльцу; копошатся пчёлы в садах и скверах, хлопотливо обследуя нежные венчики всевозможных цветов, высасывая капельки нектара...

Слышите — жаворонок! Да не туда смотрите! Без привычки на солнце его трудно заметить, — очень уж высоко трепещет. Журчит, журчит в одной точке лазури и — камнем вниз. Где-то рядом у него гнездо на земле...

Вот мы и на месте. Теперь слушайте и глядите в оба. Много здесь любопытного, всякие утки тут водятся. Они сами себя обнаружат. Только не зевайте...

И, будто нарочно, кряковая утка дала знать о себе:

«Квэ-эк! Квэ-эк! Квэ-эк! Кваа-ква-ква!» — разнесся ее призыв.

— Ой, так близко?

— А чего ей бояться! Наверно, вон на той заводинке плещется... Так и есть.

«Жвя-ак! Жвя-ак!» — отзывается нарядный селезень. Он-то уж знает, куда его зовут. «Тих-тих-тих-тих» — просвистел крыльями и плюхнулся в гости.

Над камышами протянули длинношее шилохвосты с острыми хвостами... Где-то крякнула скромная утка-широконоска, — клюв у нее лопатой... Там с дребезжащим свистом мчится табунок чернопегих гоголей, тех самых, что в дуплах гнездятся. Неожиданно за стеной камыша что-то с грохотом обрушилось — то гоголи опустились на воду.

Вдруг издали донесся перезвон колокольчиков, — парочка самых маленьких и юрких уточек чирков-свистунков мелькнула таким молниеносным зигзагом, что звук их полета слышался лишь после того, как самих чирков и след простыл.

В залитых водой кустах ивы-бредины кто-то потрескивает: «Трль, трль, трль». То селезень чирок-трескунок подружку ищет.

А там вон, на чистой луговине, полюбуйте куликами турухтанами! В пышно цветистых воротниках они топчутся друг перед другом, будто непрочь подраться. На самом же деле, это — одно красование. Турухтаны весию замечательны тем, что самцы их окрашены всяк по-своему. Не найдете среди них хотя бы двух с одинаковой расцветкой...

А бекаса угадали? Немудрено его узнать. Слышите, как он в воздухе играет, словно барашек блеет?

Это звучание происходит при скольжении кулика вниз, от дрожания перьев его хвоста и крыльев.

Если бы мы побывали здесь раньше, то смогли бы услышать и гусиное гоготание и музыкальные клики лебедей. Теперь они уже улетели дальше, на север.

Позже здесь появятся водяные курочки, коростели.

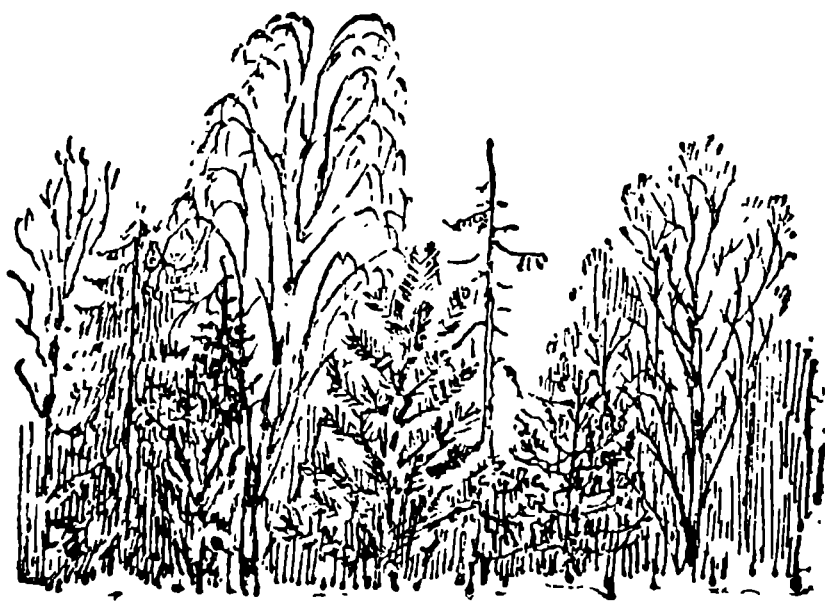
Много в Мурье разных водоплавающих и болотных птиц. Здесь их приют. За гранью заказника — другое дело. На взморье за утками охотятся на замаскированных челнах. Иные же охотники караулят спящую туда и обратно дичь возле заказника.

Хитрые утки отлично знают границы своего убежища. Зоркий утиный глазок не раз подмечал у грани заказника подвижные «кусты», плывшие иногда против ветра. Из таких «кустов» вырывались снопы огня и гром выстрелов...

Вон через Мурью летит табунок крякв. Смотрите, смотрите! Утки взмыли столбом вверх, стремительно и высоко — недосыгаемо для выстрела — проносятся над границей своего укрытия. Миновав опасную черту, птицы снижаются на обычный полет. Возвращаясь «домой», утки опять наберут высоту над той же чертой. Перевалив ее таким приемом, спикируют вниз — в свой приют.

Да, трудно провести утку...

Впрочем, уже вечерет. Пора нам возвращаться к трамваю.

НА ВЫРУБКЕ

Закончив смену, молодой токарь Женя Борисов по-хозяйски привел в порядок свой станок и подошел к окну. Чуть не к самому стеклу протянулись ветки тополя. Почки на них так набухли, что уже расползлись клейкие чешуйки, вот-вот покажутся зеленые хвостики.

«Ах, да! Николай Васильевич говорил, что сейчас тяга вальдшнепов», — вспомнил Женя и прямо с завода направился к постоянному спутнику своих охот Николаю Васильевичу Кружкову.

Одному — шестьдесят, другому — шестнадцать. Друзья — водой не разлить. Объединяет их любовь к охоте.

Завтра выходной день. Решили утром ехать на тягу.

Женя в который раз залюбовался ружьем Николая Васильевича. Отличная двустволка тонкой работы знаменитого мастера Алешкина. По красоте линий, посадистости, тонкой пригонке частей и великолепному бою с этой двустволкой не сравниться хваленым английским ружьям. Женя рассматривает художественную отделку замков бескурковки. Раскрыл стволы — там блеск. Старый охотник бережет, вó-время чистит ружье, вот и служит оно ему долго и безотказно.

Патронташ у Николая Васильевича на двадцать четыре патрона, закрывается сверху. В таком и в дождь не подмочит патроны.

Ягдташей — кожаных сумок — Кружков не признаёт. Им только на стенке висеть. Неудобны (натружают плечо) и маловместительны. Лучше нет заплечного мешка — рюкзака.

— Патроны заряди дробью № 7 или 8; на вальдшнепа это самые подходящие номера. Стволы своего ружья протри начисто. Если не уберешь смазку, получится слабый бой, — посоветовал Николай Васильевич.

Условившись о часе выезда, друзья расстались.

С вечера Женя всё приготовил. Свою добротную и прочную тулку разобрал и уложил в чехол, — так полагается перевозить оружие. Да и безопасней: при случайных толчках не повредишь стволов.

На другой день охотники встретились на вокзале. Пока мчался электропоезд, они оживленной беседой коротали время. И вот

уже Кружков с Женей шагают в апрельский полдень от станции к знакомой вырубке.

Путь лежит вдоль речных пойм. Николай Васильевич вспоминает:

— Бывало, спускаешься этими местами и отмечаешь: вот поля колхоза «Ситенка». Сюда вклинивались богатые поймы колхоза «Железо». Там берег пересекали угодья колхоза «Кемка». А сейчас — раздолье! И вдаль и вширь — сплошные луга мощного объединенного колхоза «Большевик».

У самой реки вспорхнула белая трясогузка, что-то поймала. Села на плывущее бревно и закачала хвостиком. Вдруг из прибрежного ивняка вынырнул вороватый перепелятник. Молниеносно метнулся к трясогузке. Не сплеховала серебристая птичка, — взмыла столбом вверх, будто толчками набирает высоту. Ястреб с разлету взвился за ней, чуть было не поймал, потом стал отставать.

— Раз наметившись, перепелятник ни за что не бросит погони. Только вот вертикально, прямо ввысь, не может развить быстрого полета, — сказал Николай Васильевич.

Женя пристально следил за погоней. Кружков машинально снял с плеча ружье. Ястреб нырнул вниз и полетел к кустам. Заметив людей, он гибко извернулся в сторону, но прогремел выстрел, и птица, величиной с голубя, упала: желтоглазый перепелятник, сверху серый, снизу весь в поперечных буроватых полосках. Перевернувшись на спину, ястреб в комск сжал пальцы с загнутыми и острыми, как шило, когтями. Ими хищник

хватает и закалывает перепелок, куликов и других птичек...

Тропинка повернула к лесу. Золотые лучи солнца пронизывают ветви берез. Меж сверкающих белизной деревьев в просветах перелеска темнеет старая ель. Поседевшими нижними ветками она расстилается по самой земле, а зеленой стрелкой упирается в небо. Показывается и бронза сосны с раскидистыми сверху лапами хвои.

Перелесок обрывается прогалиной — вырубкой. Солнечная с синевой глубина вырубки так ясна, что зоркий Женя легко различил в прутняке синицу. Одним краем прогалина примыкает к кромке смешанного леса, другим — к оголенному ольшанику, залитому водой. Через всю рубку тянется цепочка из чернолесья — осинки, березы, ольхи, с большой елью посередине.

— Пришли, — говорит Николай Васильевич. — Здесь надо ждать тяги.

Женя знает, что вальдшнепы полетят через поляну над перемычкой и не миновать им ели: в мелколесье их привлекает высокое дерево.

Попыхивая душистым дымком папиросы, Николай Васильевич присел отдохнуть. Юноша наколот для распалки щепы из смолистого соснового пня (она и в дождь загорается), наломал сухих еловых веток. Запылал костер, с треском разлетаются раскаленные угольки. Старый охотник заметил:

— Надо избегать еловых веток. Могут

глаза опалить или одежду сжечь. Видишь, как «стреляют»!

Занялись чаем. Славно пьется с дороги.

В лесу не умолкает пение птиц. Поют они в воздухе, на деревьях, на земле. Порой всё заглушают ликующие возгласы, будто кто-то трубно выкрикивает: «Ку-ддряво! Ку-ддряво!».

— Журавли на болоте, — улыбается Николай Васильевич. — Взгляни, Женя, как эта певунья старается!

На елке желтоватая овсянка без конца повторяет звучную трель своей песенки: «Зинь-зинь-зинь-зинь-зинь-си-и!».

К закату постепенно смолкают дневные певуны. Слышнее отдаленное урканье черныша. Откуда ни возмись стрелой пролетели чирки и неожиданно затоковал бекас-«барашек». Он то устремляется вверх и носится там, то падает с высоты.

Из ольховой низины пахнуло холодком. Неуловим переход к вечеру, но день меркнет.

— Пора!

Охотники заняли места: Женя — у ели, а старик — ближе к кромке смешанного леса.

С маковки ели прокатились гулкие посвисты. Лесной «солист», певчий дрозд, зорю провожает. Приумолкнет и опять засвистит. Трели его звучнее соловьиных, разве что шелканьем уступит соловью. В лесу апрельский вечер без певчего дрозда — что майская ночь без соловья. Но соловья в зарослях не увидишь, а дрозд всегда на виду красуется.

Всё реже и реже посвисты, — время и дрозду засыпать.

По-весеннему прозрачен воздух. На фоне неба вырезалась гряда темной хвои. Едва приметно блеснула первая звезда.

Женя застыл в ожидании, слушает. Николай Васильевич спокоен. Тяга всегда начинается в точно определенное время. Старый охотник посматривает на часы. Когда стрелка доходит до без четверти девять, он как-то преображается и помолодевшим голосом предупреждает Женю:

— Теперь слушай!

И сразу же донеслось:

«Квор-квор-квор!.. Цвист!.. Квор-квор-квор!.. Цвист!..»

Звуки нарастают. Из-за вершин смешанного леса выплыл вальдшнеп с длинным клювом, опущенным вниз, и потянул над поляной. Будто не часто машет крыльями, а приближается быстро.

Женя вскинул ружье, целясь в летящую навстречу птицу. Блеснул огонь. Вальдшнеп мелькнул вниз, потом виляющим полетом взвился и, как ни в чем не бывало, донеслось: «...цвист».

Юношу не огорчил промах: облетая токовой круг, вальдшнеп всё равно снова появится здесь. Вот второй тянет сбоку. Поперечную птицу легче сбить, чем встречную, надо только взять немного вперед. Гремит выстрел. Молодой охотник подбирает свой трофей и снова ждет.

А Николай Васильевич разложил маленький костерок, — на его свет лучше тянут вальдшнепы...

Стемнело. Друзья сошлись, осмотрели добычу.

— Нет лучшей дичи, чем драгоценный вальдшнеп — красный лесной кулик! — заметил Николай Васильевич.

Найдя свою тропинку, охотники повернули в обратный путь.

В ночной тишине пронеслось дикое гоготанье.

— На мшаге белый куропад играет, — заметил старик.

Сбоку тропинки кто-то зашлепал по сухой прошлогодней траве. Юноша насторожился, а Васильич сказал:

— Живность какая-то шуршит.

И верно: это лягушка пробиралась к ямке, где булькала, сбегая с откоса, талая вода.

СЛУЧАЙ НА ТОКУ

Когда под карнизом заворкует голубь и на взлете, по-весеннему играя в воздухе, хлопает, как в ладоши, крыльями, — в такое время ждешь не дожدهшься свободного денечка, чтобы отправиться на охоту...

Тяжело нагруженный, пробираюсь по лесной тропинке к глухариному току. Обхожу круглые ямы с водой, следы войны — воронки от взрывов бомб.

А вот и «Партизанские шалаши». Так колхозники называют возвышенность в сосняке. Но где же шалаши? В зеленом полумраке их темные остоны охвачены буйным подлеском. Тут же заросшее кострище. Время

берет свое, точат жучки замшелые жерди, но народ хранит память о доблестных днях; заповедный лес не рубят, берегут. Десять лет назад здесь был стан героев, наводивших страх на врагов. Исчезнут замшелые жерди, но сказ о славе отважных мстителей уйдет в века грядущих поколений. Останется и название возвышенности — «Партизанские шалаши». Ребята, уходя за ягодами или по грибы, не пройдут мимо примечательного места, не вспомнив боевые дела своих отцов и старших братьев. И песню споют:

Уходили в поход партизаны...

...Среди необозримого таежного царства затерялись «шиповские мхи». Образуя кочки, мох затягивает пни — остатки рано состарившихся деревьев. В моховой толще корням леса трудно дышать, оттого и растет здесь покореженный сосняк, кривая береза. Зато другие растения не боятся мха, — всюду рдеет клюква, кругом душистый багульник.

Скромно выглядит болото, но привлекает охотника: радуешься, попав сюда. Вблизи — сухая боровина. По краю ее маячат раскидистые сосны с толстыми сучьями, а глубже — уже стройные гладкие стволы этих деревьев высоко поднимают свои кроны. Хоть и не везде, но темнеет и ельник.

Мой привал — в бору-черничнике. Здесь у меня годами обжитая могучая ель. Густа моя елка, укроет в непогоду. У этого дерева разгружаюсь и устраиваю свое «хозяйство».

Развожу костер, грею чай. Удобная вещь котелок военного образца! Это чугунок и чайник, сковородка и тарелка.

Солнце сравнялось с лесом, пора на подслух. Беру ружье, направляюсь в другой конец боровины. Там есть готовое сиденье — пенёк в кустах. И маскироваться не надо. Отсюда услышу шумный прилет и посадку глухарей (зовут их еще и мошниками).

Передо мною топкая мшага в редком и мелком соснячке. Вокруг нее раскинулись хвойные шапки сосен-великанов. С юга тянется заросшая частым осинником просека. Ведет она в буреломы, к речке Губинке...

Алеет закат.

Чутко настораживаюсь на своем пне — с гулом сел мошник. Еще один прилетел. И все на острове против меня. Четырех насчитал.

Стемнело. Тихо возвращаюсь на ночлег, к своей елке.

Издали навстречу доносится стрекотанье глухаря. В тишине ночи всё слышнее поет мошник. Просты эти волнующие охотника скрипучие звуки. Огромная птица поет так, что порой надо затаить дыхание, чтобы услышать ее...

Подход удобен. Пока шелкает токовик, я неподвижен. «Заточит» глухую трель песни — шагаю. Мошник темнеет на невысокой сосне. Шевельнется — сыплются отмирающие иглы хвои. Стою под сосной и слушаю. Всё чаще и чаще умолкает певец — уже поздно.

Раздается выстрел. Птица падает, задевая

сучья. Подхожу к ней. Вот это здорово! — рядом моя ель. В увлечении я и не заметил, как добрался до места своего ночлега. Петух упал прямо к моему «гнезду».

Вблизи тока ночью не развожу костра: можно испортить утреннюю охоту. Снимаю резиновые сапоги, — они холодят. Натягиваю вторые шерстяные носки и укладываюсь в теплой одежде на мягкой еловой подстилке.

Перед рассветом, с ружьем в руках, иду к пню, где сидел с вечера. Прислушиваюсь. Вот-вот должны затоковать.

Но вместо песни мошника — треск валежника. Кто-то смело идет по острову, ломает сучья. Охотник не враг себе, так не пойдет, а зверь здесь водится. Только по слуху не угадать — медведь это или лось. Глухари послетали, а треск продолжается... Прикидываю в уме: если лось — пойдет с острова в кустарники, к югу. А медведь, — не миновать ему пути по просеке через мою грядку. Не пойдет же он в топкие глади! Решаю проверить. Торопливо, но осторожно спешу к просеке... Да, сюда правит. Медведь! Закладываю в стволы жаканы: накоротке и на чистом месте разрывные пули лучше. Левым плечом прислоняюсь к сосне, — так буду скрыт и стрелять удобно. Жду и размышляю: не надо горячиться; легко ранишь — только обозлишь зверя, в драку полезет. Подпущу в упор и наверняка всажу две пули. Пока опомнится — успею добавить ему крупной картечи... Главное — не теряться...

Темный силуэт приближается... Я чуть было не поторопился: навел стволы, а силуэт растаял в полумраке. Но вот опять донесся шорох ветвей. Вновь поднимаю стволы, навожу их на зверя и... обессиленно опускаю ружье... Человек! Не зная приемов глухариной охоты, он и себе и мне испортил утро.

С тех пор взял я за правило: никогда не брать на мушку неясный силуэт. Горячность — часто до беды доводит.

В сумраке ночи по звуку шагов не всегда определишь, кто бродит, зверь или человек. Если не хочешь напугать зверя — стой скрытно и жди, пока четко не вырисуется его фигура.

ТАИНСТВЕННЫЙ ЗВЕРЬ

Я вышел из шалаша на тетеревином току, подобрал трофеи — двух косачей, уложил их в мешок так, чтобы не мялись лиры хвостов, и березовой опушкой побрел к дороге.

Поглядывая по сторонам, замечаю, что почва местами изрыта, прошлогодние листья разворошены. «Ясное дело, — думаю, — барсук личинок искал, его работа». Подхожу ближе, надеясь увидеть следы когтистых лап, а передо мною отпечатки копыт с задними пальцами! Похоже, олень наследил. Но ведь он лишь в снегу копается, добираясь до мха, зачем же ему землю рыть? Да и откуда он мог здесь взяться? Лоси и козы здесь водятся, а оленей никогда не бывало.

Не стал я долго разбираться в следах. Не до того было в то солнечное утро.

Весеннее ликование — голосистые раскаты зяблика, звонкие трельки овсянки, посвисты лесного конька, воркованье вяхиря — наперебой гремит из каждого куста. В потоке птичьих песен выделяется барабанная дробь, — это дятел как бы управляет всей «музыкой». И странное дело: замрешь на миг, а уже отовсюду слышатся чуфыканье, шипенье токующих чернышей, томное квохтанье тетёр. До следов ли тут!

Прошло время токов. Но и в июне я заглядывал в знакомый березняк. Там у меня было тетеревиное гнездо для наблюдений. Не запомни я сразу можжевельного куста, ни за что бы потом не наглядеть мне наседки. Умело пряталась она: пестрые и бурые полосы ее перьев рябили и терялись среди стебельков и веточек, окружавших гнездо. Подойдешь шагов на пять — птица прижмется, сливаясь с растительностью, одни лишь глаза поблескивают. Скоро должны были вылупиться цыплята, и тетёра упорно сидела, не сходя с яиц.

Являюсь однажды к гнезду и нахожу его растоптанным; насиженные яйца кем-то съедены. Перья валяются; значит, погибла и сама тетёра. Инстинкт высиживания сильнее страха, — он-то и приковал тетёру к гнезду, заставляя прятать его от врага. А враг оставил ранее уже виденные мною следы — отпечатки копыт с пальцами. Просто теряюсь в догадках, кто бы это мог быть? Похоже, надо винить кабана-одинца, но в этом краю о нем и понятия не имеют.

Осенью, по чернотропу, окончательно выявился таинственный зверь. Выбрали мы с колхозными охотниками лесную поляну и положили на ней павшую лошадь: задумали привадить сюда — к одному месту — волков, чтобы по снегу обложить и уничтожить их.

Наведались к приваде и радуемся, что звери принялись за нее. Разглядываем «волчьи» следы, и — глазам не верим! Опять на земле отпечатки копыт.

Сомнения нет, кабан-секач, как всеядное животное, польстился на приваду. Сильный и смелый при защите, он никого не боится, в слепой ярости кидается прямо на врага, стремясь срубить его своими остро отточенными клыками. Ему и волк уступает дорогу.

Но откуда взялся этот зверь?

Вскоре выпал снег, и вепрь как в воду канул, — видимо, откочевал. За всю зиму нигде больше не обозначался его след.

Лишь в начале весны удалось мне увидеть секача, и не одного, а со свиньей. Значит, в прошлом году одинец являлся вроде как на разведку, теперь же привел и дикую хавронью...

В лесу всегда надо стараться быть незаметным и первому подмечать, что творится кругом. Так я и делаю.

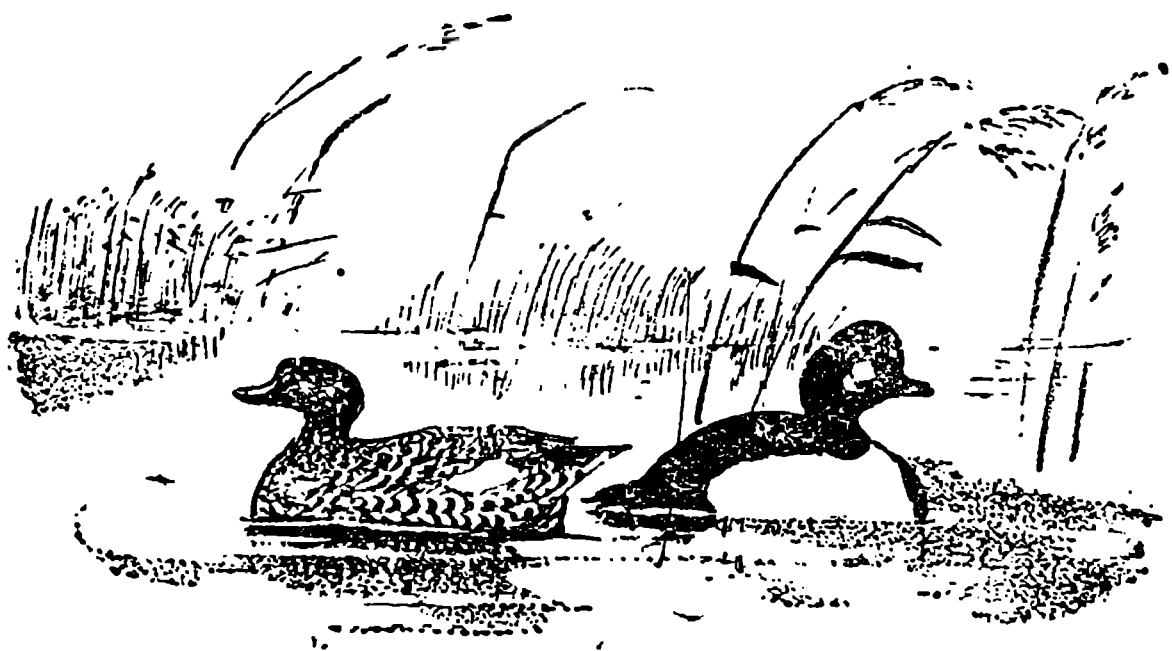
Мягко шагая вдоль ручьевины, бесшумно обхожу залитую водой низинку, желтеющую цветами калужницы. По привычке зорко исследую редкий ольшаник. Показалось мне — бурое пятно шевельнулось меж стволов... Да, что-то живое копошится... Вепри!

Два тяжелых коротконогих зверя, в длинной темносерой щетине, роются в мягкой почве, чавкают и время от времени неподвижно затихают, слушают. Очевидно — кабан и свинья. Меня немного удивило, что ночные животные кормились днем. Наверно, проголодались после перехода и теперь «пашут», ворочая глыбы земли и добывая корневища. Вот кабан подошел к большой валежине, повозился, подсунул под нее длинное рыло... Батюшки, какая силища! Как двинул осиновую колодину огромной головой, так и перевернулась она на другой бок. Секач ищет под ней личинок, лягушек, змей или мышей.

Хотелось мне ближе подойти, но секач «гукнул» тревожно — и как не бывало свиней.

И в других районах нашей области были, обнаружены места кормежек диких свиней.

Надо думать, война вынудила кабанов кочевать на многие сотни километров. Эти звери умеют применяться к новым условиям жизни: ведь они сохранились еще от третичной фауны, пережив многих, давно исчезнувших животных. Уже первобытные охотники ополчались на вепря и, не страшась его клыков, гнали зверя на скрытую яму или, затаясь у тропы, поражали его каменным острием копья.

ЛЕДОВАЯ ОХОТА

Как только на взморье образуются промоины или проталины и мощные удары невских волн начнут отталкивать кромку льда, обнажая воду у побережья, — речные, или красные, и морские, нырковые, утки — тут как тут.

Речных уток легко узнать: кормясь на травянистых отмелях, они кувыркаются хвостом вверх и стоят торчком над водой, шаря клювом по дну. Морские утки — другое дело. Они ныряют за пищей на большую глубину и исчезают с глаз.

Разноголосые и шумливые «переселенцы» летают, плавают, ныряют, отдыхают, кормятся после долгого и трудного пути на родину. Пролетные погостят и устремятся дальше на

север, на карельские озёра, к берегам океана, а прилетные до поздней осени остаются в камышовых зарослях на Знаменке под Лиговом, на Юнтоловке под Лахтой, всюду, где шумят прибрежные тростники.

Весною неудержимо влекут к себе лесные просторы, и многие охотники отправляются на боровую дичь. Но есть любители суровой морской охоты среди синих льдов и белых торосов.

Радостно на зорьке, невдалеке от своего родного завода, на берегу Финского залива, услышать лебединую песнь кликуна: «Клу-клу-ру, клу-ру-ру-ру», гусиный гомон, звонкую перекличку казарок, кряканье уток, свист куликов.

На маленьких челноках смело лавируют охотники в промоинах и ледяных разводьях.

Изменчива погода на взморье. По едва уловимым признакам надо угадывать капризы северной весны, направление ветра, движение льдов. От этого зависит и лёт птиц и успех охоты. Перемену погоды — не прозевай! Бывали случаи: задремлет охотник в челноке на стародеревенских отмелях, а проснется под Котлином.

Охотничья изобретательность создала особый челн — маленькое, опалубленное с носа и кормы суденышко на одного-двух человек, подвижное и легкое. Оно не зарывается носом в волну и устойчиво при стрельбе. Сверху челн затягивается палаткой с откидной дверцей — тут не страшен ни холод, ни дождь. Защитная окраска так маскирует суденышко,

что при умелом подъезде оно не вызывает подозрений даже у осторожной кряквы. Оборудован челнок парой вёсел, шестом для отталкивания, правилкой, багорчиком и якорьком-кошкой. На таком судне можно на скорую руку приготовить обед и чай, лишь бы был примус.

На челне помещается всё снаряжение, чучела разных уток и подсадные утки. Хорошие подсадные, выведенные скрещиванием дикой кряквы с домашней уткой, славятся в охотничьем мире. На лапу подсадной утке прикрепляют ремешок — «ногавку», к нему — шнурок, а на конце его груз, чтобы утка не улетела, когда ее выпускают на воду. Кричит она усердно. Сначала подает позывные сигналы, голосисто и протяжно извещая о своем присутствии, потом, заметив зорким глазком диких сородичей, сразу меняет тон: хлопотливо и часто побрякивая, ласковой скороговоркой приглашает подсадная гостей присесть на минутку...

Еще затемно челнок скользит среди льдов на взморье, — идет подготовка к утренней «стойке». Выставляют чучела речных уток — кряковых и других, отдельно от нырковых — гоголей и прочих. К чучелам подвешены грузила — свинчатки или камни, чтобы течением не уносило их. Выпускают на воду и подсадную. Обрадовалась утка родной стихии, охорашивается, купаясь, промасливает перья, чтобы не намокли, бормочет.

Скоро утро. Затихла крикуха, вслушивается в шорохи, посматривает вверх и по

сторонам, но пока молчит, — а пора бы ей подать голос.

С ближайшей проталины слышен надсадный крик утки. Тут уж и «обманщица» не выдержала: отряхнулась, похлопала крыльями и ответила. Да зря! Это расположился по соседству другой охотник с чучелами, но без подсадной. Сам мастерски подражает крику любой утки. Даже подсадную обманул.

В замаскированных челнах у льдин затаились охотники в белых халатах. Разводья и льды оживают. В воздухе всё чаще слышится то мягкое посвистыванье, то резкое дребезжанье крыльев. Засновали утки, начался лёт.

Захлебывается от усердия кряква, кричит, кивает головой. Рассекая предутренний полумрак, мчится табунок связей, но никто не стреляет: в сумерках не отличишь селезня, можно убить утку. Но вот налетела пара крякв, снижается в стремительном полете.

Охотник безошибочно бьет по задней, и во всем блеске весеннего пера шлепается на воду красавец селезень, — он всегда летит вслед за уткой. А возле чучел уже появились откуда-то два больших крохаля.

Снова прогремел выстрел, и чернопегий селезень платится за свою доверчивость.

Доносится хриловатое «жвяканье». Это кряковый селезень-одиночка ищет подругу. Недоверчиво кружит он стороной, боится приблизиться, — подметил что-то тревожное. А подсадная старается во-всю. Зовет, приговаривает, кланяется, даже крыльями трепе-

щет. Повертелся-повертелся нарядный гость и вплавь устремляется на зов.

В тающих сумерках заметны частые вспышки выстрелов.

...«Тих-тих-тих-тих», — это пронеслись кряквы. Сделали полукруг и опустились, погнав перед собой волну. Настороженно застыли... С дребезжащим свистом мчатся к чучелам гоголи.

Дуплет!

Один бит намертво, второй, раненый, с лету ныряет и бесследно исчезает. Миг, и к чучелам опустилась еще стайка гоголей.

Выстрел. Забился гоголь на месте, остальные мгновенно нырнули. Вылетели прямо из воды, — совсем не так, как другие утки — те сначала всплывут на поверхность, а потом взлетают...

Всё больше светает. Затихает стрельба. Утренняя «стойка» кончилась. Пора убирать чучела и подсадных.

Когда потеплеет, на селезней начинают охотиться и с берега. Важно выбрать хорошее место для шалаша; подсадная с чучелами и здесь поможет.

Заманчива весенняя охота на взморье. Нужно только знать повадки осторожных уток и иметь хорошее ружье.

ЕГО „ЗНАКОМАЯ“

Эта лосиха — старая огромная корова — крупнее лошади. Узнать ее просто, — она корноухая. Одно ухо ее висит, как перебитое. Еще лосенком с ней приключилась беда.

Однажды летом бродила она с матерью в прибрежных зарослях. За зиму приелась кора да голые ветки, вот корова и отправилась лакомиться свежей листвой на ивах и осинах. Грудью пригибая деревцо, животное пропускает его между ног и добирается до зеленой макушки. С громким хрустом обрывает побеги. Жует, жует и на миг замирает — слушает, не грозит ли опасность? Притихнет, и не разберешь: то ли светлосерые ноги виднеются, то ли стволы осинника. Попаслась

на берегу лосиха, да как бултыхнется в озеро! Вздывая и покачивая кувшинки, разошлись круги по заводи. Из-под широких листьев, оставляя полосы на воде, в испуге шныряют шурята.

Глубже и глубже забирается корова; вот, плотно прижав уши, окунулась. С шумным всплеском показалась из воды ее горбоносая голова; отдуваясь, фыркнула брызгами, а во рту — мясистый корень кубышки, — со дна его достала. За тем и ныряла.

Пока мать возилась в воде, теленок пощипал нежную поросль и пошел к ели, — захотелось ему почесаться. Только этого и ждала затаившаяся там рысь. Прыгнула лесная кошка, да промахнулась, лишь цапнула малыша за длинное ухо. С быстротой ветра кинулась к матери перепуганная телочка. С тех пор и осталась она на всю жизнь корноухой, хоть и выросла в большую корову и сама каждый год водит лосят.

Давно знает ее старый лесник Иван Петрович. Пожалуй, и она пригляделась к деду. Он часто бывает в лесном острове и иногда видит свою «знакомую», но чаще узнаёт о ее присутствии по следам острых копыт.

Не успеет старый войти в лес, а уж кругом разносится об этом крикливая весть. Лесные всезнайки — сойки — немедля разболтают о его появлении. А то и сама лосиха по ветру учует Петровича и всхрапнет, предупреждая теленка. Тот, невпопад поводя ушами, бросится к матери, и лосиха поспешно уведет малыша в укромный уголок. Лосенка никто

не учил хорониться, инстинкт подсказал ему, как это делать, — ляжет в плотный куст и станет невидимкой.

Спрятав теленка, корова отойдет в ельник, и ее бурая спина так и пропадет меж темных стволов. В лесу дальноркость ей не нужна. Она хоть и смотрит в сторону Ивана Петровича, но больше, чем глазам, верит чутью и слуху. Насторожит ухо и ждет, пока лесник мимо пройдет.

Бывает, что старик ненароком направится туда, где затаился малыш. Мамаша забеспокоится и, чтоб сбить человека с толку, выбежит на прогалину — покажется ему на глаза, в расчете, что тот погонится за ней и ей удастся отвлечь его.

Вместе с коровой и ее малышом бродили быки — старый, с ветвистыми рогами, и двухгодовалый. Их дед видел реже: скрытны очень и осторожны.

На зиму лоси как в воду канули, откочевали. Только весенней порой встретился с ними лесник там, где менее всего ожидал.

Интересно всё получилось.

Пробирался Петрович по болоту в лесную глушь; сюда на свои игрища слетались краснобровые глухари. Шел он по раскисшей мшаге, минуя заросшие кочки. Среди бархатистой зелени алела перезимовавшая клюква, будто просыпали ее здесь из корзин. На серой мшарине виднелись пучки желтого мха. «Да это следы медведя», — сразу понял опытный охотник. Тут бродил проголодавшийся за зиму мишка и ел клюкву. Лапы его

увязали в болоте. Вытаскивая их из слякоти, медведь когтями выворачивал мох.

Видно, усердно топтался мохнатый ягодник, вот даже кочка примята. Отдыхал, что ли, на ней? Посидел-посидел да и зашлепал прямиком через болото.

Что же заставило бурого зверя бросить закуску? Любопытно старому разгадать затею топтыгина.

По следам медведя Иван Петрович вошел в березняк. Тут всё и разъяснилось...

Медведь увидел лосей. На влажной почве хорошо отпечатался их свежий ход. Сохатые шли друг за другом, ступая след в след, будто один прошел. Только там, где они расходились по сторонам, мимоходом обрывая ветви, можно было заметить, что их было несколько. Впереди шагал вожак. Это была корова, — копыта у нее более узкие. За ней шел бык. Издали его теперь не отличить от лосихи: сброшенные зимою рога еще не выросли. Замыкала шествие маленькая прошлогодняя телочка... Вот лоси смело вошли в болото. Растопыривая копыта (выше их имеются еще и подпорки), животные не боялись увязнуть. Вдруг вожак остановился: медвежий дух учуял. Лосиха повернула назад и повела табунок в обход.

Так она хоть и крюк дала, но всё-таки перешла болото. Никакая сила не собьет лосей с того направления, какое они избрали.

«Не моя ли «знакомая» возвращается на свой остров?» — подумал старик.

Проверил ее дорогу и обрадовался.

Пожалуй, она. Недаром упорно стремилась к острову.

Дед не ошибся. Поздней осенью устроили облавную охоту в этом острове. С одной стороны, укрывшись в кустах, тихо стояли охотники, а с другого конца остров был охвачен полудугой загонщиков. По сигналу они должны были с шумом гнать дичь на затаившихся стрелков. Охотники хорошо знали, что по лосям стрелять нельзя, — бережем мы их. Но лоси сами о себе позаботились.

С криком, свистом, гамом двинулась облава загонщиков. Лоси насторожились, прислушались, потом внезапно бросились прямо на крики. Покачиваясь, размашистой иноходью (на этой пробежке их и на хорошем скакуне не догонишь) лоси вихрем прорвались сквозь цепь людей. Впереди мчалась корноухая; следом, закинув рога на спину, чтобы не цеплять ими за ветки, проскочил бык, за ним остальные.

Почему же лоси не устремились в ту сторону, где царило безмолвие? Не поверили тишине. Навык подсказал им, что нападающий затаивается или тихо крадется, но не предупреждает криком и шумом о своем приближении.

Лисицы же, зайцы и даже очутившийся в загоне медведь, заслышав шум, направились прямо к молчаливой засаде...

Так и остались в острове сохатые. Когда подморозило и в воздухе замелькали снежинки, лоси опять откочевали.

На следующий год весна была ранняя

На полях по возвышенным местам уже подсохло, и здесь попыхивали тракторы. За ними тянулись многолемешные плуги, переваливая теплую землю, готовую принять зерно.

Но в лесу — иные картины.

По ельникам снег лежал пластами, а на откосах желтела мать-и-мачеха. В еще голых березняках и осинниках показались синяя медуница, хохлатки, голубые перелески. Эти скромные цветы-подснежники в начале весны желанней роз. Зашуршав сухой, пожелтевшей травой, выбежала на солнце ящерица.

В такую пору в самой глуши лесного острова встретил лесник свою «знакомую». Корова стояла в зарослях. Подняв голову и насторожив ухо, она пристально наблюдала за человеком. Не хотелось ей покидать свою стоянку.

Петрович повернулся и ушел.

Он знал: скоро у лосихи будет теленок.

СОКОЛ-САПСАН

У придорожной канавы я спугнул пару чирков-свистунков — маленьких красивых уток. Облетев меня полукругом, они понеслись в сторону прибрежных камышей степного озера. Я залюбовался ими, — недаром чирки славятся быстротой своего полета. Они зигзагом взвились вверх и вдруг, уже врозь и почти отвесно, камнем бросились вниз. С высоты стрелой мелькнула тень, наискось ударила чирка, и закувыркалась маленькая уточка, рассеивая в воздухе перья. Хищник подхватил убитую птицу и унес.

Ястреб-тетеревятник? Не похоже. У того крылья короче и круглее, а хвост длиннее. Я тогда еще не знал, что это сокол-сапсан, пока снова не увидел его.

Закончив землемерные работы, направляюсь к своему приятелю Ахмету проститься.

Ахмета нахожу у «тырла» — места отдыха совхозных овец. Он старший чабан.

Только что занялись мы беседой, как в передние ряды стада пулей упал скворец, а в небо взмыла буроватая птица с рыжей грудью и черными баками. «Затопчут овцы скворца», — подумал я. Но Ахмет успокоил меня. Мы подошли к тому месту, где упала птичка. При моем приближении овцы шарахнулись в стороны, а из-под кочки, живой и невредимый, взлетел скворец.

Восхищенными глазами следил Ахмет за исчезающим вдали хищником. Из объяснений чабана я понял, что это замечательная ловчая птица — странствующий сокол-сапсан, которого так высоко ценят истые охотники. А мой старый друг — душой и телом охотник.

— Редкая и дорогая птица! — заключил Ахмет...

Спустя несколько лет как-то в майский день иду по набережной Обводного канала в Ленинграде. У перил стоят ребята и следят за стайкой голубей. Присоединяюсь к ребятам. Белея в солнечных лучах, стайка кружится высоко в синеве. Вдруг мы заметили смятение голубей, а в следующее мгновение увидели и того, кто это смятение внес. Сокол-сапсан, чуть поджав одно крыло, острым концом другого очертил в воздухе дугу и, поймав уже подбитого им и падавшего голубя, проворно с ним удалялся.

Теперь я хорошо знал повадки сапсана и

при каждой новой встрече сразу же угадывал его. А встречи продолжались...

На задворках огромного дома, выходящих в сторону рыночной площади, были дровяные сараи. Над одним возвышалась голубятня. В конце лета, в воскресный день, пожилой человек пробирался по крыше сарая, намереваясь погонять своих питомцев, чтобы полюбоваться их высотным полетом. Посмотрел кругом и заметил: летает голубь-одиночка. Моментально преобразился болельщик, решил поохотиться на темнокрылого красавца. Пригибаясь, подбежал к голубятне, выхватил своего ручного «вертуна» и бросил его в воздух, — пусть приманит «чужака».

Тут, откуда ни возьмись, сокол.

Ударил птицу, схватил ее и помчался к близ стоявшей колокольне...

Как-то в начале осени, недалеко от Ленинграда, караулил я на хлебных полях вяхирей. Это самые крупные дикие голуби, голубовато-серые, с белыми пятнами на шее и крыльях. После моего выстрела вяхири высоко поднялись. Вдруг стайка рассыпалась.

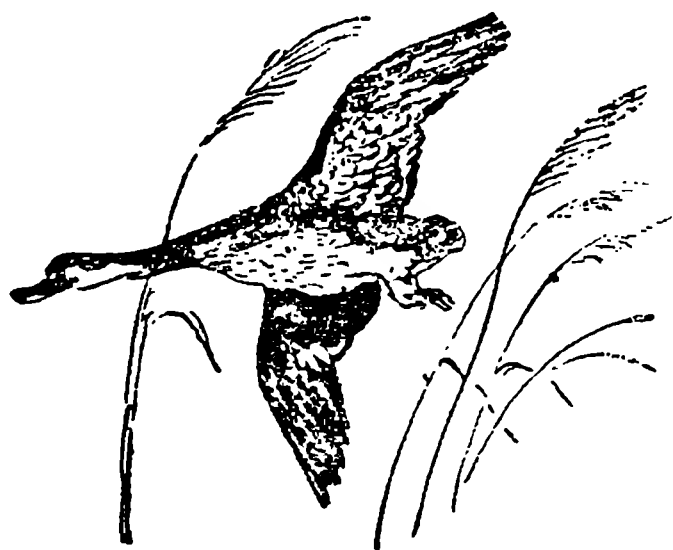
Вижу, взвился сокол, винтом набирает высоту. Скользнул вниз (сделал «ставку», как говорят охотники) и, сложив длинные, острые крылья, развил такую скорость падения, что стал почти неуловим. Только свистящая полоса, рассекая воздух, обозначала наклонный путь погони сокола. Распахнув крылья, сапсан ударил когтями по голубю и, прихватив его, полетел к лесу.

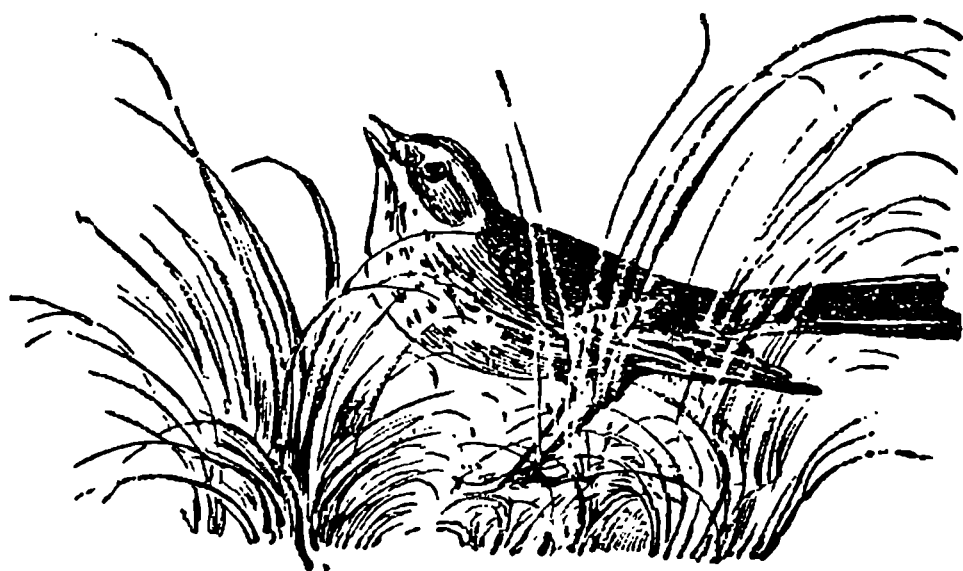
Сокол-сапсан нападает сверху. Поджав

лапы с собранными в комок передними пальцами, он бьет добычу задними когтями, как стальными крючками. От соколиного удара и лебеди падают с высоты, а сам боец — много меньше сраженной им птицы. Даже такие мастера полета, как стрижи, не уходят от него.

Сапсан — сильный и отважный воздушный охотник.

«Редкая и дорогая птица», — вспомнил я слова своего далекого друга.

ТРЕВОГА

До чего же проворны эти буроватые птички — лесные коньки, или шеврицы, — просто не уследишь за их беготней. Только что гнался конек за жучком, потом вспорхнул, поймал мушку, и вот уже опять бежит, дергая хвостиком, и склевывает попутно с ветки гусеницу. Глядь — уже ловит комара.

А водились коньки в моем заветном лесном уголке — на вырубке. Хорошо здесь. Взглянешь кругом — не нарадуешься! Там краснеют на солнце прямые рослые сосны с темнозелеными кронами. Там — белая стена берез в светлозеленом наряде. Изредка виднеются серые осины с беспокойной листвой или бурая ель с лапами колкой хвои. Вырубка заросла подлеском, иван-чаем, клевером. Главное, здесь очень много земляники. У ста-

рых пней красуются крупные спелые ягоды,— просто загляденье. Раздвинешь траву — и там поникли сочные грозди.

Вот из-за этих-то ягод и состоялось мое знакомство с щеврицами.

Собираю землянику, а коньки забежали с беспокойным писком вокруг, трепещут в воздухе передо мною — путь загораживают. Куда они меня не пускают, понять не могу. Не сходя с места, внимательно осматриваюсь.

Ах, вот в чем дело!

Под пучком вереска, в ямке, — гнездо, выстланное травой. В нем притаились птенцы, уже в перьях. Оставляю их в покое и удаляюсь. Коньки провожают меня, то бегут, то перелетают вслед за мной. Так и расстались мы по-хорошему.

Спустя два-три дня опять наведываюсь за ягодами. Уже издали слышу тревожный писк коньков. Что там случилось? Спешу к месту птичьего переполоха. Но щеврицы не очень-то обращают на меня внимание: наершились, бегают у гнезда и пищат, пищат. Рядом с гнездом — четыре птенца, еще нелётные. Щеврята замерли в неподвижности, чтоб стать незаметней на серой земле.

Не вижу причины тревоги!

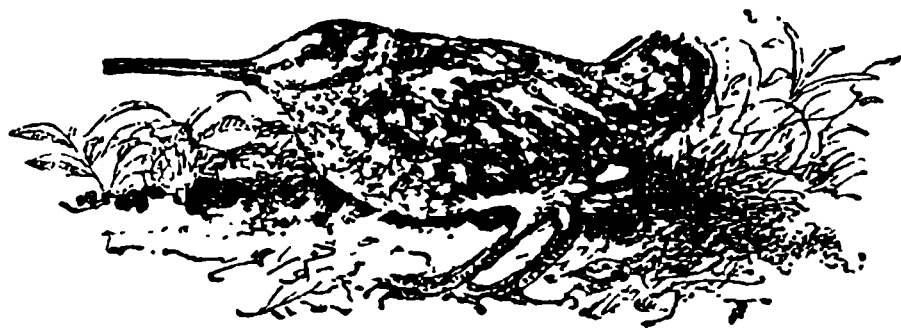
Приглядываюсь еще внимательней и замечаю, что гнездо выпирает из ямки. Палкой (с нею никогда не следует расставаться в лесу) скovyриваю с места гнездо; в ямке лежит, свернувшись кольцами, буроватая змея с черной полоской вдоль спины. Видя, что больше ей некуда деваться, змея, подняв

голову со злыми глазами, угрожающе шипит. Сразу видно, что это ядовитая гадюка, а не безобидный уж: у того, как и у безвредной змеи-медянки, зрачки круглые, у гадюки же они вроде узких щелей сверху вниз. У черного ужа по бокам головы яркие желтые пятна, а у гадюки их нет...

Ну теперь — шипи не шипи — не запугаешь! И шутить с тобой не буду. У меня с гадюкой разговор короткий — нельзя давать ей пощады...

Нетрудно было догадаться, как змея очутилась в гнезде.

Ползла гадюка, извиваясь и чуть шелестя травой. Щеврицы подняли тревогу, но она подобралась к гнезду и быстро выбросила голову вперед; в этот момент показался я. Тут уж гадюка поспешила укрыться от страшного для нее человека. Она мгновенно умеет спрятаться в траве, в трещинах земли, под корнями. При виде меня змея и уползла в гнездовую ямку, схоронилась там под лотком из сухой травы, а потревоженные этим щеврята выскочили из гнезда...

НА КАБАНА

В Прикаспии, как и на Северном Кавказе, есть места, где сады и огороды, расположенные за селами, порой вплотную подступают к камышам и дикие свиньи иногда заходят даже в виноградники.

Как-то в конце леса встречает меня дед Степан, колхозный сторож, и просит:

— Убей кабана! «На заседках» подкараулишь этого старого одинца-секача. Я покажу. Надоел он — по ночам шкодит. Вчера забрался под яблони, собрал опадыши. Сегодня надо ждать его в огурцах: две ночи подряд в то же место не придет!

Свободного времени у меня вдоволь, — мой отпуск только начался, и предложение деда — как нельзя более кстати.

Захожу к старику. Показывает он мне «работу» секача. Почесался кабан о яблоню, потряхнул ствол — посыпались сочные, в красных полосках, яблоки. Вот и еда ему. Идем дальше, к абрикосовым деревьям. Ветви густо усеяны желтыми плодами с румянцем на боках... Из-под деревьев убегает выводок фазанов. Дед остается тут, а я держу путь к овощам, за канаву. Под ногами не видно углубления — затянулось колючими зарослями ежевики; развернешь их, а там висят черные с синевой ягоды — вкусней северной земляники. Прыгаю через ров в огород... чуть не на фазана. Столбом взлетает золотистый петух, быстро машет короткими крыльями. Эта птица полагается главным образом на проворство своих ног и, потревоженная, убегает, но сейчас она взлетела от моего прыжка.

На огороде не только огурцы, есть и тыквы, и дыни; по краям — помидоры. Залезаю в курень, проделываю щели в хворостяных стенках. Устраиваю сиденье. В ожидании кабана принимаюсь за дыню.

Солнце зашло. Угасла вечерняя заря, и померкло всё кругом. Заискрилось звездное небо. Всплывает огромная красная луна; чем выше, тем меньше и желтее становится ее шар. Звёзды уже не искрятся, — светлячками мерцают. От верб падают длинные тени. Гудят комары.

С вечера не жди кабана, в глухую полночь явится. Дремота одолевает. Из села доносится звон. Часы бьют одиннадцать.

Опять дремлется. Стараюсь не спать, отгоняю комаров. Сидя, наклоняюсь к щели...

Вот так здорово! Как же я прозевал? Под вербою колыхнулась темная масса. Шевельнулся зверь. Да это свинья! Возле нее поросята... Прилаживаюсь с ружьем ближе к щели. Эх, неудачно получилось, — треснул сухой сучок! Тихо хрюкнула свинья. Как по сигналу, замерли поросята, затаились в тени. Неподвижен воздух, — трудно меня учуять. Вслушиваются...

«Ну, — думаю, — пропала охота! Зверь будет терпеливо стоять, пока не разберет, в чем дело».

И мне приходится ждать, — не стрелять же в неясное пятно! Пробило двенадцать... час... Занемели ноги, стали как чужие... Больше не вмоготу сидеть в напряженной позе. Однако моя выдержка победила — всё-таки я пересидел: успокоилась матка, хрюкнула мягко, и закопошились поросята, забегали, возятся с тыквой — пытаются раскусить ее.

На помощь приходит мамаша. Носом поворочала тыкву, наступила ногой на нее, да как хрустнет зубами...

Подходящий момент! Бесшумно вставляю в щель куреня стволы. Хочу стрелять с колена. С усилием пытаюсь переставить одеревяневшую ногу, но, не подчиняясь мне, она падает, как обрубок. Я валюсь плечом на стенку. Затрещал курень. Резко гукнула свинья, и — как не бывало выводка, — исчез. Прошумел где-то в камышах и смолк.

Поохотился!.. Иду к деду. Не успеваю и рта открыть, как слышу:

— Сам знаю! Не сумел пересидеть ее. Ноги у тебя занемели, неладно уселся. Надо заранее удобно устраиваться. Хочешь, чайку согрею?

За чаем старик утешает меня:

— К тебе, на огород, приходила гуртовая. Напугал ты их так, что нескоро сюда явятся. Вот кабан — того жди завтра на винограднике.

Вечером я опять у деда Степана. Рядом с белой хатой у него вышка. На больших ветвях старой яблони целое сооружение: положены жерди, а на них настланы камыш и осока. Отсюда Степан Егорович всё видит. Здесь он и отдыхает.

Три года назад заложил дедусь молодой фруктовый сад. С увлечением помогали ему пионеры-мичуринцы, приехавшие из города в лагерь.

Ровными линиями тянутся яблоньки. Каждое деревцо подвязано к колу мягкой мочалой, чтобы прямей росло. Вся посадка хорошо прижилась. И немудрено: дед — опытный садовод. Для посадки выбирал саженцы без всякого изъяна — с прямыми стволами, с хорошими мочковатыми корнями. Потому всё и принялось.

Посидели мы у вышки, побеседовали.

Дождавшись луны, отправляюсь на заседки. Глубокая канава отделяет виноградники от камышей. В весеннее половодье этот ров не дает воде затоплять сады.

Лежу в тени, под кустами виноградных лоз, поддерживаемых жердями. Над головой висят кисти ягод. Тут найдешь любые сорта винограда — черный, белый, алый.

Впереди меня, за валом, начинаются камыши. Старик говорил, что «здесь самый выход зверя» через отлогое место канавы...

Откуда-то появился русак. Прыгнул и прижался к земле возле ружья. Меня не заметил. На обоняние свое заяц не полагается, а я не шелохнусь. Сел косою, поводил ушами. Лапкой тронул усы, пригладил голову. Ткнул носом в сталь стволов и испугался. Как махнет в сторону!..

Жду кабана. По моему расчету, еще не время ему выходить, а камыши потрескивают. Беру ружье, подползаю к тутовому дереву на валу. Отсюда виднее и удобней стрелять...

Ломится, необычайно смело, идет кабан. Слышится, будто фукнул носом. «Продувает болотный дух, чтобы лучше чуют», — вспоминаю слова деда о повадках кабана...

Треснула камышинка... В тростнике показались неясные очертания крупного зверя... Раз за разом стреляю — посылаю две пули. Быстро перезаряжаю... С хриплым мычаньем зверь тяжело валится.

Перестал кабан шевелиться, и я осторожно приблизился к нему. Всматриваюсь: бычок! Обыкновенный, годовик!..

Дед Степан долго смеялся надо мною, потом откашлялся, отдышался и, глядя на мой удрученный вид, успокоил:

— Этого бузивка уже давно ищут.

Отбился от стада. Правление решило зарезать его на мясо и отправить на полевой стан колхозникам. Давай сейчас, по холодку, свежевать его, а утром отправим.

Не ждал я такого счастливого исхода.

Кабан больше не показывался, но скоро прошел слух, что он объявился у водяной мельницы. Днем и ночью вращает протока огромное колесо. С шумом падает, плещется вода. А кабану это и надо: людям не слышно, как заберется он и хозяйничает у мельника Поликарпыча то на бахче, то в винограднике.

Приглашает меня к себе в гости Поликарпыч и убеждает:

— Обязательно убьешь кабана! Он днюет недалеко — на острове. У тебя и ружье хорошее и кобель злой. Возьми и моих собак. Найдут — поднимут его. Мне самому в эти дни не выбраться. А случится у тебя неудача, так через недельку-другую, в досуг, вместе сходим.

Правду сказал Поликарпыч, — ему теперь некогда. У него на мельнице сейчас большой завоз. Поликарпыч — мастер сортового помола зерна. Из его белоснежной крупчатки выпекают такие пышные паланицы и пироги, что колхозницы не нахвалятся мукой.

С обеда беру своего гончака да прихватываю двух мельниковских бывалых дворняг и — в камыши. Охота удалась, только... без выстрела, и на другого кабана... Мой Гудай зло взял: не успел сунуться в камыши, как подхватит, лишь треск пошел. Годовалый кабан, или, как здесь говорят, «подсвинок»,

копался в сладких корнях и, испуганный собакой, кинулся в глубь тростников. Откуда-то вынырнули дворняги. Наклонив к следу головы и задрвав хвосты, они пронеслись мимо меня на голос гончей... Лай смолк, зато, «как резанный» завизжал подсвинок. Со всех ног бегу туда... Псы, растянув кабана, прочно держат его на месте: Гудай — за самый пяточок на рыле, одна дворняга вцепилась в ухо, другая — тянет за заднюю ногу. Боясь задеть собак, я не стрелял, а приколот подсвинка.

Старый секач продолжал свои набеги. Скоро вернулся с полевых станов Фомич — председатель колхоза — и дал задание:

— Убить кабана! Что смотрят наши охотники?

Отправились мы втроем: дед Степан с шомполкой, Поликарпыч с берданкой и я с централкой. С нами Гудай. Медленно идем по сырому болоту. Нас окружают плотные заросли. Под ногами сплошной переплет корней. Дикая свинья беспрепятственно шныряет в такой трущобе. Их длинное, вначале узкое, потом расширяющееся рыло легко вонзается в самую гущу и, как клин, раздвигает камыши.

Наш дед только кряхтит, но, верный своей веселой натуре, балагурит:

— Тебе, Поликарпыч, впереди бы держаться, путь нам указывать. Вишь какой ты — головой торчишь над камышами!

— Нет уж, Степан Егорович, тебе почет, — ты, как трактор, дорогу нам проложишь!

Действительно, дед хотя ростом и невелик, зато широк в плечах и круглый такой.

Камыши поредели, пожелтели их мягкие махалки. На рогозе черно-бархатные султанчики. Местами — густая серая осока.

В стороне громко залаял Гудай.

Осторожно приближаемся. Не замечая нас, вековые между собою враги сражаются один-на-один. Зверь пытается скрыться, а собака не пускает его...

Кабан на ходу быстро оборачивается и яростно насккивает на гончака, пробуя отогнать его. А тот отпрянет и опять смело кидается, хватая кабана за ноги, старается осадить его. Из куста осоки зверь свирепо следит за собакой. Вдруг стремительный скачок, взмах клыком, — но гончая, ловко увернувшись от удара, снова злобно нападает, а кабан, стряхнув срезанный камыш, опять в осоке. И всё это длится один миг!

Готовый к натиску, зверь в бешенстве пыхтит, наблюдая налитыми кровью глазками за собакой, чавкает челюстями.

Грохнул из шомполки дед Степан. Дым рассеялся, а кабана нет. Гончак обнюхивает кровь на осоке.

Пошли следом. Первым — Гудай, за ним — старик со взведенным курком на шомполке, замыкает шествие Поликарпыч. Я — сбоку. Но секач перехитрил нас: обрезал круг и вернулся на свой след. Затаился в осоке, а ветерок не шелохнет. Из-за куста — внезапный бросок зверя! Пес летит в ноги дедке! От неожиданности у того — выстрел вверх, а сам дед упал. Поликарпыч не успел выстрелить и тоже скорее навзничь. Он знает, что при не-

устойке это спасительный прием: кривыми клыками кабану не задеть плотно прижавшегося к земле человека, особенно если он лежит хотя бы в незначительном углублении.

Кабан проскочил Степана Егорыча, а Михаила Поликарпыча притоптал передними ногами, взмахнул клыком вдоль его спины и — бежать. Накоротке бью жаканом под лопатку, — так и перевернулся зверь!

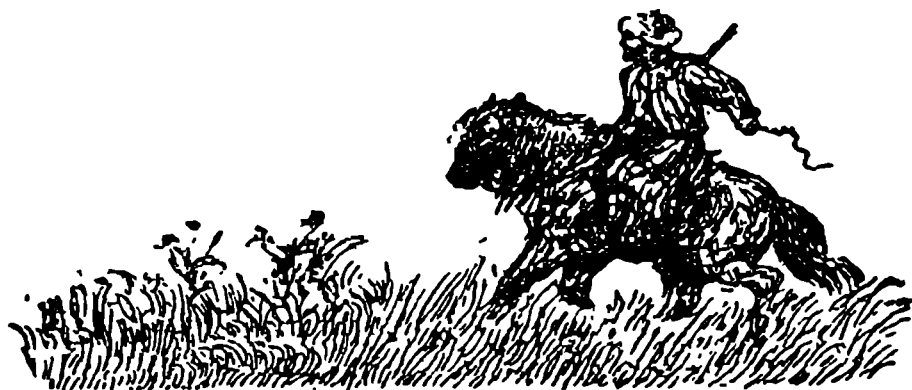
Осторожно поднимаются мои друзья. Поликарпыч с переполоху не может дух перевести, уж очень быстро всё обернулось. Осматривается, ждет еще нападения. А дедушка Степан, глядя на мельника, смеется:

— Как он тебя расписал!

Ватный пиджак Поликарпыча на спине располосован на две половины.

Отдышался Поликарпыч, и сразу вернулась к нему его деловитость: осмотрел кабана, подергал за ногу, — определил вес. Обсудил, как лучше вывезти тушу. Потом вынул из кожаной сумки сало и бутылку виноградного вина.

— Хозяйственный ты мужик, — смеется дед, — под кабаном уберег добро. То-то ты и падал на живот, чтобы прикрыть сумку!

В ЗЕМЛЯНИЧНИКЕ

Лесная земляника — первая ягода, всё лето ее собирают по вырубкам. Зреет она на солнце и сладким соком так наливается, что, раскрасневшись, даже лоснится и поблескивает в траве.

На восходе, росистым утром, прихожу на земляничник. Рядом в березняке завохтала тетёрка. Сажусь на пенёк в редкий куст иван-чая и затихаю...

Чуть вздрагивают и покачиваются травинки... На прогалину вышла тетёрка, осторожно остановилась. За ней высыпали тетеревята с мокрыми хвостиками и накинулись на ягоды, торопясь и перехватывая их друг у друга. Старая птица недоверчиво всматривается в меня острым глазком. Я не шелохнусь, и она, не пугаясь, проверяет; хотя я одет в защитное, но она помнит, что в этом

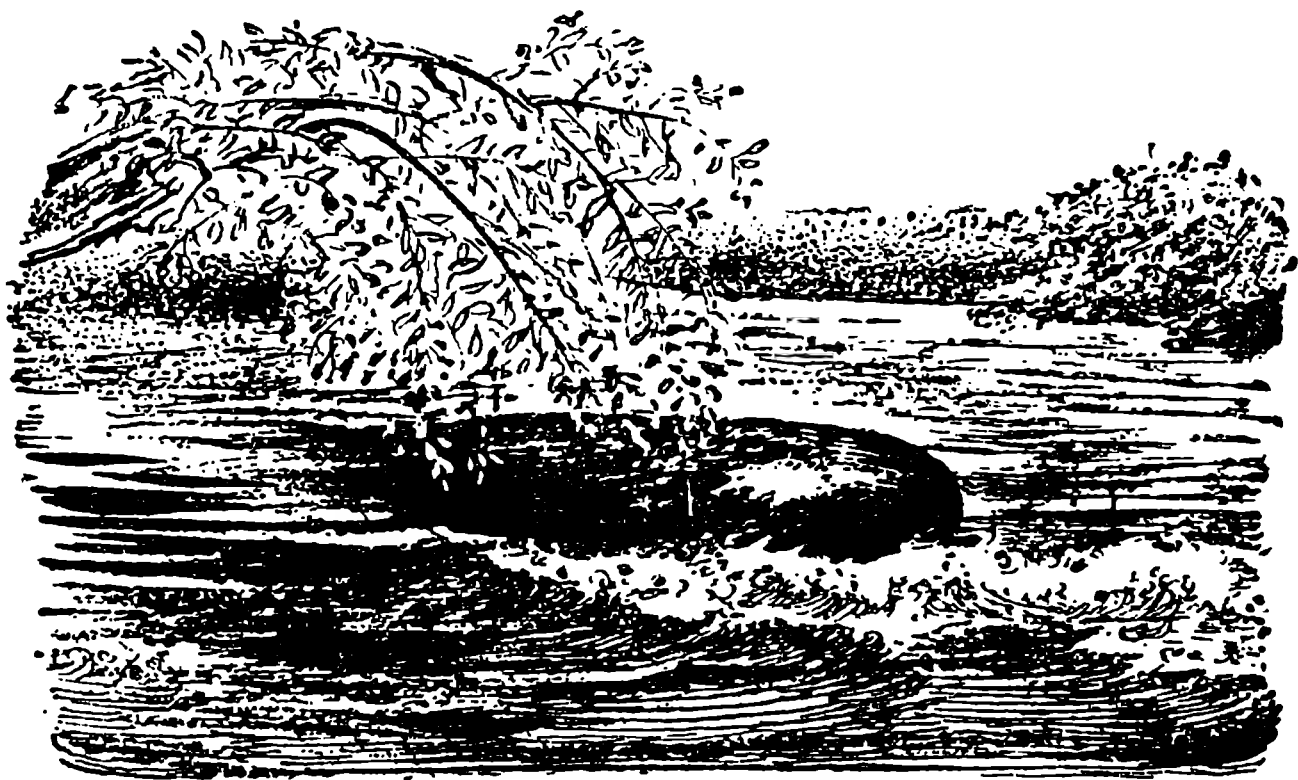
кустике раньше не было высокого «пня». Я замираю в неподвижности, и подозрение тетёрки постепенно угасает. Успокоенная, она начинает клевать землянику, но и срывая ее, не выпускает меня из поля своего наблюдения, то и дело вытягивая шейку. В один из таких моментов мы встретились взорами: я поднял веки, и тетёрка своим темным глазком уставилась в мои глаза. Я застываю, не шевелясь и затаив дыхание, и птица без тревоги созерцает мой неподвижный взгляд; но тут я не вытерпел — моргнул. С тревожным коканьем встрепелась тетёрка. Шмыгнула в березняки. Цыплята сразу же запали на месте и стали мало заметными. Не найдешь их, затаившихся!..

Из зарослей слышалось мягкое квохтанье тетёрки. Цыплята ответили посвистываньем и побежали к матери.

Там, где пробежали тетеревята, на седой от росы траве остались зеленые полосы.

В следующий мой приход встреча в земляничнике была иной. Сажу на пне и жду, не появится ли выводок. Гляжу, шевельнулась трава и крадучись высунулся черный тетерев-самец. Из густых зарослей, где он таится во время линьки, тетерев пришел на ягодник. Заметив силуэт необычного «пня», но еще не разобравшись, в чем дело, косач спрятался за ствол дерева и оттуда чуть выставил голову, поглядывая на меня.

Тетерев куда осторожней доверчивой тетёрки: почуял неладное и быстро удрал.

С УДОЧКОЙ

Бурная речка Каменка. Не зря называли ее так: берег и дно русла загромождены валунами. По каменным уступам вода несется с оглушительным шумом, и невольно удивляешься, откуда у маленькой речушки такая прыть. А сколько у нее извилистых поворотов! Напрямик пройдешь — два километра, а речкой выйдет пять. Хоть и мала речонка, а чтобы взглянуть снизу на берег — запрокидывай голову, так высоки кручи.

Путь Каменки лежит между хвойником и чернолесьем, а рыба любит держаться у заросших берегов. Да еще какая рыба! Есть и хариус и форель. Про ельца с окунем и гово-

рить не приходится. Вода в Каменке ключевая, студеная; значит, обитает в ней и налим. Ельцы больше по песчаным отмелям водятся. Стайки небольших темнозеленых окуней с красными и желтыми плавниками гуляют в омутах. А те, что покрупнее, тех не заметишь, — в глубинах скрываются. Налим показывается только ночью, днем ищи его в норе под обрывом или под камнями. Под камнями и корягами днюет и форель. На зорьках появляется она на перекатах, но случается, и днем выскакивает из засады за добычей. Хариус любит держаться у перекатов, выше и ниже их; он сам указывает свою стоянку, — то и дело слышатся всплески — мошек ловит.

Спускаюсь по обрыву к воде. На солнце-пеке у муравейника краснеет земляника. На песке отпечатки перепончатых лап. Эге! здесь бывает и другой рыболов, — это выдра наследила.

Разматываю поплавочную удочку. На крючок насаживаю сразу трех червяков, — так заманчивей для рыбы, и забрасываю в прозрачный поток. Приманку помчало за поворот. Мгновенно потонул поплавок, повело его под водой. Подсекаю. Так и выиграла рыбина! Выбрасываю... пустой крючок. Ловко! Это скорей всего форель. Она умеет чисто снять червяка.

Где же она? Осторожно заглядываю под берег. В подмыве на дне лежит обломок доски. Не иначе как здесь. Ладно, пусть успокоится, не уйдет.

Иду вверх по течению. Вода падает

с переката в яму и кружится. У того берега коряжина, а под ней темнеет глубина. Возможно, достану туда! Распускаю всю жилковую леску, нанизываю червяков, делаю из-за куста плавный взмах длинным удилищем, и крючок с насадкой — у коряги. Из-под нее дугой вывернулась рыба, рванула и исчезла. Опять неудача! Даже не накололась, а червяки сорваны.

Сразу, пожалуй, не повторит хватку, а всё же попробую. Вновь мечу в то же место, и задергалась, заметалась пойманная форель. Леска так и режет воду... Рыба норовит под корягу. Не уйдешь! Выбрасываю форель на берег. Она падает и срывается с крючка, бьется, прыгает к воде. Подскакиваю к ней. В спешке задеваю банку с червяками, она летит в речку. Хватаю и еле удерживаю скользкую рыбу — красивую, плотную, желтоватую, с красными и темными пятнами по бокам. Недаром зовут ее пеструшкой..

Слышу всплески. Хариус сыграл. Скрытно подбираюсь. Забрасываю кузнечика, — расправив крылышки, он планирует с крючком к воде. Подхватываю хариуса. Серебристая рыба с черными пятнами на спине. Высокий спинной плавник к хвосту загнут; если сложить его — он чуть не достает до жирового плавника. Такой же плавник и у форели. Это особенность всего семейства хариусовых.

У камня, на самом дне потока, вижу окуней. Забросил червяка — не берут. Рыба пятится, и вдруг, как по команде, вся стайка исчезает в прозрачной воде.

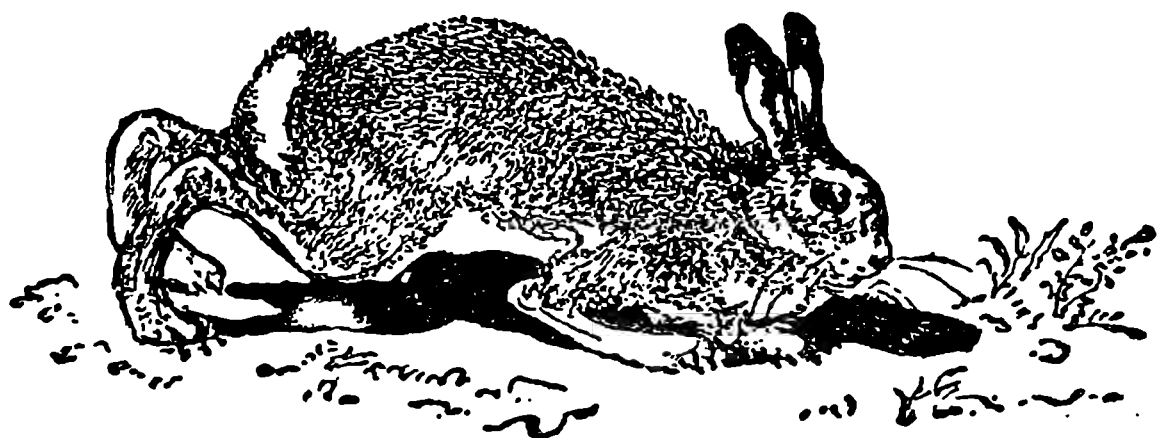
Вспомнил о первой форели. Раз сорвалась на червяка, надо обмануть ее другой насадкой.

Иду в поле. Среди трав пестрят цветы: красный и белый клевер, ромашка, колокольчики, иван-да-марья; гудят шмели, пчёлы. Всюду цинкают кузнечики. Ищу их. Мне нужны небольшие, а попадаются крупные — зеленые. Поднимаю голову и замираю. Под уклоном, шагах в сорока, — красный лисовин. Занимается тем же, чем и я, — ловит жирных кузнечиков. Увлёкся так, что даже не озирается. Смотрю, что будет дальше, благо ветерок на меня. А лис переступит раз-два, спугнет скачка и наблюдает, куда тот сядет. Заметит, где кузнечик, — уши вперед, весь вытянется — раз лапой, и накроет. Для верности и второй прихлопнет. Да так ловко, просто залюбуешься. Потом сунет морду в лапы и жуёт. Всё-таки спохватился лисовин — обернулся, взметнул хвостом и умчался.

Возвращаюсь к речке. Налаживаю удочку. Забрасываю к повороту, где сорвалась форель. Может быть, на кузнечика соблазнится... Он шевелит ножками, пытается скакать по воде... Не выдержала — схватила приманку, и назад. Поздно, — обманул...

Веселая ловля! Но требует осторожности и ловкости.

А главное — сам не стой на виду. Закидывай против течения: рыба туда стоит головой. Иначе толку не будет.

НА БАХЧЕ

Солнце так и печет. А сторожу колхозной бахчи жара нипочем. Под желтой соломенной шляпой темнеет в кайме белой бороды загорелое, в морщинах лицо проворного и сухонького Лукича. Ему бы на печке лежать, а у него всё заботы. Уже с конца зимы хлопчет, говорит школьникам:

— Погодите, дождемся лета, опять на вольный воздух я выеду. Придете ко мне на бахчу, такими кавунами угощу — оближетесь!

Вот и дождались. Ходит дед по бахче, любитесь.

«Надо отобрать кавуны, какие поспелее, и на колхозный стан отослать. Они там в степи еще не пробовали их», — думает Лукич.

Бахча у дедушки загляденье. Чего только здесь нет!

Меж узорчатой листвы будто разложены круглые шары арбузов — темнозеленых, полосатых, больших, маленьких. С толстых

плетей вверх тянутся трубчатые стебли под широкими, как у кувшинок, листьями. Среди их зелени выпячиваются огромные белые тыквы. К ботве, вроде огуречной, поприцеплялись хвостиками длинные дыни — желтые, темнобурые, рябые.

Щелкает Лукич по арбузам пальцем, на звук определяет спелость. Зрелую дыню на взгляд угадаешь: на своей корке она трещинки кажет, — готова, значит. Прикоснись к такой, сама от хвостика отвалится.

Хороший арбуз чуть тронешь ножом, так и расколется, обнажая красную, сочную, сладкую мякоть, а рябая дыня, так та даже с треском развалится пополам, — отведайте ее, сахарную! Впрочем, и тыква, ежели ее запечь, медовой становится.

Кругом бахчи — лакомство ребят: горох, подсолнухи, мак.

Душа радуется у старого, глядя на всю эту благодать.

И вдруг перед Лукичом алеет дырка в арбузе.

— Ах ты паршивец! Опять напакостил. погоди ж, попадешься мне в руки, оборву я тебе длинные уши! — ворчит на кого-то дед.

Как тут не браниться? Что ни лучший арбуз, то с погрызом.

Кто же тот «длинноухий», что портит добро?

Будьте покойны, — дед хорошо знает, кто пакостит ему в сумраке ночи! Связал старый две палки крест-накрест, натянул на них

свитку и водрузил чучело на бахче, чтобы остерегались любители сладких арбузов. Вору надо бы пугаться страшилища с распростертыми руками и кубышкой вместо головы, а он преспокойно разгрыз арбуз под самым пугалом.

Вот и размышляет старый, что бы еще такое придумать, чтобы отвадить непрошеного гостя?

Воюет Лукич с «длинноухим», и невдомек ему, что воришка днем таится в пучке ковыля вблизи от стариковского жилья. Самое безопасное место!

Случайно наткнулся на него дедушка. Как выскочит из-под ног здоровенный русачина-заяц, и ну удирать! Дед в ладоши захлопал, жару поддает зайцу:

— Вот я тебе, вору! Держи его!

Скрылся косой на другой загон и попал в беду — наскочил на собаку.

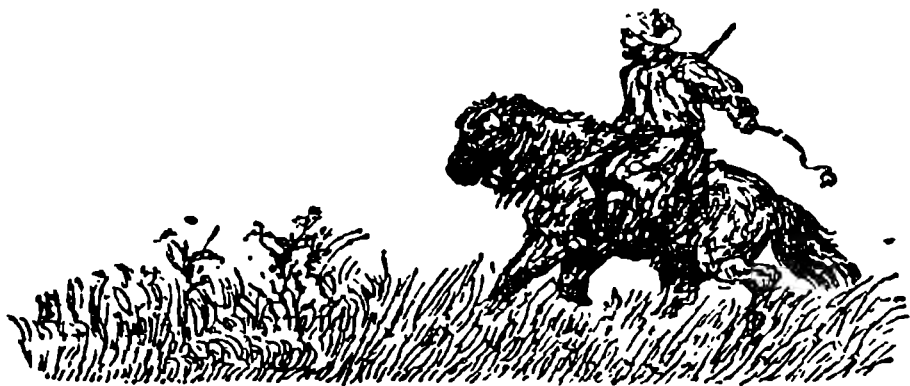
Скачет русак, заложив уши. Вихрем летит за ним борзая. Туго приходится зайцу, не уйти ему от погони. Заметался из стороны в сторону, а пес настигает, как рулем правит длинным хвостом на крутых поворотах. Оттого охотники и называют хвост борзой «правылом».

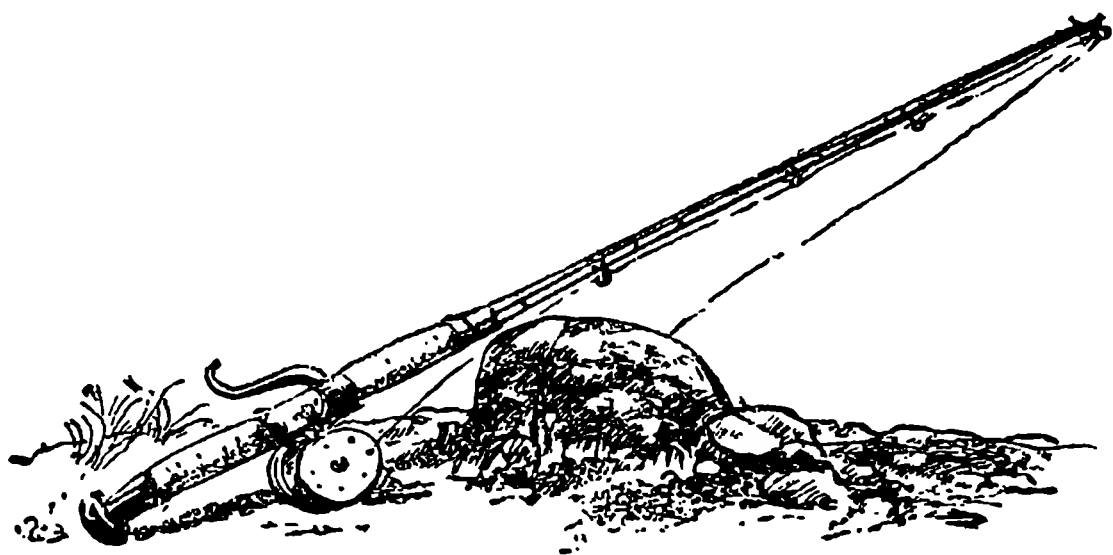
На короткой угонке пружиной развернулась борзая и сделала сокрушительный бросок, наметив для удара заячий хвост. Но косой не сплошал, — взял да и припал к земле. Не встретив точки опоры, собака кубарем полетела через голову. Пока пришла в себя да выровнялась — умчался заяц далеко . впе-

ред, держа путь прямо к бахче. Потянуло его к привычным кустикам ковыля, где всегда находил он мирный приют.

Окно в избенке Лукича наравне с землей темнеет, показалось оно измученному русаку спасительным отверстием. Ударился заяц с разбегу в стекло, пробил его и очутился... на столе. Полетел на пол разрезанный арбуз. Лукич только ахнул, а беглец в испуге махнул под кровать.

— Попался-таки, плут, в мои руки! Не бойся, не бойся, уши я тебе не оборву. А вот в плену у меня посидишь, пока бахчу не уберем.

ЛОСОСЬ

Много у нас водится разных пород лососевых рыб. Славится лосось Каспия, Черного и Аральского морей, некогда приплывший из Ледовитого океана. Лосось Дальнего Востока — кета, горбуша — во время нереста несметными косяками запруживает русла рек. В такую пору на рыбу охотятся с берега даже звери. Медведь, например, без труда подхватывает добычу лапой и выбрасывает ее наземь.

В реках Сибири, в озерах Байкал, Зайсан плодится таймень, ленок.

В прибрежных водах Ледовитого океана, от Онеги до Колымы, обитает нельма. На икрометание она устремляется в наши реки.

Из Каспия в Волгу и Урал поднимается белорыбица.

В северные реки и в Финский залив вхо-

дит кумжа; попадает она и в реки Лугу, Нарев. В Ладожском и Онежском озерах живет местный озёрный лосось, мечущий икру в реках, впадающих в эти озёра.

У рыболовов-любителей большой популярностью пользуется спиннинговая ловля драгоценной красной рыбы — семги — в Туломе и Коле, которые впадают в Кольский залив Баренцова моря, в Варзуге, убегающей к Белому морю, в Кеми, что течет в Онежскую губу, в Ниве, берущей начало в озере Имандра.

Заслуженную славу «лососевых» имеют реки Вуокса, Тайпелен-йоки, впадающие в Ладожское озеро, и Нева, куда входит атлантический лосось. Здесь за ним укрепилось название «невский».

Морской лосось, поднимаясь из океанских пучин, немало поскитается, пока доберется до нерестилищ в верховьях наших рек. Ихтиолог Сабанеев писал о поимке у нас лосося со шведским, немецким и датским крючками во рту.

Еще задолго до икрометания лосось идет к истокам наших рек. Ни бешено крутящиеся водовороты, ни бурные пороги не останавливают стремительного бега серебристой рыбы. Нет равных ей по скорости и неутомимости в преодолении преград. Отталкиваясь упругим хвостом, она, подобно распрямляющейся пружине, мгновенно разгибает собранное в дугу тело и гигантским броском берет грозные водопады. В избранных местах лососки мечут икру, а самцы поливают ее молоками.

Много «охотников» до лососевой икры; вьется около нее форель, ворует ее и ерш.

Лосось засекается на крючках иногда чем попало — боком, брюхом, хвостом. Один рыболов поймал на Вуоксе «бывалого» лосося: на боку у него висели четыре блесны. Как видно, не одного любителя огорчил этот огромный лосось. Так случается, когда блесна попадает в гущу стаи и рыба, как говорят спиннингисты, «забагривается» якорьками. Обычно же лосось налетает на подброшенную ему приманку, принимая ее за рыбешку, которой питается.

Ловят лосося с весны до ледостава. Охота на него так волнующе увлекательна, что несравнима ни с какой другой ловлей. Тут всё зависит от искусства, ловкости и терпения рыболова. Для успеха важно и то, куда заброшена блесна. Она должна упасть к стоянке рыбы, например, за подводный камень, сдерживающий напор быстрины, — в затишье его обычно отдыхает лосось. Такое место легко угадать: скрытый валун вздымает воду, оставляя на поверхности ее две разбегающиеся полосы.

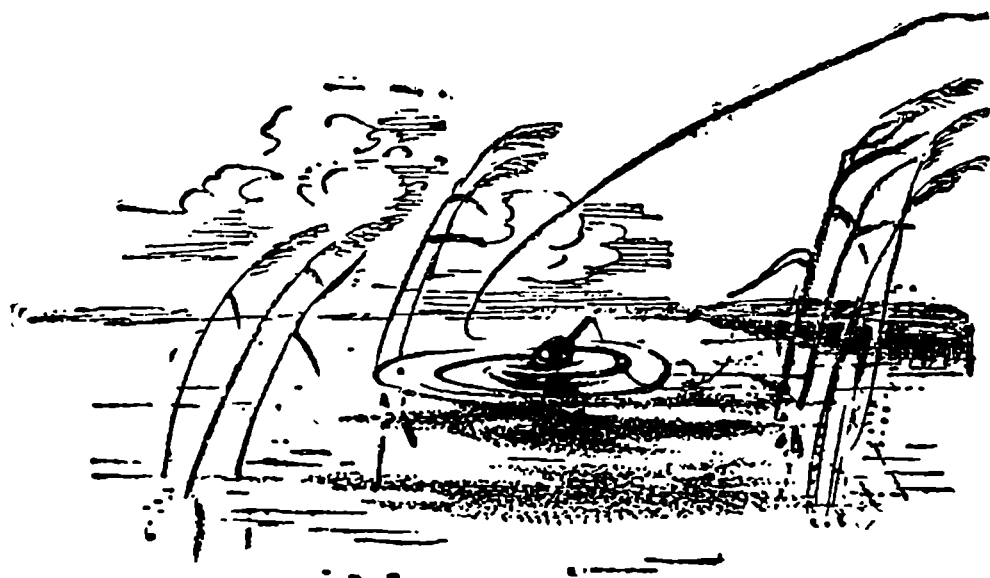
На пути к верховьям рек лосось останавливается на отдых и за изгибом быстрого течения — там, где после удара в излучину берега вода замедляет свой бег. Днем стоянка бывает у середины реки, ночью — ближе к берегу. Здесь же держится и утомленная нерестом рыба. Если мчится стая, — блесну направляют туда, где рыба сыграет или разрежет плавником поверхность воды...

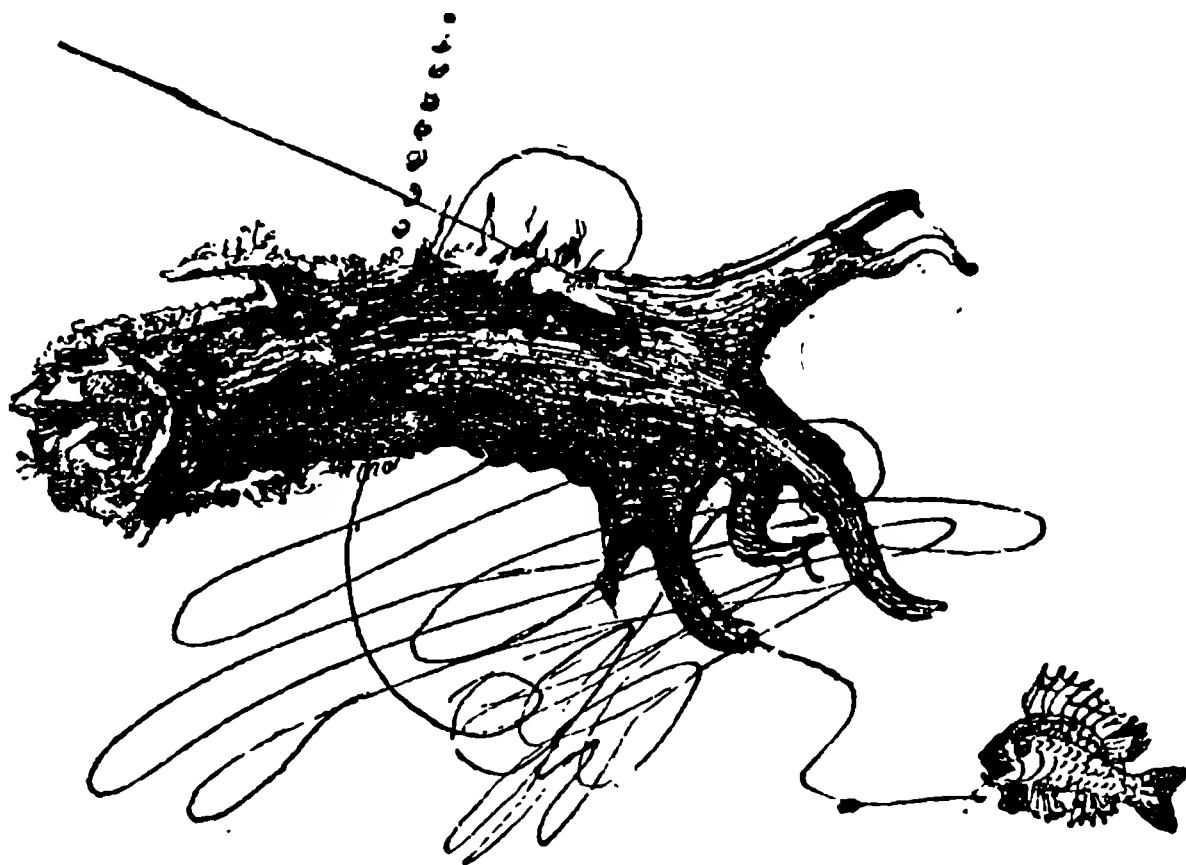
Бурно в порожиистой речке. Шумной чередой несутся волны к гряде валунов. Широкому потоку не втиснуться сразу в узкий проход меж камнями. Хлестко ударяя в преграду, откатывается вал за валом, лишь пенистые гребни, взлетая вверх, рассыпаются брызгами. И вот уже гулко мчится в скалистой теснине река. Вырываясь из каменистого горла на простор, вода растекается плесом.

Делаю взмах удилищем, блесна описывает в воздухе полукруг и падает в воду... Рывок! Это лосось «сел», как говорят рыбаки, — схватил приманку. Подсекаю! Ошеломленная глубоко впившимися в ее губы крючками, рыба завертелась, но уже в следующее мгновение прыжком вылетела из воды, потом сделала такой стремительный бросок, что леска, прожужжав, наполовину сбежала с катушки. Кинувшись против течения, семга сама себя утомляет, — облегчает мою задачу. Вдруг остановилась, — ни туда, ни сюда! Подматывая шнур, приближаюсь насколько возможно. Легкими рывками дергаю удилище. Не понравился мой прием, — опять мчится, опять сматывает леску. Мощно сопротивляется пойманная рыба, — бросается то вниз, то в пороги, то в глубину, за камни. Я не уступаю, держу катушку на тормозе — затрудняю ход семге, а удилище ставлю почти вертикально, чтобы пружинило, предохраняя этим от разрыва леску. При каждом удобном моменте подматываю шнур. Управляя снастью, отвожу добычу от опасных мест, где она легко может

сойти с крючков или порвать шнур. Не сдается сильный противник... Ага! всё короче и слабее рывки. Наконец, выбившись из сил, рыба уступает, — послушно идет к берегу... Багориком подхватываю ее... Готово!

Это мой первый лосось.

НА РЫБАЛКЕ

Сегодня воскресенье, и два друга — Женья Борисов и Николай Васильевич — целый день провели с удочками на реке. Укрывшись в тени черемух, они внимательно наблюдали за поплавками. Рыба здесь непуганая, ходко клюет. Поплавок то набок ляжет, то запрыгает и в воду погрузится. Успевай только подсекать да выбрасывать поблескивающую рыбу. А с крупной приходится повозиться, пока «выводишь», утомишь ее и она ввалится в подставленный сачок.

Чудесный отдых рыбалка! Время идет

незаметно. Вот и солнце зашло. В притихших сумерках особенно громко раздается рокот уборочных машин на полях и всплески играющих рыб.

В ближнем селе зажглось электричество. Искорками вспыхнули было звёзды и уже мигают синевой. Всё краснее и краснее, просвечивая вершины сосен, над холмистым бором засветилась луна.

Пора варить уху!

Как ни любя вчерашнему ремесленнику Жене Борисову рыбная ловля, но у него есть радость и по другой причине. Он выдержал «пробу» и получил «пятый разряд». Шутка ли, теперь он настоящий токарь! На заводе он всего несколько дней, но уже говорит: «У нас в цехе...» Его друг, седоусый кассир Николай Васильевич, в который уж раз с понимающей улыбкой слушает, какую отличную деталь выточил Женя, и одобрительно кивает головой:

— Молодец! Так и надо. Мастером будешь... Я вот тоже сорок лет на своем деле, а — скажи ты — ни одного просчета не сделал...

Женя разыскал полено и подал его Николаю Васильевичу. Не сидеть же старому на корточках! А сам, полулежа, облокотился на руку. Сидят рыболовы у огонька и мирно беседуют.

Юноша рассказывает, как однажды не повезло ему здесь. На утренней зорьке поймал он нескольких язей. Посадил их на кукан — леску с палочкой. Опустил свой улов в воду

и привязал другой конец лесы к колу, воткнутому в берег. Пришел за язями, — кол на месте, леска оборвана, рыбы нет!

— Это скорее всего сом поживился твоими язями! — решает Николай Васильевич и делится случаем из своего далекого детства: — Вот, помню, за излучиной нашей южной речки Рясны была яма. На пути к ней вода мчалась, завихряясь воронками, а под кручей течение плавно поворачивало вспять и кружило медленным водоворотом. Всё, что сюда попадало, засасывалось в глубину. На дне омута обитал огромный сом. Темный этот хищник с желтым брюхом иногда выплывал из своего логова и, гуляя в прозрачном потоке, бил по воде длинным хвостом.

Нас, ребят, не пускали купаться вблизи омута, страшали сомом. Говорили, что он таскает гусей, уток, утопил даже плившую собаку. Передавали, что как-то взрослый парень, купаясь, разбежался, прыгнул с берега и... оседлал скользкую спину сома, гревшегося на солнце.

Наконец нам самим довелось увидеть это страшилище.

Стоим однажды на берегу и бросаем плоские камешки, — смотрим, чей камешек дальше проскачет. Скользят камешки над водой и, плашмя ударяясь, рикошетят — прыгают, как лягушки. Рядом тетка Фекла с бадейкой. Вынет из нее рыбину, почистит и, не разгибая спины, полощет в речной проточной воде. Вдруг к ногам тетки Феклы набежала волна и, откатываясь, обнажила... соминую пасть

с маленькими глазками над губою. Как хватит сом из рук женщины рыбину! Тетка Фекла даже в реку посунулась. Мы к ней кинулись, а она сама поднялась, вся мокрая...

В этом месте рассказ Николая Васильевича был прерван отчаянным криком утки. Рыболовы тихонько подкрались и выглянули из-за куста бредины.

В лунном свете видно было, как у самого берега, на песочке, чуть залитом водой, возятся пуховички-утята. Так и щелкочут носиками. Что же тревожится их мамаша? Бегает, натопорщила перья на голове и шее и кричит, кричит... В отблесках луны на воде рябь замерцала. Тенью жметя к берегу огромная рыба. Но мелко там, не достать ей пуховичков. Ерзая брюхом по дну, развернулся ночной хищник, скользнул в омут, а волна, колыхнув утят, окатила песок.

— Это твой сом, Женья. Он по ночам охотится! — заметил Николай Васильевич. — Надо с ним за язей рассчитаться. Жаль, что у нас пойманная рыба уже уснула, живца надо бы. Да ладно, обойдемся другой насадкой.

Под крутояром рыболовы воткнули в берег прочную удочку с большим крючком, на низав на него целый пучок червяков.

На рассвете друзья первым делом направились к сомовой снасти.

Осторожно заглянули под берег... Леска натянута против течения.

— Есть! — почему-то шёпотом произнес Николай Васильевич.

— Наверно, огромный! — восторженно отзывался Женя.

Васильич поплевал на руки, взялся за удилище и потянул.

Сом упирается, но идет без рывков. Надеясь на несокрушимую прочность снасти, рыболов тянет изо всех сил.

— А ну-ка, Женя, попридержи меня — скользко! — обращается к другу Васильич.

Теперь вдвоем потянули...

— Подается, подается! — шепчет старик.

— Врешь, не уйдешь! — приговаривает Женя.

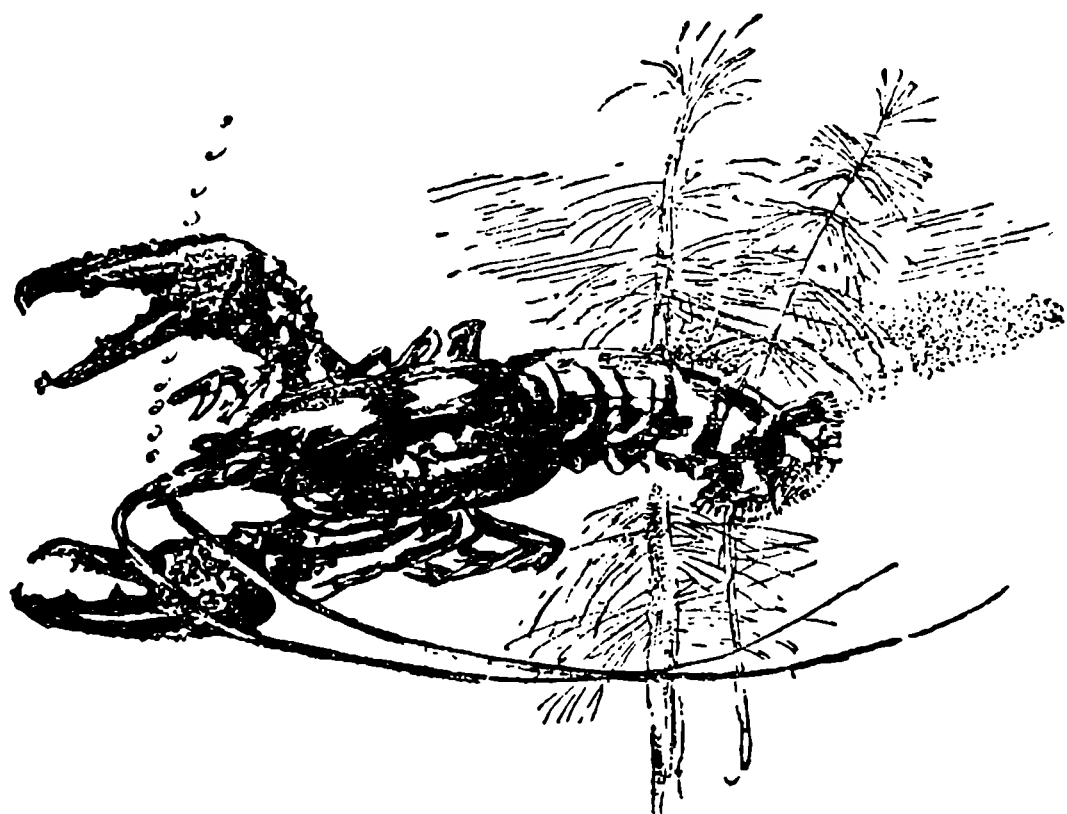
Понатужились друзья и выволокли на берег... черную карчъ.

Под ней, угрожающе растопырив свои колючки и крепко опутав леской корягу, висел ерш — в палец величиной!

Он сумел прицепиться на самый кончик непомерно большого для него крючка. Голову «рыбины» закрывал пучок червяков.

Ошарашенные такой «удачей», на миг застыли друзья. И вдруг как захохочут. До слёз смеялись.

— Ладно, — отдышавшись, заявил Васильич. — Нынче ерш помешал. А все жё не минует наших рук сом. В следующий раз подкинем ему жареную ворону. Он на такое угощение падок, знаю я его натуру.

РЕЧНОЙ „ВЕЗДЕХОД“

«Красный, как рак» — принято говорить о человеке, которому от стыда или от смущения краска заливает лицо. Однако сравнение это не совсем верно. Краснеет ведь только вареный рак. Обычный цвет его зеленовато-бурый, темный. Или говорят: «Пятится, как рак». Тоже неточно, — будто подводный житель только и может пятиться. Ходит он головой вперед. Бежит, выпучив неподвижные «рачьи» глаза на стебельках, с закинутыми назад усами и выставив свое оружие — клешни. Вдруг, чего-то испугавшись, ударит хвостом-шейкой, сразу осадит и, поводя длинными усами, даст «задний ход».

Рак и плавать мастер, — мчится по течению и против него боком, торчком, — как угодно. Куда спешит? По какому важному случаю? Что-либо заметил, а скорее всего — причуял; обоняние у него хорошее. Наскочив на опасность, гребнет он хвостом и, оттолкнувшись, отступает, шевеля и угрожая клешнями. Одна из них послабее — для ощупывания, а та, что побольше и потолще, — служит для схватывания и разламывания добычи. Хватать он ловкач. Чуть зазеваается рыбешка, — хват рачьи тиски ее, и... распалась уклейка на две половинки. Обычно рак на дне промышляет, подбирает остатки чужого «стола». Впрочем, не опоздает стянуть кусок и у других из-под носа.

В прозрачной струе вьется на крючке червяк. Соблазнительно вьется! Рак легко, как пузырь, всплывает вверх, пристраивается к чужой приманке, снимает проворно червяка клешней и закусывает... Дрожит поплавок. Рыболов подсекает и вытаскивает — голый крючок. Воришка во-время успел разжать клешню.

Где много раков — не жди с удочкой толку: эти грабители изведут рыболова. А самих раков можно ловить по-разному.

Тихо еду по неглубокому озеру с прозрачной водой. В руках у меня длинная камышина с расщепом на нижнем конце. Наклонившись за борт, смотрю в подводный мир. Среди водорослей шмыгают рыбки, виднеются пробирающиеся по дну раки.

Направляю камышину на такого ползуна

и прижимаю его. Скользя по полукруглому панцырю, расщеп расширяется и зажимает рака. Защемленный, он сердито поднимает клешни, разводит их ножницами, «стрижет» воду, пытаюсь поймать врага. Выброшенный в лодку, он копошится здесь, шуршит вместе с другими.

Можно и проще ловить раков, только не во всякое время года.

Заберешься в речку и идешь вдоль кручи тенистого берега. Стараешься держаться против течения, чтобы муть относил. Обшари-ваешь все попутные коряги, камни, корни, — рак любит там хорониться. А то нащупаешь вырытую им нору и сунешь туда руку. Бывает, и повозишься, пока извлечешь добычу. Либо наколешься об острый шип на лбу ползуна, либо клешни его вцепятся в пальцы. А сумеешь подвести ладонь под рака, легко его вынешь.

Самый добычливый лов — рачницей. Закидывают ее с берега или с лодки так, чтобы она плашмя легла на дно, и рядом втыкают кол. Чем больше поставлено рачниц, тем богаче будет улов. Вначале на приманку набрасываются мелкие раки, вслед за ними появляются и покрупнее. Эти обжоры отгоняют мелочь или бесцеремонно оттаскивают ее клешнями и сами принимаются за угощение. Через полчаса после установки рачницы поднимают, выбирают улов и ставят снова.

Для ловли годятся и старые, уже негодные сети. Расстелешь их по дну с привязанной к ним приманкой, раки зачуют съедобное, на-

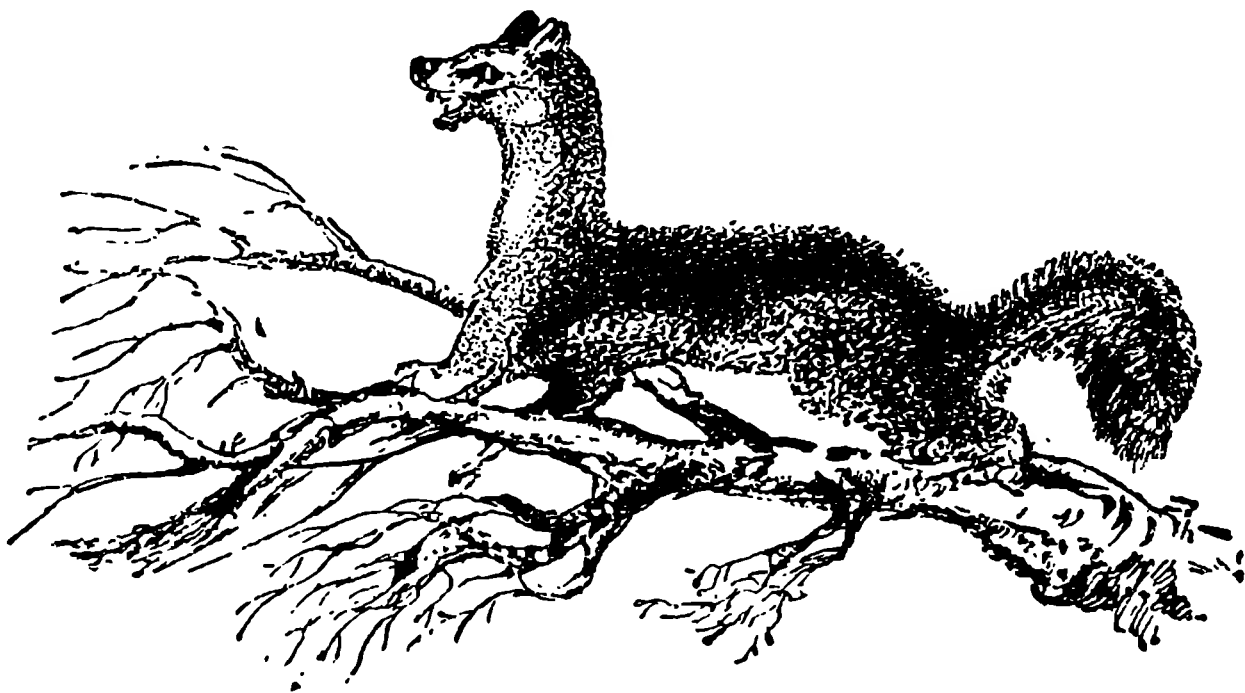
быются сюда и запутаются в тонких нитяных ячеях.

Чтобы сохранить пойманных раков живыми, их помещают в корзину, перекладывая крапивой, ольховыми листьями, мхом или травой.

Самое подходящее время для лова — первая половина осени, весна и начало лета, примерно до июля. Поздней осенью раки прячутся в глубокие места, а летом — линяют. Рачихи с линькой запаздывают, так как вынашивают потомство. Отложив яйца, они прикрепляют их к своему хвосту и берегут, пока не появится молодь.

Раку приходится линять каждый год (а молодому так и несколько раз в течение года: ведь сковывающий его панцырь мешает ему расти). Лишившись панцыря, рак делается беспомощным, скрывается в своем убежище и не показывается оттуда, иначе крупная рыба не упустит случая схватить его. Окунь так и шныряет в прибрежных корнях, подстерегая лакомую добычу. Красноперый горбун даже в нору сунется, пытаясь вытащить нежного в такое время рака. А тот, забившись поглубже, растет и запасом своей извести укрепляет на себе новую броню.

Порой рак очень надоедает рыболову-удильщику, но зато, линяя, он сам делается отличной насадкой: любая рыба клюет на него.

С ШИЩΙΚОМ

Рябчик, — настоящая лесная птица. Облюбовует сумеречный уголок и живет в нем нестлучно, — а не так, как тетерев или глухарь. Те ведь с осени непрочь покочевать вокруг да около.

Чтобы перелететь через поляну или протянуть над вершинами леса, — о нет! — рябчик этого не любит.

Он вертко перепархивает лишь между ветвями, накоротке, и так загремит крыльями, что новичок вздрогнет от неожиданности и с удивлением скажет вслед рябцу:

— Ну и ну! «Птичка-невеличка», а сколько шуму!

Верно, что «невеличка», — с большого домашнего голубя будет, только круглее.

В самой, казалось бы, непроницаемой гуще зеленых крон рябчик так прошмыгнет, что листика не затронет. А сядет на дерево — на глазах сгинет...

Когда пожелтевшие березы осыпают листву, рябчики, бегая в эту пору по лесным дорожкам, собирают камешки. Скоро им придется вместо ягод брусники клевать ее листья, почки, сережки ольхи и березы. Проглоченные камешки будут, как мельничные жернова, перетирать такой жесткий корм.

Сентябрь — лучшее время охоты на рябчиков. Но удачно поохотиться на них можно только с писчиком. Стойку собаки эта дичь не выдерживает, а случайно спугнутая — так мастерски прячется в ветках, что рядом пройдешь и не заметишь.

Осенью рябчики разбиваются на пары и перекликаются. По утрам и вечерам раздается их мелодичный писк, — это они друг дружке весть подают. Подражая им пищиком из косячки или гусяного пера (металлический хуже, сипит), удастся подманить к себе эту осторожную птицу...

Рановато нынче стали посвистывать рябчики. Впрочем, неудивительно, уже прихватывал утренник...

Выйдя из Толмачева, миную лужские поймы, по-весеннему залитые водой. Однако дожди не помешали сеноуборке, — всюду по взгоркам высятся стога.

За поселком «Живой ручей» зеленеет озимь на колхозных полях.

А кругом, окрашенные осенью, — богатые

леса. На соснах старая порыжелая хвоя осыпается, будто опаленная пожаром.

Собрат рыболов перевозит меня на другой берег Луги.

Мой путь лежит по Красногорской дороге к глухой речке Губинке.

Не успел войти в лес, слышу неистовые крики соек. Эти непоседы с кем-то воют. Оказывается, они заметили белку с боровиком во рту. Зверек готовил зимние запасы, собираясь подвесить гриб на ветку для просушки. Тут и пристали к нему лесные задиры, «требуя», чтобы белка бросила не нужный им гриб.

По заветной стежке углубляюсь в березняк с елками. То здесь, то там краснеет брусника. Тихонько иду и посвистываю. Сразу же отозвался петушок. Прячусь под навесью ели и продолжаю манить голосом рябушки:

«Си-и-и-уси».

«Си-си-сиси-у», — охотно отвечает мне петушок и, «фуркая» крыльями, перепархивает по деревьям ко мне.

Перекликались, перекликались мы с рябчиком, и вдруг он перестал отзываться.

В чем дело? Заметить меня он не мог, — я затаился скрытно и сижу неподвижно...

Но вот на ближайшей елке качнулась ветка, что-то тенью мелькнуло вниз.

Это рябчик молча приближается на мой зов. Он недалеко, сейчас подбежит, шелестя травой, и, разыскивая подружку, покажется передо мной, — догадываюсь я.

Мне надо бы помолчать, так как вблизи

петушок замечает даже легкую фальшь пищика. Но я не утерпел и чуть пискнул в манок.

И тут случилось то, что и в голову мне не могло прийти.

Шагах в десяти от меня мягким и волнистым прыжком взметнулась куница и быстрее птицы исчезла в ельнике. Только вздрагивание веток выдавало путь куньего бегства.

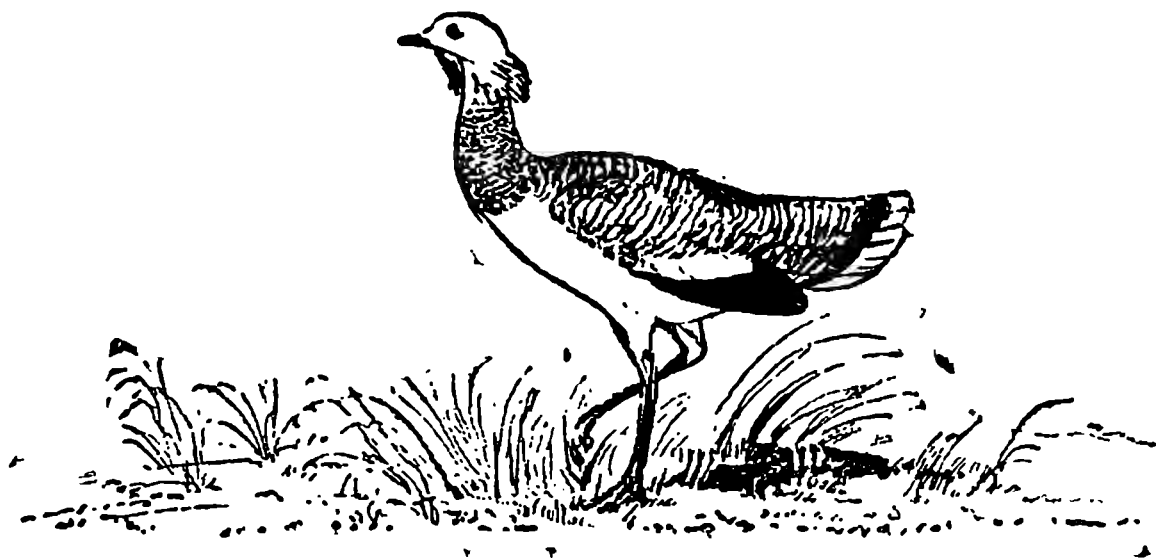
Откуда же среди дня появился этот ночной зверек?

Осматриваю вершину старой ели. В гуще зеленых игл чернеют прутья сорочьего гнезда. В нем-то и спала куница, да, соблазнившись писком «рябчика» в траве, спустилась сюда и в неурочное время занялась было охотой.

Гибкая и ловкая, она искусно кралась ко мне, но острый слух ее уловил обман в тоне моего пищика. А рябчик — молодец! Бойко вертелся он в хвойнике, топорща свой хохолок и задорно отвечая на мои призывы. Заметив в стороне покачнувшуюся ветку (а воздух не шелохнет!), петушок шмыгнул за ствол дерева, вытянулся вдоль сука, прижавшись к нему. Своим окрасом он слился с бурой корсй — и нет его! Лишь незначительное утолщение виднелось на сучке.

Только когда я, подняв голову, стал под деревом, на котором он прятался, он испугался и улетел, загредев крыльями.

Затаившаяся птица часто так поступает. Пока ходишь, ищешь ее, она рядом скрывается. Случайно остановишься, и птица сорвется с места, боясь, что ее заметили.

СТЕПНЫЕ СТРАУСЫ

Прозрачны осенние дали степей. В белых махалках волнующегося ковыля виднеется отара овец... нет, это не овцы. Это дрофы! Бродят они бесчисленными стадами, пасутся. Не все дрофы, или, как их иначе называют, дудаки, сразу улетают на юг, многие откочевывают постепенно, а иные и вовсе остаются на зимовку в степи. Им не так страшен холод, как непогода.

На редкость сторожкие осенние дрофы издали замечают опасность и заранее поднимаются на крыло. Нечего и думать подползти к ним. Они всегда выбирают открытый кругозор.

Однако старый Ахмет с большим успехом охотится на них. У него это получается очень просто, — так отлично знает он повадки степных страусов.

Ахмет — старший чабан многотысячной совхозной отары тонкорунных овец. Вся степь его знает. Старый чабан — скромный человек, но большой знаток своего дела. В юности он много скитался, батрачил, жил в дырявой кибитке. Чтобы сварить чай, приходилось ему разводить огонек посреди жилья, на голой земле. Дым от кизяка сначала коптил лицо хозяина, ел глаза, лез в горло, оседал на стенках кибитки и потом горьковато-пахучей белой струей лениво тянулся в отверстие.

Славный человек Ахмет! Мне навсегда запомнился один из эпизодов его степной жизни.

Зима. В заснеженных кустарниках копаются серые куропатки. Иней сыплется с веток, — это шарит по ним стайка синиц, добывая затаившихся насекомых. В степи холодит северный ветер. Не видно табунов. Животные давно уж в теплых загонах...

Идет дождь. Трудно приходится в это время дрофам. Вот застигнутая непогодой, запоздавшая с отлетом стая. Птицы сгруппировались и приняли обтекаемую форму, чтобы не так сильно промокнуть. Плотно прижав перья, они вытянули головы вверх. Но это мало помогает им: оперение дроф не смазано жиром, как у уток. К вечеру дрофы окончательно намокают. Ночью стало еще хуже: хватил заморозок, степь покрылась гололедицей.

У обледеневших птиц смерзлись крылья...

День не принес облегчения.

Вдруг дрофы подняли головы, тревожно затоптались и побежали, силясь удержаться

равновесие полураспущенными крыльями. Из свражка выскочили волки. Они с ходу врезаются в стаю, гоняются за беспомощными птицами, ловят и треплют их.

В этот момент на горوشке появляется всадник, — это Ахмет. Пристально всматриваясь, он в один миг догадывается, что происходит на той стороне балки.

Ахмет ударяет иноходца ногами под брюхо и гикает. Четко стучат подковы по скользкой поверхности. Льдинки так и взлетают из-под копыт. Приблизившись к дрофам, выхватывает старый охотник ружье из-за плеч — только не на птиц! Недостойно в такую пору на дичь зариться. Это раньше так водилось: обессилевших птиц-великанов палками уничтожали.

Выстрелы Ахмета разогнали хищников. Чабан собрал птиц и, помахивая плеткой, погнал их, как баранов, ближе к поселку. Там, по обнаженным бурьянам, дрофы смогут прокормиться день-другой.

Сутки наблюдал Ахмет за птицами. Через день показалось солнце, растопило ледок, высушило степных страусов. Ободрились дрофы, перебрали клювами перья, выправили их. А потом, разбежавшись и рассекая могучими крыльями воздух, потянули на юг...

Долго стоял старик, провожая взором улетающих птиц. Тепло было у него на душе.

Через пять лет, возвращаясь из экспедиции, осенним днем заезжаю к Ахмету. Захотелось навестить старика, посмотреть, как он живет, и при случае поохотиться.

Встречает меня пожилой, сухошавый человек небольшого роста в опрятном сером комбинезоне. Темное от загара лицо приветливо улыбается. В лучиках морщинок щурятся зоркие, с огоньком глаза.

Он учтиво спрашивается о моем здоровье, о благополучии моих домашних. Отвечаю, и, в свою очередь, проявляю такое же внимание к семье старика. У него тоже всё обстоит хорошо. Черноглазые внуки-пионеры ходят в школу. Сын — зоотехник.

Вводит меня Ахмет в свой домик. Чисто, светло. Ставят, как полагается, самовар.

— Включить радио? Хочешь послушать новости недели? — спрашивает меня довольный хозяин.

Мы слушаем радио и рассказываем друг другу о своей жизни. Ахмет ждет не дождется, когда его любимый внук поедет учиться в Москву. А мальчуган растет удалой. Припав к луке седла, он ветром летит на быстром коне и на полном скаку, изгибаясь, подхватывает шапку с земли.

Дед с гордостью говорит:

— Такой нигде не пропадет, везде ему дорога широкая! В Москве сумеет показать себя молодцом!..

Беседа наша затянулась за полночь. Решили на следующий день поехать на охоту.

Утром Ахмет запряг лошадь в бидарку — легкую двуколку, — и мы отправились на дроф.

На равнине издали виднеется добрый десяток огромных птиц.

— Небольшой табунок. Этих пешком можно нагнать, — поясняет мой спутник.

Наклонившись, незаметно для дроф, я спускаюсь с бидарки и залегая. Старик удаляется, делает большой круг и появляется где-то вдали за дрофами, против меня. Терпеливо жду. Чабан ездит мимо дроф «восьмеркой», делая наружные завороты. Постепенно приближается к дудакам. Это заметно по тому, что они столпились, подняли головы, наблюдают за человеком, стараются узнать его намерения. Успокоились, — на них двуколка не направляется. Всё же вожак решил держаться подальше от такого соседства, повернулся и зашагал. За ним вся стайка. Направляются в сторону от меня. Ахмет загибает фланг, дрофы правят ко мне. Теперь, и не поднимая головы, хорошо вижу птиц. Ничего не подозревая, приближаются всё ближе, ближе. На ходу шевелятся усы дрофича. Шуршит трава... Пора! Лежа, стреляю мелкой картечью по вожаку. Вскрываю и, пока дудаки разбежались для взлета, сбиваю еще одного. В радостном возбуждении тащу тяжелых птиц к бидарке. И Ахмет доволен.

Едем дальше... Вдали бродит огромное стадо. Сотни птиц!

— Этих пешком не нагонишь — большой табун. Подниму их на крыло так, что полетят на тебя. Они летят, не сворачивая, прямо. Потянут в полветра. По такому направлению тебя и спрячем, — решает чабан.

Снова залегая и жду... Летят. Широкие взмахи крыльев быстро несут крупных птиц.

Низко, с шумом ветра, белея нижним оперением, внезапно проносятся надо мной дрофы. Теряюсь от неожиданности и спешу подняться на ноги. Торопливо стреляю раз и два!.. Мимо! Вот так здорово! Никак не думал, что можно промазать в таких больших птиц и так близко. Ахмет улыбается.

— Сгоряча бывает, — объясняет он...

Познакомил меня приятель еще с одним способом охоты на дудаков.

На поводу рядом со мною идет смирная лошадь, приученная к выстрелу. Не выглядывая из-за коня, направляю его к дрофам, но не прямо на них, а будто мимо. Сам же иду сбоку, прикрываясь своим «поводырем». Уже вблизи всполошилась стайка дудаков, да поздно. Успеваю выстрелить не только по бегущим, но и в лёт...

Через несколько дней, попрощавшись с Ахметом, уезжаю на север.

И теперь еще я получаю от Ахмета письма. Пишет старик, что отары его умножаются, внук уехал учиться в Москву. И в каждом письме зовет меня старый чабан к себе в степи.

„ВАКСА“

Так кличут черную как смоль карликовую легавую. Она из породы спаниэлей, славящихся в охоте на уток. Да и не только на уток годятся спаниэли, — в лесу они по тетеревам и вальдшнепам работают, в поле — по серым куропаткам, в болоте — по дупелям, бекасам. Словом, идут по любой дичи. Иногда ставят в упрек спаниэлям их стомчивость. Но это уж дело тренировки.

Вакса — с длинными волнистыми ушами и коротким хвостом. Ее живые темнокарие глаза умненько поблескивают, собачка держится с забавной солидностью, — «важничает» перед чужими.

Дома она обычно ласкова, а на охоте бойка и понятлива.

Борис Анатольевич и его приятель Гаврил Егорович, шлепая по заболоченной луговине, подходят к протоке. С ними Вакса. Она пер-

вая залезает в лодку, усаживается на носу, выжидательно смотрит на Бориса Анатольевича (сегодня его очередь стрелять) — и не ошибается: он мостится с ружьем ближе к носу. Гаврил Егорович сейчас «толкач». Отпихнувшись от берега, он устраивается на корме и, упираясь длинным веслом в дно, отталкивается — гонит против ветра лодку по узкой ленте воды среди зарослей.

Шуршат осенние камыши по бортам. Заподозрив неладное, таившиеся в крепи утки незаметно подплывают к плесу, чтобы здесь без помехи взлететь.

Залопотав крыльями, увесистые кряквы устремляются навстречу ветру, — его упругость облегчает подъем. Взмыв над заводинкой, они поворачивают и, ускоряя полет, мчатся по ветру.

Вакса наблюдает за птицами, но сама ни с места.

Борис Анатольевич навскидку послал два заряда. Кряква, свесив голову, сразу сунулась в тростники... Еще одна, роняя перья, закувыркалась с перебитым крылом.

Вакса знает свое дело: проследив за направлением падения уток, живо кидается с лодки и исчезает в зарослях. Минут через пять плывет с кряквой в зубах. Добравшись до челна, ставит передние лапы на борт, подает утку, и снова на поиски. Разыскала подранка, в увлечении гоняется за ним с лаем... Поймала, взяла его за спину так, чтоб не бился крылом. Забралась в лодку,

весело помахивая хвостом, вручила селезня хозяйину, а сама, тщательно отряхнувшись, опять на носу уселась, — отсюда виднее.

На крутом повороте челн качнуло. Борис Анатольевич промахнулся по взлетевшей крякве и с сокрушением буркнул:

— Фу ты!..

И маленькая легавая не осталась безучастной к такой неудаче. Приподняв голову и провожая блестящими глазами удаляющуюся крякву, Вакса, оскалив зубы, процедила «рррррр», — рассердилась на утку за то, что та не упала.

Над заводинкой неожиданно протянула широконоска. Охотник ударил по ней второпях. Утка шмыгнула над вершиной тростниковой перемычки и скрылась. Однако маленькая легавая успела подметить неуверенный полет птицы и учащенные взмахи ее крыльев. Собачка полезла через густую заросль, ухитрилась найти спрятавшуюся в водорослях широконоску и вернулась с ней.

Вакса старательно работает и в лесу...

Вот с колокольчиком на ошейнике бегают она в березняке, — маленькую, ее не всегда видно, зато слышно. В кустарнике и она порой не видит, где идет ее хозяин, а надо к нему подравниваться, держаться вблизи. Поэтому время от времени спаниэль становится на дыбки и осматривает всё вокруг, — далеко ли охотник.

Причуяв дичь, завертелась Вакса по свежим набродам кормившихся тетеревов и, чер-

нея в зеленой листве, потянула за ними, азартно колотя по кустам хвостиком.

Тут уж надо поскорей подойти к спаниэлю, — ведь у него нет стойки перед птицей, как у других легавых, потому-то она и вертится недалеко от охотника, в зоне выстрела.

Вакса с потяжки скачками бросилась вперед и вспугнула тетеревов. Врожденный навык толкнул старую тетёру на притворство. Будто подбитая, с коканьем порхала она в траве, отвлекая на себя внимание собаки.

Загремели выстрелы. Оставаясь на месте, легавая заметила не только места падения двух петушков, но и куда переместились остальные.

Подав убитую дичь, спаниэль уже лает, зовет охотника, — два-три молодых тетерева сели на сосны у опушки.

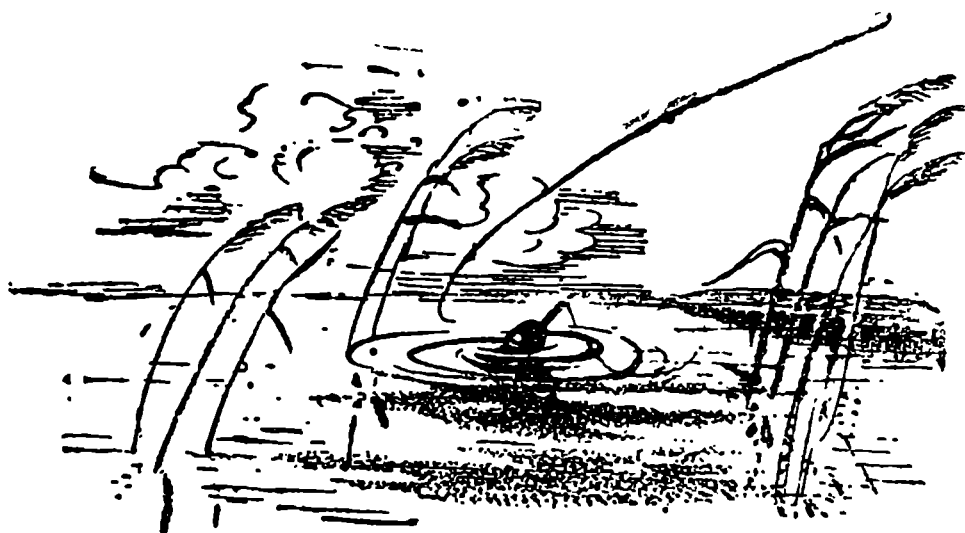
Однажды мне пришлось видеть, как эта маленькая собачка мастерски справилась со старым косачом.

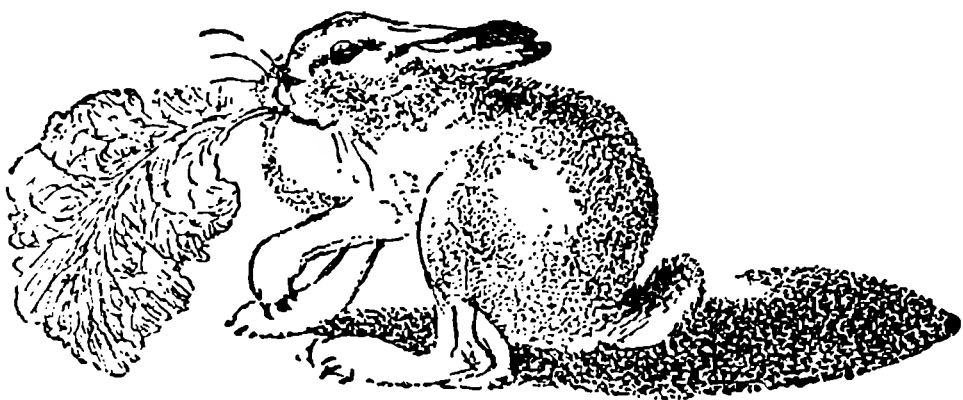
Петух кормился в малиннике. Тут и наскочил на его следы спаниэль. Услышав шорох, осторожный полевик побежал, чтобы, заслонясь деревьями, взлететь. Но спаниэль старается помешать этому бегству и выставить петуха на охотника, — ведь после удачного выстрела песика ждет удовольствие поддержать в зубах теплого тетерева.

Обогнав бегущего косача, Вакса отрезала ему путь и заставила взлететь перед охотником...

Маленькая ростом, легавая очень удобна в комнате, а еще более в дороге.

Борис Анатольевич любит поохотиться на красную дичь — дупелей. В сентябре выпски их бывают и вблизи города на полях, лугах. В свободный час мчится сюда на велосипеде охотник, а за плечами у него из вещевого мешка выглядывает... Вакса.

ЛИСТОПАД

Отрываясь, сыплются листья с деревьев, кружатся в воздухе и, покачиваясь, плывут ниже и ниже, с чуть слышным шёпотом устилают землю.

Листопад. Рябчик пробежит по сухой листве, и — уже шорох. Далеко слышно, как проскачет по опавшим листьям лесной заяц-беляк. Косой боится шумливых мест, избегает их. Зверек в эту пору начинает «выцветать» — менять буроватую окраску, скоро он станет белоснежным, пушистым.

Лисица тоже не любит шуршащего покрова. Он мешает ей охотиться: не удастся мягко и тихо приблизиться к дичи. У лисы шерсть на подушечках лап уже заменилась жестким волосом, но мех продолжает расти и краснеть.

Листопад вредит не всякому зверю. Барсуку, например, он очень кстати, — сопит барсук, сгребает листву себе на подстилку. И еще

забота у «нелюдимого» зверя: к зиме надо успеть почистить подземное логово на откосе оврага. В логово ведут разные ходы, есть даже отдушина для проветривания. Старые норы барсук иногда бросает и роет рядом новое жилье. Бывает, что в такую покинутую «квартиру» охотно вселяется лисица или енот.

При встречах барсук только поднимет лысую голову и уступит соседке дорогу, — он мирный, не любит задираться. И лиса обойдет его сторонкой, — уж очень силен коренастый сосед с огромными когтями. Скроется подземный житель, а лисица повернется ему вслед и потянет носом, — любопытно узнать, чем он поживился?

Барсук спешил домой: потемнело от туч, и не понять, где кончается прибрежная заводь и начинается отраженное в ней свинцово-мутное небо.

Идет дождь; он то хлещет косыми полосами, то всё затягивает морозящей пылью. В лесу образуется капель: на ветвях скапливается вода и равномерными каплями шлепает по опавшей листве. Настораживается дичь, — в таком однообразном шуме тонет шорох шагов подкрадывающегося хищника.

После дождя в чернолесье еще хуже: намокший лист липнет к лапам. Беляк в такую невзгоду ходит по болоту или хвойнику; тут и на дневку остается, забиваясь в осоку или под елку.

А русак — обитатель полей — и в ливень остается сухим. Он ухитряется выбрать себе

место у пучка высохшей травы, у камня или на борозде, где дождь его не подмочит.

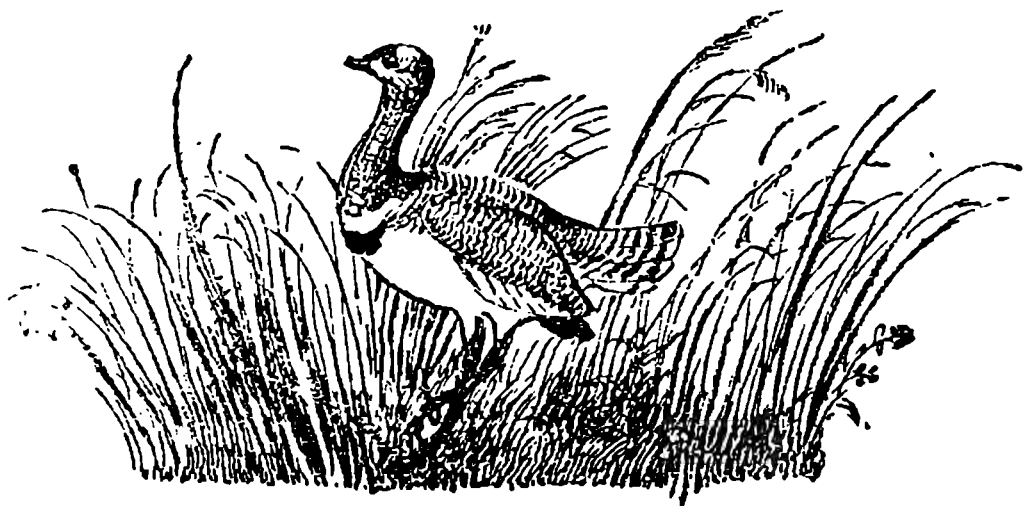
Случается, что в эту пору встретишь зайчат позднего вывода. - Листопадниками называют их охотники.

Неприветливо в мокром лесу. Как ни берегись, а неминуемо заденешь какую-нибудь ветку и сразу примешь холодный душ.

Всё же и в ненастную погоду можно удачно поохотиться. Капéль выгоняет из лесу красных куликов-вальдшнепов. Они на время переселяются в травянистые борозды полей, в луговые кустики, на вырубки, поляны. Здесь, на открытых местах, вальдшнепы не удирают, как обычно, от собаки, а вяло тянут низом....

Чуть посветлеет тихий осенний день, и на полях можно услышать жаворонка. Вылетит из-под самых ног и прожурчит коротенькую трель песенки. Эта скромная птичка весной одной из первых прилетает к нам, а осенью долго не покидает родину.

В СТЕПИ

Ранней осенью мы с дядей Федором Ивановичем — членом правления колхоза — объезжали степные пастбища, где на зеленых после дождей травах откармливался гулевой скот. Федор Иванович проводывал общественное стадо своей артели.

Идя на водопой, сытые бычки подпрыгивали, налетали друг на дружку и, озорно стуча рожками, бодались. То один из них, то другой, без видимой причины, бросался вскачь и, мотнув головой, скидывал задними ногами.

— Ишь как взбрыкивают бузивки, значит — сыты. Хорошо поправился скот. Славные мясопоставки готовим мы государству! — гордился дядя.

Видно было, что скот упитан: животные в плотном теле, кости не выступают, шерсть лоснится.

Федор Иванович хозяйским оком внимательно осмотрел молодняк, потолковал с пастухами, и мы поехали обратно. Дядюшка обещал мне попутную охоту на стрепетов. Это признак самого отличного расположения духа у старого.

Посмотрели бы вы на этого великана с волнистой белой бородой, с высоким крутым лбом, переходящим в широкую лысину. Брови, как пучки сивой кудели, распушились над глазами и срослись над бронзовым от солнца орлиным носом. Словом, дядя был сложен крупно и ладно. А знаете, сколько ему годов? Восемьдесят три! Впрочем, и по виду меньше ему нельзя дать, хотя и намека нет на дряхлость. Он как дуб, — чем дольше живет, тем величественнее и крепче становится. Его отец — мой дед — таким же был. Нет, пожалуй, не совсем таким. Дядя так вспоминает:

— Батько не дожил до своих лет, умер, когда ему было сто двенадцать годов. Да и умер в лихой час — с воза с сеном упал. Как раз угодил головой об укатанную дорогу... Ростом он уступал мне... По части охоты ты в деда пошел, — обращается ко мне Федор Иванович: — такой же заядлый... В конце зимы через наше село всегда дудаки тянут в степь. Летят, брат ты мой, врассыпную над самыми хатами. Такие махины — до пуда весом! — крыльями машут, только «жух-жух-жух» слышится. Тут, конечно, каждый за ружье хватался. Я тогда еще мал был. А батько — горячая душа! — сразу с шомполкой

на крышу и сидит за трубой. Грохает оттуда по дудакам. Сбить собьет, а вот уследить, в чей двор свалится птица, ему не всегда удавалось. Здесь уж была моя забота... Так я и приспособился к охоте. У нас в роду все охотники. Возьми хоть того же Володьку, правнука моего, — медом его не корми, только стрельнуть дай... Осенью у нас тучами собираются большие кривоносые кулики,¹ величиной с курицу; птица осторожная, редко кому достается. А Владимиру всегда удача, оттого что смысленый парень. Воды теперь у нас вдоволь, от артезианских скважин за селом разливы целые. Вечерами сюда набиваются пролетные кулики, — отдохнуть им охота. Возьются на мелководье, да так голосисто кричат, что за пять верст в ночи слышно. Володька подползает по полыни к самой воде и высматривает из-за кустиков... Пустой не возвращается.

Дядя из скромности ничего не говорит о себе. Но я-то хорошо знаю, что на охоте он сам никому не уступит, — до сих пор дядя лучший у нас охотник по кабанам.

Едем мы с Федором Ивановичем на дрожках, разговариваем. Собственно, говорит он, а я с увлечением слушаю. Посматриваем по сторонам, ищем дичь. У дяди зоркость степного человека. Ночью, когда сюда ехали, он просто удивил меня. Я спрашиваю: «А что, далеко еще?» — «Минуем вон тот курганчик, — указывает старик в сумеречную даль

¹ Кроншнепы.

пальцем, — за ним лагерь наших пастухов». Как ни напрягал я зрение, ничего не увидел вдали. Едем-едем, и только когда поровнялись с курганчиком, я заметил его при луне. Вот каковы стариковские глаза!

Сейчас, заслонясь от солнца ладонью, Федор Иванович пристально следит за чем-то.

— Лиса! Не пойму, что она вытворяет?.. А валяется! Наверно, нашла что-нибудь пахучее! — догадался мой спутник.

Верно! И я хорошо вижу, как лисица припадает головой к земле и трется, трется. Даже на спине покаталась.

Ради любопытства подъезжаем ближе. Делаем это на виду у зверя, как бы отрезая ему путь. Случается, что при таком заезде степные лисицы иногда западают. И наш зверь залег. Суживаем круг; лиса лежит, но мордой всё время вертится в нашу сторону... Вот не вытерпела, вскочила и понеслась. Подходим посмотреть, что ее интересовало. Оказывается, тут валялись скверно пахнувшие остатки какой-то птицы.

Федор Иванович замечает:

— Скажи ты на милость, что за оказия? Ведь вот и любой пес с нашего стана, если найдет падаль, обязательно повалывается в ней. Вернется домой, а от него нестерпимой вонью несет. Сейчас же окружают его другие собаки, обнюхают и по пахучему следу убегают, чтоб и самим «надушиться».

— Это древний навык у них сохранился. Так поступала первобытная собака. По запаху, принесенному ею на своей шерсти, стая

чутьем находила путь к месту, где валялась добыча, — высказал я свое мнение.

Старик помолчал в раздумье и прсмолвил:
— Похоже, что и так...

Едем дальше. Погромыхивают наши дрожки, фыркает конь, бойко дергая вожжи.

— В этих местах надо ждать дичи! — предупреждает дядя.

Как ни мудрено различить темные головки стрепетов меж кустиков травы, мы всё же заметили стайку. Постепенно сокращая круг, приближаемся к ней. Строгая стрепет птица, к большому табуну нечего и думать подъехать.

Попался нам маленький табунок, — видимо, еще не пуганый. Песочно-серые стрепеты, ростом с тетерева, один за другим пропадают из глаз, прижимаются к земле. Совсем хорошо, теперь вплотную подпустят!

Лошадь у нас смирная, привычная к стрельбе. Мы с Федором Ивановичем берем ружья и сходим с дрожек. Дядя с оживлением прищуривает глаза.

Толчком вверх, с треском срываясь из-под ног, стрепеты так проворно летят, с боку на бок переворачиваясь, что видишь только серебристо-серое мельканье. Частое и очень звонкое дребезжанье крыльев с присвистом обычно далеко слышно в степи.

Сбитые выстрелами на быстром прямом полете, птицы продолжают еще некоторое время кувырком нестись вперед и падают, белея брюшком в траве.

Проследили мы, куда переместилась стай-

ка, и опять подъехали. Теперь не прячась, настороженно вытянув шейки, стрепеты подпустили нас на дальний выстрел. Но в третий раз не выдержали нашего приближения и заранее слетели. Пришлось искать другие табунки.

К вечеру мы приехали на полевой стан одной из колхозных бригад.

Дядя передал артельной стряпухе наши трофеи.

— Раз дедушка был в степи, значит жди дичи! — улыбнулась она.

ЗА ПЕРЕПЕЛАМИ

Вечереет. Сажу на корточках у своей походной палатки. Передо мною тлеют угольки в ямке. Опахивая их широкополой шляпой, раздуваю докрасна, но не допускаю пламени. Над раскаленными углями, по-охотничьи, жарю нанизанных на проволоку перепелок. Переворачиваю их с боку на бок, и нежные перепела румянятся. Стекая с них, шипит на огне жир.

Весь день я провел в камышовых зарослях, наблюдая осевшую там саранчу. Проголодался. А тут аромат дичи...

Готово мое жаркое. Ставя на огонь чайник, слышу топот. Приближается всадник.

— А! Привет, привет! — говорю я Ахмету, завернувшему сюда провести меня. — Милости просим!

Старый чабан, стреножив коня, пускает его пастись.

Мы усаживаемся «за стол» — вокруг кошмы, покрытой камышовой плетенкой.

Покончив с дичью, не спеша принимаемся за чай. Беседуем.

Вот и солнце зашло. В этот переходный от сумерек к ночи час наступает непостижимая тишина, — степь готовится ко сну.

Вдали заблестели огни костров. Расплывчатым пятном чуть виднеется лошадь. Стемнело.

Выплывает луна, и когда поднялась и перестала краснеть, опять обозначился конь с падающей от него тенью.

Бесшумно закружила сова над землей, то исчезая, то показываясь в струях лунного света.

Рассказываю Ахмету, как сегодня на просянице наткнулся на перепелов. Птиц было много, но, жаль, легавой собаки нет, без нее так трудно искать запавшую в стерне дичь; приходилось самому вытаптывать ее и поднимать на крыло.

Прощаясь со мной, Ахмет как бы вскользь заметил:

— Говоришь, что без собаки трудно поднимать перепелок? Завтра к концу дня приеду. Сходим за перепелами. Будешь доволен!

Я привык верить моему приятелю, — как он скажет, так и бывает. Ахмет — знатный человек в степи, все уважают его как знатока овцеводства. И в охоте Ахмет толк понимает, знает и любит ее. Но когда другие поучают его, он не перечит. Даже хвастуна слушает

молча, — неловко сказать: «Привираешь, мой друг».

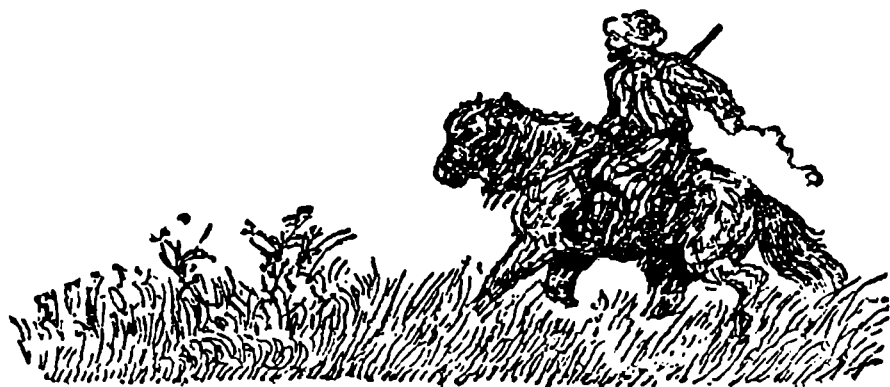
Занятная охота вышла у нас на другой день.

Выкошенное просяное поле желтеет плотной щеткой жнивья. Мы с Ахметом не торопясь идем по просянищу, шагах в сорока один от другого. Между нами тянется привезенный чабаном волосяной аркан, концы его привязаны к нашим поясам. Веревка ползет полудугой, шуршит по жнивью. Перепела пугаются, то и дело вылетают. Бесперывно стреляю, — испугиваемые арканом птицы летят вперед.

Небольшие буроватые с пестринками перепела, готовясь к отлету на юг, отъелись и так ленивы, что, пролетев низко над землей двадцать-тридцать шагов, снова садятся.

Поблагодарил я своего друга за эту веселую схоту.

Скоро мы с ним надолго расстались.

ПОДЗЕМНЫЙ ЖИТЕЛЬ

Из мшаг по оврагам чуть заметный ручеек бойко пробирается к берегу реки. Кругом лесистые горки. Здесь, среди краснолесья вперемешку с березами, собираю грибы. На прогалинах как будто и негде спрятаться толстому боровику, так нет: коричневая шляпка хоронится в веточках или присыпана иглами хвои, — попробуй найди!

С огромной высоты едва слышно доносится курлыканье журавлей. Весною они извещают о своем прилете торжествующими кликами, а сейчас грустно курлыкают. Три стаи широкими кругами парят одна над другой, строясь в походный клин. В таком построении всем птицам можно следить за темпом полета вожака и соблюдать одинаковую скорость, чтобы не было отстающих.

Солнце склоняется к закату. В ложбине, в просвете деревьев, виднеется колхозное

поле. С полной корзиной спускаюсь по крутому откосу. Еще раз улавливаю прощальный клич журавлей. Поднимаю голову, ищу их в синеве и... спотыкаюсь о нарытую землю. А! Подземная крепость мирного барсука. Тут обитает коренастый коротконогий зверь, величиной с небольшую собаку.

Барсук — родственник быстрой куницы, а неповоротлив, как медведь. И ходит стой — как мишка. Глубоко в земле его жилище. Сюда ведет главный ход-нора, а есть и отнорки — запасные ходы на всякий случай. Барсук — опрятный зверь, имеет отдельную спальню с мягкой подстилкой, кладовую. Всюду чистота и порядок. Насчет еды он неразборчив: личинки майских жуков, лягушки, змеи, ягоды, корни растений, грибы — всё годится ему.

Подземный обитатель три четверти своей жизни проводит в логове. Его мощному плосковатому телу не страшны и обвалы, — как крот, пророемся из-под любой толщи. Он ни с кем не затевает ни драк, ни ссор, но умеет постоять за себя. Однажды пришлось мне увидеть это. Барсук запоздал с ночной охоты. Утро застало его на пути к «дому». Тут врасплох и налетели на него собаки. Сцепились в общей свалке и не разобрать — чей верх. Только, гляжу, вылезает из живой кучи барсук, ошетинился, сердито шипит и отступает. Собаки, повизгивая, зализывают свои раны от барсучьих зубов и когтей. Прочная же шкура барсука оставалась невредимой. После такого «угощения» псы уже не набра-

сывались, а лишь с лаем провожали толстяка, который добрался до песчаного обрыва и зарылся в валежнике.

И вот теперь, возвращаясь из леса, я споткнулся о свежесброшенную из норы землю. Редко увидишь барсука в его домашних заботах. Забываю о своих грибах. Решаю подкараулить зверя. Зрение у него так себе, но чутье отменное, поэтому затаиваюсь в кустах за ветром.

Терпеливо жду. И всё же толстый отшельник появляется неожиданно. Высовывается из норы белая голова с черными полосами по бокам морды. Осторожно принюхивается барсук. Опять скрылся. *Послышалась возня, из норы по откосу сыплется земля.* Догадываюсь — очищает «квартиру», — зимой ведь он спит в ней, хоть и не так крепко, как медведь, в оттепель выходит на прогулку. Вот снова вылезает барсук. Он пятится, подгребает ко мне землю.

Очень забавно: пыхтит зверь, ползет задом прямо в мою сторону, а мне шелокнуться нельзя. Шагов пяти не дополз, отряхнулся, старательно почистил себя.

Куда же неуклюжий толстяк направляется? Ага, к кучам сухой листвы! Заготовил листья и теперь собирается стаскивать их в свой дом. Хлопотливо возится, подгребает листву передними лапами к себе.

Вдруг горка листьев сама приподнялась и покатила. Опешил зверь от необычного явления: никогда еще листья не удирали от него таким способом. Торопливо догнал убегающие

листья, попридержал лапой и ткнул в них носом, — в чем, мол, тут дело? А кучка как зафукает да как толкнется — и угодила в нос барсуку. Подпрыгнул барсук, попятился, дыбом поднялась его щетина. Рассердился, зашипел. Трясет мордой, трет ее лапами. А горка дальше покатила...

То был еж. Он тоже собирал подстилку для логова, набрел на готовое и поживился чужим добром: покатался в листьях, нанизал их на иглы и потащил.

Испугался барсук и шмыгнул в свою «крепость».

Я взял тяжелую корзину с грибами, спустился по откосу и вышел на тропинку.

В ЧАЩЕ

Если хочешь душу леса постигнуть, найди лесной ручей и отправляйся берегом его вверх или вниз.

М. Пришвин.

Побываешь в этом краю чащоб и лесных просторов, и не кажется дивным, что здешняя станция, ближайшая деревня и окружающие их необозримые леса носят одно и то же название — «Чаша».

Сплошной сумеречный ельник с зубчатыми вершинами заглушил всё растущее в нем.

В обнаженном по-осеннему березняке с осинником по низу хорошо заметны темнины еловой молодежи. Разрастаясь с годами, ели и

здесь вытеснят своих соседей, под защитой которых вначале спасались от поздних весенних заморозков еловые всходы.

Величаво затих красный бор. Сомкнувшись вершинами, разбегаются вширь ровные сосны с высокими и чистыми от сучьев стволами. Но и меж них темнеют пирамиды елей.

И моховых гладей в Чаше хватает.

Дичные тут места, водятся разные звери, особенно много беляков...

В дождевых плащах мы с товарищем уютно расположились у огня на опушке ольшаника с елками. Попивая чай, ждем утра, чтобы потешиться с гончими. Это быстроногие зверогонцы из старинной породы, выведенной в минувшие века костромичами. Желтоватые, с темными «чепраками» на спине, они злобны, вязки. А голоса их на гону — музыка для охотников.

Ожидание охоты веселит нас. Балагурия, мы посмеиваемся, следя за поведением наших собак.

Нежась на пригреве, дремлет угрюмый Буян. Растянувшись на боку, он грезит во сне: подергивает лапами — «бежит» и издает приглушенные звуки «ух... ух... ух» — пытается взлаивать. Лежащая рядом с ним Найда в тревоге открывает глаза, недоуменно приподымает ухо. Разобравшись, в чем дело, успокаивается. Вдруг Буян вскочил как встрепанный, — ему припекло брюхо, торопливо отошел — и бух на́земь продолжать прерванный сон...

Предрассветная мгла сгустилась. Из мра-

ка неощутимой пылью сеялась влага. Лишь проведя рукой по лицу, узнаешь, что оно мокрое.

Неожиданно из моховых болот на наш огонек явились пришельцы.

В светлый круг из тьмы вынырнули белые куропатки. Робко приближаясь, они сбились в кучку, вытянув шейки в сторону ослепляющего их света. Обычно белые, сейчас птицы розовели в лучах красного пламени. Свет притягивал куропаток.

Заинтересованные, мы повернулись к ним. От нашего движения табунок взлетел с резким шумом.

Вскочили и забегали собаки, принюхиваясь к следам куропаток...

Мгла рассеивалась.

Вскоре мы затушили костер и пошли в лес. Впереди рыскали псы.

Собак иногда винят в том, что они долго не поднимают косоного. Совершенно напрасно винят. В мягкую тихую погоду заяц лежит крепко, а прежде чем лечь, этот плут обязательно совершит хорошо знакомый охотникам заячий обряд обмана: запутает свой ход к лёжке «вздвойками» — двойными отпечатками лап по одной тропе, «петлями» — рядом идущими в разные концы следами, «скидками» — огромными скачками, прерывающими духовитые следы лапок.

И сейчас гончие что-то задержались в бурьяне, — видно, разбираются в заячьей «грамоте»...

Но вот в исступлении заголосила Найда,

согнав беляка и внезапно увидев его рядом. Отозвался и Буян. Сначала вразнобой, но уже через минуту в слаженном «дуюте» мчались собаки...

Умаялся беляк, принялся морочить гончих, — сладу с ними нет. То стон стоит на гону, то смолкают собаки, теряя запах косого. Ведь вот на какой трюк заяц решился: проскачет по воде метров двадцать — попробуй тут найти его след! — а затем вымахнет на взгорок и, сидя под кустом, шевелит ушами, поводя ими в сторону своих преследователей.

Выручил опытный Буян: кинулся на другой берег, описал там круг и перехватил путь «хитреца». Так и добыли мы мокрого зайца.

К обеденному отдыху у нас было четыре беляка.

Мы знали, что находимся недалеко от лисьей норы, и решили проверить, нет ли там лисы.

Мне с гончими пришлось остаться на привале: учуяв собачий дух, лисица ни за что не покажется из своего подземного убежища.

Товарищ удалился.

Подойдя шагов на двадцать-двадцать пять к норе и не показываясь против дыры, охотник затопал. Затаился, ждет. Если перед этим лисица не была напугана, не скрылась в нору от преследования собак, она выйдет наружу.

Прождав немного, приятель приблизился еще на несколько шагов к норе и снова затопал.

Лиса встревожена загадочной возней над

се логовом. Всегда недоверчивая, а сейчас в особенности, она понимает, что проникающие сверху звуки относятся к ней. Страшась неизвестности и боясь какой-либо ловушки, пугливый зверь не выдерживает; его тянет на волю.

Лисица крадется к выходу и, видя, что путь свободен, бросается наутек.

А нам только того и надо. Теперь очередь за нашими зверогонями.

Пущенные на свежий лисий ход, они с места взяли и без скола — не теряя следа — погнались красного зверя. Не смолкают голоса собак. Лиса повела их большим кругом. Ошеломленная натиском нападающих на нее псов и занятая только тем, чтобы не угодить им в зубы, она не успевала хорошенько осмотреться — безопасно ли впереди? А нам это как раз и на руку...

Через час мы любовались пышным мехом золотисто-рыжей кумушки...

По дороге к дому в одном месте переходим жнивье. Под ногами хрустит серая щетка стерни. Тут и дрозду не спрятаться!

А вот белые куропатки сумели схорониться: в двух шагах от нас затрещали крыльями. Просто удивительно: белоснежные птицы так прильнули к земле, что мы их и не заметили...

Смеркалось. В деревне уже светились окна, кругом темнела лесная чаща.

РЫСЬ

Редко встретишь такого опытного охотника, как лесник Василий Федорович. Природный следопыт. Искусное мастерство дяди Васи его друзья объясняют очень просто:

— Это у него от деда. Бывало, медведи перемнут в лесу все овсяные нивы, а полосу старика не тронут. Поговаривали: «Дед заговор знает». На проверку оказалось иное: дедко на овсяном поле поставит на ночь вверх дном ящик, а под него сунет... петуха. По зорям, в полночь кукарекает петуха, а зверь и не приходит, — где петух, там и человек!

Может быть, и от «деда», кто его знает. Только лучше Василия Федоровича никто не подвоет волков. Серые принимают его голос

за волчий, сразу отвечают всем гнездом, каждый на свой лад. Загудят матерые, заскулит молодняк.

Рослый, широкоплечий человек Василий Федорович, а по лесу пройдет, как невидимка, скорее рысь заметишь, чем его. Ничем не выдаст себя, без хруста шагнет по валежнику, не качнет ветку в густом хвойнике. И по чащобе бесшумно проберется, хлесткий прутняк по нему не стегнет. Дядя Вася носит мягкую, шинельного сукна, куртку, поэтому гибкие хворостины, коснувшись его, не шуршат. Идя по воде, лесник ногу опускает пяткой, а поднимает носком вниз, вот и скатывается вода, не булькая. Такой прием годится и в ходьбе по вязкой слякоти, — сапог не чмокает.

Как-то поздней осенью Василий Федорович позвал меня поохотиться на лисиц. Посоветовал одеться в защитное. Выезжаем. С нами нет ни собак, ни снасти какой, одни ружья. Недоумеваю. Василий Федорович улыбается: — Ничего, зверь сам к нам придет!

Попадаем в смешанные леса с еловым подседом. Тишина. Бывают такие осенние дни, когда в неподвижном воздухе ничто не шелохнет. Где-то простучал дятел... Останавливаемся. Выбираем плотные кусты, обламываем лишние ветки, чтобы можно было повернуться без шороха. Удобно усаживаемся и затаиваемся. Вдруг как заверешит дядя Вася, ни дать ни взять — заяц подбитый. Сходство так велико, что сорока, и та поверила: прилетела, стрекочет, не замечая нас. Если вблизи лисица держится, обязательно явится, — такой уж

у нее нрав: попытается проверить, в какую беду угодил заяц. От сильного врага незаметно улизнет, а у слабого противника сама бесцеремонно отнимет добычу... Прошло четверть часа. Опять закричал «раненый заяц». Раза три так повторялось... Вдруг шагах в тридцати слева от меня зашевелилась трава. Показалась рысь. Припадая, подкрадывается к нашей засаде. Лесная кошка точно определила место, где находится «косой». Делаю едва уловимое движение ружьем, и рысь мгновенно, гигантским прыжком кидается назад. Успеваю заметить и вторую. Она сразу шмыгнула в ельник. Навскидку посылаю заряд в прыгнувшего зверя. Падает тяжело раненная лесная кошка и сразу переворачивается мордой ко мне. Затихла, будто неживая. Пришлось пристрелить. По всему видно, взяли мы молодого зверя.

Захотелось нам добыть и старую рысь, скрывшуюся в ельнике. Приметили мы, что ростом она была с большую собаку, только короче ее.

Через нелелю возвращаемся в эти места с гончими. Пускаем Буяна и Найду в мрачный еловый остров. Здесь должен прятаться угрюмый зверь. И место подходящее — глухое: уже на опушке бурые стволы елей, поваленные ветром, ошетинились сухими ветками. Их вывороченные с землей корни заслоняют путь, будто огромные щиты. Широко стелются почерневшие лапы старого ельника, космами развешан на них серый лишайник. Мягко тонут ноги в зеленом мху, а на свет-

лых прогалинах растет узорчатый папоротник, ставший к осени желтовато-красным.

Долго ходим попусту. Молчат рыскающие псы. Наконец-то!.. Злобно залаяли собаки. Так они подают голос только по крупному зверю. По зайцу иначе отзываются — заливи-сто, с подвизгиванием. В ельнике недалеко от нас в сторону просеки промчались собаки. Слышим — на одном месте лают. Бежим туда. Выгнув спину, на пне стоит рысь, наклонив голову, угрожающе урчит. В ярости прижав уши, зверь скалит клыки и, сверкая глазами, выпускает когти — обычный кошачий прием для устрашения псов! Но гончие только сильнее злятся. Увидев нас, зверь прыгнул, пытаясь удрать.

Однако не так-то легко уйти от Буяна. Кинулся пес на хищника, а рассерженная рысь перевернулась на спину и взмахом задних ног так ударила его, что он отлетел с распоротым боком. Убежал хищник, преследуемый лишь одной Найдой. Огорчился Василий Федорович. Снял шапку и размотал спрятанную там суровую нитку на иголке. Подошел к раненому Буяну...

Не терпит гона лесная кошка, быстро утомилась. Опять лай на одном месте. Осторожно и скрытно приближаюсь. Рысь прижалась, запав в развилке толстой сосны. В сучьях не сразу и заметишь ее.

Накоротке заряд крупной дроби намертво уложил хищника.

Подошел и Василий Федорович с Буяном. У гончей туго забинтован бок рубахой

лесника. Буйн ласково помахивает хвостом, глядит на нас виноватыми глазами, будто смущаясь за свою оплошность.

В ту пору много интересного рассказал мне Василий Федорович о повадках лесной кошки. А уж он поделится с другим только тем, что сам хорошо знает...

Пожалуй, не найти второго такого врага дичи, как рысь. Даже сытая, она нападает на зайцев, коз, молодых лосей, глухарей, тетеревов, рябчиков.

Лютый хищник — непревзойденный мастер скрадывать добычу. Затаясь, рысь своей голубовато-пепельной или рыже-пятнистой шерстью отлично маскируется в сером осиннике, среди ольх, сосен, в жухлой траве. Смешанный, переходящий из тона в тон окрас рыси сходен с любой расцветкой в лесу, чему не мешают ни черные кисточки на острых ушах зверя, ни короткий, точно обрубок, темный на конце хвост. Ступни у лесной кошки большие, круглые, а зимой еще и опушённые шерстью. Как широкие лапти, они почти не тонут в глубоком и рыхлом снегу. Словом, рысь на редкость приспособлена к скрытной охоте. Искусно прячась в засаде на земле или дереве, она часами терпеливо ждет. И не зря...

...Осторожно ступает копытцами горбоносый лосенок. Ловя шорохи, он прядает ушами, нюхает воздух, но не замечает пристально следящего за ним с ветки врага. Лесная кошка чуть свесила с дерева круглую голову. Толстые пружинистые ноги мускулистого

зверя вот-вот готовы оттолкнуться. Мощный бросок — и рысь на горбу лосёнка.

...Беззаботно ковыляет вприпрыжку беляк. Подкараулив его, огромными прыжками кидается к зайцу гибкая рысь. Прوماхнувшись, она не преследует улепетывающего от страха косого, лишь ткнет тупой мордой, украшенной усами и бачками, в свежие заячьи рытвины...

А вот, добираясь до брусники, копошатся в снегу рябчики. Бесшумно ползет к ним лесная кошка, выбирая моменты, когда птицы погружаются в белые ямки...

Видали, как домашняя кошка приносит полузамученных мышей, чтобы котята учились ловить? Так и рысь поступает. Разница только в том, что рысь для таких «уроков» тащит к логову полуживых птиц и зайцев. Окрепнут рысята, — лесная кошка ведет их на охоту. Держится вместе с ними, пока они не вырастут. Даже зимой приходилось встречать рысей с выводками.

Когти у лесной кошки, как и у домашней, втяжные — прячутся в «чехлах» под пальцами широких лап. В драках зверь мгновенно обнажает это грозное оружие. Спокойно пробираясь по лесу, рысь когтей не выпускает. На тихом ходу остаются лишь круглые следы с отпечатками мякишей пальцев. На быстром беге — другое дело — остаются заметки и от когтей.

Из-за богатого, густого и пушистого меха рысь — заманчивый трофей. Правда, трудно вато разыскивать лесную кошку: «нелюдимый»

зверь обычно скрывается в лесных трюсках и лишь голодный делает большие переходы. Но с хорошими гончими или лайками успех охоты обеспечен. Важно, чтобы собаки были злобные и быстрые. Такие легко останавливают зверя, заставят его забраться на дерево.

Зимой можно и без собак выследить рысь и преследовать ее на лыжах. Лучше, конечно, вдвоем, чтобы сменять уставшего. Но такая охота удачна только в многоснежье.

Как известно, лиса, волк и даже медведь, окруженные красными флажками, боятся выйти из «оклада». А на рысь кумачовые флажки не производят никакого впечатления! Она преспокойно уходит из такого круга. Зато лесная кошка, как и домашняя, равнодушна к запаху валерианки. Принюхиваясь к аромату этого лекарства, разбрызганного по одной-две капли через каждые пять-шесть шагов, и слизывая его, рысь беспечно подходит к засаде охотника.

Лесная кошка любит свежинку. Но при нужде подбирает и падаль. Ест она мало, поэтому часто прячет свою добычу и возвращается к ней, идя след в след, как волк. Тут, на тропе, маскируют и ставят на нее волчий капкан с зазубринами, привязав к нему груз на цепи.

Закреплять капкан «намертво» нет смысла: попадется в него рысь, отгрызет себе лапу — только ее и видели.

Лесная кошка боится человека и собак. Однако приближаться к раненому зверю, не

добив его, опасно. Рысь, как и тяжело раненные волк, медведь, может sluкавить: заложив уши и притворясь мертвой, подпустит к себе охотника и с непостижимой быстротой и ловкостью метнется ему на грудь.

Никогда не следует щадить этого вреднейшего хищника!

В ДОЛГУ НЕ ОСТАЛСЯ

Осенью я воткнул в землю на опушке леса у сосны две жердины, шагах в двух одна от другой. Гибкие вершины их соединил вместе и так связал, что получился маленький развилок. Третью жердину одним концом положил в развилок, а другим — на ветку сосны. Наклонно к такой перекладине приставил ряд палок с обеих сторон. Получился ребристый остов шалаша. Затянул его хвоей, наложил на рёбра еловые ветки, лапами вниз. При такой укладке и дождь не промочит: вода будет стекать по иголкам, не проникая внутрь шалаша.

Ладное вышло мое укрытие, издали кажется густой елкой. В нем оставлены щели, чтобы можно было видеть, что творится кругом.

Надо еще приготовить мягкую подстилку для сиденья. Собираю пожелтевшую траву. Возле огромного пня с навесью ветвей вижу кучку сухой ветоши. Вот, думаю, хорошо, и трудиться не надо! Кто-то за меня уже постарался. Только наклоняюсь взять охапку ветоши, а она как запыхтит, подпрыгнула, и раз-раз меня острыми колючками! Отдергиваю руки. Оказывается — пришлось побеспокоить ежа. Здесь он готовил себе жилье для зимовки.

— А, так ты по добру не отдаешь свою заготовку! Всё равно будет по-моему! — решаю я. — К зиме ты успеешь набрать себе новый запас, а этот я у тебя заберу.

Так и делаю. Добываю еще и сена. Получилось у меня в шалаше тепло и удобно.

После листопада в морозный утренник иду сюда на охоту. Минуя знакомый пенёк, вспоминаю свою стычку с ежом. Интересно бы знать, размышляю, где нашел он себе новый приют для зимовья?

Подойдя к шалашу, выставляю вокруг него на голых березах чучела тетеревов-чернышей. Осенью, как и зимой, тетерева любят компанию. Увидев чучела, черныши примут их за своих собратьев и обязательно подсядут к ним клевать березовые почки.

Сижу в шалаше и жду. Вдруг резко зацокала белка. Наклоняю голову к щели и

вижу, как зверек прыгает по дереву, качая ветки. Вот еще одна. Ушки пушистые, на спине хвост, будто напробор расчесанный. Черными выпуклыми глазами белки разглядели меня в гуще еловых лап. Они суетятся, не зная, что предпринять, — удирать или еще пошнырять.

— Пинь-пинь!.. Трра-ра-ра!

Этого еще недоставало! Любопытная синица уцепилась лапкой за ветку, пытаясь заглянуть в просвет моего убежища. Пинькает и трещит, трещит, как бы спрашивая: «Кто ты? Зачем явился?».

Такое назойливое пристаиванье вынудило меня передвинуться в глубь шалаша. Пристав на корточки, я разгреб под собой сено, плюхнулся на него, — и подскочил, что ужасенный: иглами так и обожгло меня... Я сел на ежа.

«Колючка» поступил так же, как ранее я: польстился на готовое. Вот мы с ним и расквитались...

Собрал я побольше сена и прикрыл им уже оцепеневшего в спячке ежа.

НА ЛАЗУ

Никак не может установиться зима. Влажный лес затянут мглой. А заяц, в разлад с погодой, уже в белой шубке — под стать снегу, да вот растаял снег. Но беляк не сплосховал, зашлепал по луже, — она всё скроет. Выбрался на моховые кочки, запутал свой след, прыгнул в осоку и затаился. Лег мордочкой в ту сторону, откуда пришел, — бережет себя.

Покрикивая и подбадривая гончих, три охотника пробираются лесом, а впереди, взвизгивая, собаки вынюхивают хитрые заячьи петли. Смычок шуршит в траве рядом с заячьей лежкой. Покачиваются ветви кустарников, но беляк лишь жметесь: еще не пора уди- рать, авось не заметят. Напрасно слывет он за труса: не всякий решится на заячий

прием — лежать перед пастью собаки, не поддаваясь искушению удрать. Эта уловка выручает косого чаще, чем преждевременное бегство.

Бодро помахивая хвостом, засновала собака в осоке, добираясь до лежки, вот-вот поднимет беляка, а не видит его. Шкурка зверька почти не пахнет. Потовые и сальные железки у него на подошвах лап, оттого и остается на следу запах. А заяц будто знает об этом, часто в двух шагах спокойно пропустит идущего мимо человека или собаку.

Но даже случайной остановки или движения прямо на себя не выдерживает косой, — сразу задает стрекача...

Несколько раз прошла собака одним местом, не замечая прильнувшего к земле зайца, но стоило ей, увлеченной розыском, повернуться в сторону косого, как перед носом завопившей гончей выскочил беляк и пошел кружить по лесу.

Скачет заяц, уходит, а гончие наседают. Они идут не по самому следу, а сбоку, из-под ветра ловят запах.

Как только начался гон, смолкли охотники — Александр Павлович и Василий Петрович с племянником Сашей. Каждый быстро наметил себе место и поспешил занять выгодный лаз — ход зверька. Притаились, ждут... Всё слышнее голоса собак...

Не выдержал Саша (показалось ему, что стороной пройдет заяц), покинул свой пост и побежал на опушку леса, а зря: гончие, опу-

стив головы, с лаем пронеслись за зайцем как раз там, где только что стоял Саша.

— Эх, прогадал, — огорчился паренек и бросился на старое место. Прислушался... А собаки прогнали зайца через опушку.

Окончательно расстроился Саша: «Перехвачу!». Кинулся наперерез гону и наскочил на Василия Петровича. Тот стоит на лазу и сердито ворчит:

— Что ты носишься? Давно бы зайца взяли! И себе ты и мне беготней своей охоту испортил. Когда гон приближается — стой, замри на месте! На первом или втором кругу косой обязательно пройдет там, где его подняли...

Словом, крепко отчитал старый охотник юношу.

Замотали собаки беляка, ходит он уже небольшими кругами. По голосам псов можно догадаться, что порой они видят зверька, или, как говорят охотники, — «гонят по зрячему».

Пошел заяц на хитрость, — с ходу сделал большую «скидку» — прыжок в сторону, чтобы оторваться от преследователей, и притаился. Гончие проскочили было запавшего зайца и смолкли, однако, порывав, выправили след и погнались без перемолчек. Попался им след другого беляка — выскочившего от шума, но псы не бросили гонного.

Стрелять по этому беляку нам так и не пришлось: словили его собаки.

Случается, найдешь зайца там, где менее всего ждешь его. Проходя вклинившейся в лес озимью, Саша сел на валежину переобуться.

Мельком взглянул на снежно-белое пятно в яркой зелени, шагах в десяти от себя. Снял с ног сапог и тряхнул им (насыпалась за голенище хвоя), а «белое пятно» как прыгнет! Юноша застыл с сапогом в руке, а беляк наскочил на Василия Петровича и сложил свою голову.

В чапыге гавкнул с подскуливанием гончак, и закипел жаркий гон.

— Не иначе как по красному! Занимай места и не зевай! — кричит Василий Петрович.

Азартно гонит лису «паратый» — быстроногий смычок. Зверь пошел скрытыми лапами.

Оживился Саша. Окинул взглядом местность и бесшумно занял лаз в низинке, на перемычке заросших оврагов; стоит и не шелохнется...

В стороне прогремел выстрел.

«Эх, неудачное место я занял! Надо бы...» — подумал Саша и замер: гон продолжается, значит, кто-то промазал там.

Гончие, ободренные выстрелом, дружнее заливаются лаем, — вконец перепуганная лиса увела собак со слуха. Но вот снова слышатся голоса собак. Ближе, ближе... В светлосером осиннике мелькнула яркоогненная полоска. И не впереди, а сбоку. Саша так ловко затаился, что лиса, не заметив его, пошла мимо. Стрелок чуть не прозевал ее, да лисица сама выдала себя: высунув язык, на миг присела передохнуть. Она прошла по сваленному дереву, прыгнула на пенек и прервала свой след. Теперь, сидя, повернула голову назад,

вслушивается. А собаки мечутся, вынюхивают — куда исчез лисий запах?

Выстрелил юноша, и... как сгинул зверь. Не чуя ног под собою, бросился в сторону выстрела охотник и видит: лежит вишнево-красный лисовин.

Прибежавшие гончие кинулись трепать зверя, но Саша подхватил богатый трофей, поднял его над головой и отогнал прыгавших собак...

— Молодец! Исправил свою ошибку! — похвалили охотники своего молодого друга.

Уже вечерет. Пора возвращаться на станцию.

СЛЕДЫ ГОВОРЯТ

На поляне белая гладь свежего снега. Чьи же это рисунки на нем? О, да тут произошла какая-то лесная неполадка. Интересно, что за история случилась здесь до меня?

Вот вьются извилистой стежкой следы какого-то зверька по четыре отпечатка вместе, — значит, прыжки. Величиной они... ну, представьте себе лапку с пяточок, только когтистую, конечно. Зверек скакал по поляне то в одну, то в другую сторону. Это скорее всего горноста́й, — для ласки след крупноват. А горноста́й, как и ласка, на своих охотах никогда не делает прямого хода. Он суетится, попутно нырнет и под пень, в корни, проверит, нет ли там мышей.

Горноста́й поскакал к берегу ручья, очевидно на расправу с водяной крысой, но подвернулась ему куча хвоста и он исчез под ней.

Разроем...

Вот так здорово! Наш зверек воспользо-

вался отлучкой «хозяйки» и проведаль ее кладовую — не осталось ли чего из ее запасов? Собирался обворовать норку — мастерицу рыбной ловли, да в логове ее ничего не нашлось, кроме рыбьей чешуи...

Опять вернулся он на поляну...

А это еще что?

Следы горностая накрыты будто ладонями с растопыренными пальцами. Это метки крыльев. По ним можно догадаться, в чем дело...

Замелькал на снегу черный хвостик белоснежного горностая. Молниеносным броском кинулся сюда ястреб-тетеревятник и зажал когтями... снег.

Проворней ястреба нет ловца накоротке, а тут он дважды промахнулся, — невидимкой ускользал от него зверек, оставляя чуть заметную ямку. Взмыл тетеревятник, кругами плавая над поляной, зорко высматривает горностая. А горностай уже под мягким снежным покровом пробирается...

На краю поляны взрыхленная ямка, и отсюда вновь начинаются прыжки горностая. Понятна и эта картина....

Сначала на белом сугробе выступили черные пятнышки. Это показались глаза и нос зверька. Он проверил, улетел ли враг, и затем выскочил наверх. Но это не всё.

Пока я всматривался в ясные отпечатки и разглядывал их, рисунков на снегу прибавилось. Оказывается, и сам горностай был здесь же, хотя на глаза мне не попадался. Ему не хотелось покидать облюбованную полянку, и

он со мною как в прятки играл: за моей спиной показывался, а стоило мне туда повернуться — исчезал. Только снег выдавал его проделки.

С ружьем за плечами ухожу в глубь леса. На обратном пути заглядываю на полянку и в упор сталкиваюсь с горностаем. Зверек рылся в торфянике у пня. Там, видимо, зимовала змея, он и добирался до нее.

Обескураженный встречей со мною, горностай скрылся в хворост. Только зря, — я б его всё равно не тронул: этого полезного зверька надо беречь.

ОПЛОШАЛ

Лесник Василий Федорович живет в деревне, недалеко от Волховской гидроэлектростанции — первенца социалистической электрификации. Всю свою жизнь он провел в лесу, много диких историй видел. Однажды он узнал по следам такую картину лесной неполадки.

Видимо, у рыси были котята, раз она и днем караулила добычу, подстерегая козу на водопое у болотной ямки. Залегла во мху, за кочкой, и ее рыжевато-пятнистая шерсть слилась с желтеющей мшариной.

Осторожно подходила дикая коза, но не уберегла себя...

Как тут очутился медведь — трудно сказать; может быть, вразвалку шагая к малин-

нику, услышал шум и любопытство толкнуло его узнать, что там творится. Врасплох ли он застал возившуюся с козой рысь и той уж некуда было деваться — волей-неволей пришлось защищаться? Или рысь, обычно избегающая встреч с медведем, приняв его шаги за покушение на свою добычу, но этот раз отважилась дать отпор? Не придумаешь, как это вышло, только случилась на этом месте драка.

Надо полагать, лесная кошка прыгнула в морду бурому зверю. Это кошачья манера — постараться выдрать глаза могучему врагу, с которым иначе она бессильна справиться. Разъяренный медведь расправился с нею и зарыл в мох. А козу не тронул. Очевидно, в пылу схватки не до нее было...

Таким путем Василий Федорович и узнал о медведе в здешних местах. Охоту на него, правда, придется отложить до зимы, — летом мишку трудно выследить. А на берлогу можно будет пригласить и друга своего.

Друг Василия Федоровича — зоотехник Юрий Иванович — тоже охотник, но начинающий, и ему частенько сопутствует неудача.

Как-то по осени сидели приятели в шалашах, охотились на тетеревов. Зарядил дождь. Юрий Иванович до нитки промок, а лесник сухим остался. Удивляется зоотехник:

— Не понимаю! Шалаши у нас из одинакового хвойника, а в твой ни капли не попало.

А дело простое. Шалаш лесника устроен из

еловых веток лапками вниз и непроницаем для дождя, скатывается с него вода, а у Юрия Ивановича ветки набросаны как попало.

Дождался лесник зимы и собрался искать берлогу. Зашел к зоотехнику, хотел пригласить его на охоту, а Юрия Ивановича нет дома, — уехал в соседний совхоз на совещание животноводов.

Вернулся Василий Федорович домой и решил отправиться на охоту один.

У лесника — пара лаек, Шарап и Милка, злобные по зверю. Псы каким-то чутьем пронюхали, что хозяин сейчас в лес пойдет. Милка, сидя у порога, радуется, хвостом снег разметаёт, а Шарап суетливо бегаёт. Лишь появился из избы дядя Вася с ружьем за плечами, с лыжами в руках, — так и вскинулись лайки. Милка даже «смеется», морща переносицу и щеки. Шарап волчком завертелся, подпрыгнул к лицу хозяина, лизнуть хотел...

Бежит Василий Федорович на лыжах. Лайки рядом. Начался лес, собаки оторвались от охотника и ушли в поиск.

Медленней по лесу идет охотник, тут не разгонишься. Собак не слышно и не видно. Но они хорошо разбираются, куда правит охотник, — изредка пересекают лыжню, проверяют направление.

Тишина в лесу. Лишь изредка осыплет с ветки снег потревоженная птица, и опять тихо.

С детства знает этот лес Василий Федорович. Здесь ему всё родное, знакома каждая

тропа и чуть не каждое дерево — от маленькой елки до высоких сосен...

Слышатся взбрехи лаек. Охотник поспешно огибает белые завалы, минует густой ельник и натывается на собак.

Сердито ошетилившись и выпрямив хвосты, псы дружно кидаются на снежный сугроб у сломанной лесины. Берлога! Лесник видит обледеневшую от испарений дырку. «Зверь лежит головой к выходу», — думает Василий Федорович.

Вдруг треснула ледяная корка, вздулся снежный холм... Собаки едва увертываются от выскочившего медведя. Кинулся зверь через просеку, а лайки за ним — только белые взметы клубятся. Тяжело медведю, вязнет по брюхо в снегу, а собаки идут по верху, нападают на него; вертится мишка, отбивается от них.

Подбежал к собакам лесник, вскинул ружье и ударил по медведю разрывной пулей. Рывкнул зверь, сунулся было носом, но тут же, мгновенно, взрывая снег, ринулся к человеку.

Крепок духом Василий Федорович, — не устрасил его бросок зверя. Опытный охотник приготовился наверняка всадить пулю в голову медведя, напустив его почти в упор. Шарап тоже не зевал, — так и впился в зад зверя. Медведь огрызнулся, завихлял по снегу за вертким псом. Да где там — разве поймать его! Лесник опять приблизился, да боится стрелять: можно Шарапа или Милку задеть. Улучив момент, Василий Федорович

снова выстрелил. Медведь качнулся и осел в снег. Лайки вплотную подступили к смертельно раненному зверю.

«Кончено, — подумал лесник, — не уйдет», — и отправился за лошастью...

Едет обратно в лес, торопит охотник коня, а тот с ленцой, только хвостом отмахивается. Подъехал на санях Василий Федорович, весело встретили его Шарап и Милка. Осторожно подошел лесник к зверю, ткнул его жердиной, — не шевельнулся медведь.

Дядя Вася не обижен силенкой. Понатужился и подтянул восьмипудовую тушу к саням. Конь храпит, пятится. Уложил добычу лесник, взял вожжи, сел в сани, а гнедой как подхватит, откуда и прыть взялась! Быстро примчал домой: медвежий дух подгонял.

Не успел Василий Федорович убрать зверя, как во двор вбежала жена зоотехника со словами:

— Твой медведь мужа моего покалечил!

— Как так? — воскликнул лесник. — Юрий Иванович не ходил ведь со мной на охоту!

А она свое:

— Скорей давай лошадь, в больницу повезу.

Лесник — к соседу. И верно: у зоотехника сильно рука помята. Пришлось везти в больницу.

А дело так обернулось: вернувшись домой и узнав, что лесник приходил звать его на охоту, Юрий Иванович захватил ружье и поспешил по следам друга. Войдя в лес, он

услыхал лай собак и выстрелы. Добрался зоотехник до медведя, видит: лайки со зверем возятся, а лесника нет.

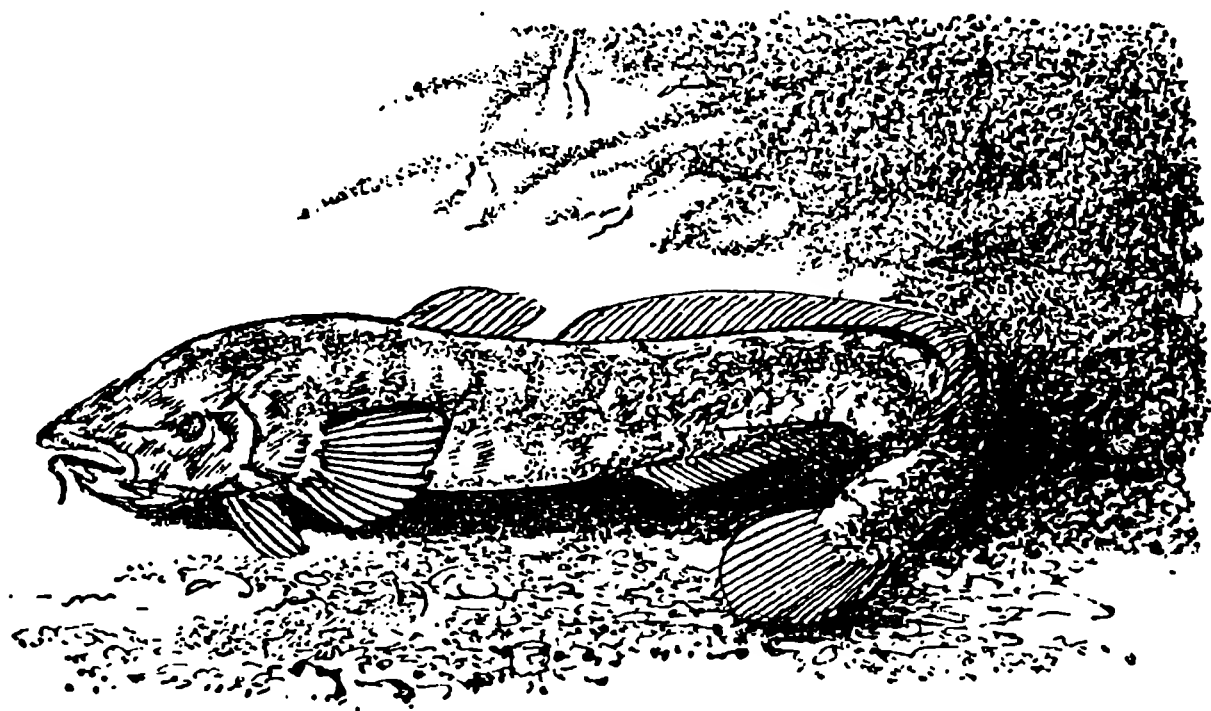
«Собаки догнали подбитого зверя, а лесник отстал», — подумал Юрий Иванович.

Приблизился он к медведю и не заметил по своей неопытности, что тот уши заложил — мертвым притворяется.

Вплотную подошел к нему Юрий Иванович, закинул ружье за спину и взмахнул топором, чтобы добить медведя, а зверь как ударит лапой, — и полетел в снег топор, а рука горе-охотника очутилась в медвежьей пасти. Хорошо, лайки выручили...

Снимая шкуру зверя, Василий Федорович обнаружил на его морде шрам. Значит, лесная кошка успела «царапнуть» врага — глубоко вонзила когти, чуть не выдрав глаза медведю.

НАЛИМ

Если щуку называют водяным волком, то налим в своих повадках похож на барсука. Оба — и зверь и рыба — днем не любят показываться, отлеживаются в норах до сумерек. Оба ведут ночной образ жизни, охотятся под покровом темноты. Оба несуетливого нрава, с ленцой. Налима прославил его замечательная по вкусу печенька...

Ташат налима из-под коряги, а он глубже туда уползает. Желая прочнее взяться, мнут его руками, он же в ответ только вяло шевельнет хвостом. Наконец подцепят пальцами под жабры и извлекают серовато-пегую рыбину. Обнадеженный смирным видом налима, рыбак берет его в руки, любуется добычей...

Рано торжествовать. Обильно покрытый слизью, налим чуть вильнул и пополз из рук. Напрасно пробуют его держать крепче, — этим приемом лишь усиливают скольжение рыбы. Плюхнулся налим в воду, — прощай улов!

Летом, особенно днем, налим малоподвижен, но в студеной и глубокой воде и ночью он деятелен. В темную непогожую ночь — самый лов на него. Обитатель дна, он принимает окраску, не отличимую от грунта водоема. Это позволяет ему скрытно подбираться к добыче. Ночной хищник не утруждает себя преследованием верткой рыбы, — такая хлопотливая охота ему не подходит. Когда он неподвижен, то мало заметен: затаится и напускает на себя рыбешку. Накоротке не дает спуску и крупной рыбе, хватает ее за что попало, хотя бы за хвост. А раз поймал, то уж как ни бьется головль, а не миновать ему налимьей утробы.

В конце зимы, закончив нерест, налим блуждает в поисках пищи. На редкость прожорливый, он часто начинает кормежку с собственной икры. Охотится налим, даже если вместе с другой рыбой очутится в мережке. Он не толкается здесь в поисках выхода, а вылавливает беспомощных соседей и, не торопясь, насыщается. Заглотив много рыбы, делается округлым, а изо рта еще торчат хвосты рыбешек, — этих, при всем усердии, не смог втиснуть в желудок.

При такой жадности налима всякая насадка (червяк, живая или уснувшая рыба,

мясо, лягушка) годится на крючковые снасти. Важно, чтобы приманка лежала на дне.

Летом мало толку от ловли налима на удочку. В другое время года, и особенно по ночам, он хорошо ловится. Сразу можно ставить много удочек, привешивая колокольчики, чтобы услышать поклевку. Налим тихо, но верно берет приманку, а раз взял, так уж не сорвется.

Добычлив и подлёдный лов. Пешней долбят лунки для удочек и «подлёдника» — снасти, похожей на подпуск, состоящей из веревки с короткими поводками и крючками с наживкой. Края лунок оббивают, чтобы не резали лесок. Пристраивают по лункам метровые удилища с жилковыми или волосяными лесками, — такие не обмерзают. Опускают в прорубь и подпуск с грузом. Конец подпуска закрепляют.

Вытащить налима из лунки — дело простое, рыба не сопротивляется. Только вот при снятии с крючков возня: глубоко заглатывает налим насадку. На крепком морозе, брошенный на лед, он быстро замерзает.

Придешь домой, опустишь налимов в корыто или ванночку с холодной водой, чтобы оттаяли, а станешь вынимать, — они уже плавают, копошатся.

БОЙ НА ЛЬДУ

В этом краю голубая полынная степь сливается с шумящими камышами Прикаспия. Вот где издавна водилась разная дичь! Только не берегли ее. Прежние порядки и «господская» жадность так опустошили эти охотничьи просторы, что здесь, на своей родине, дикие животные стали уже редкостью.

А теперь откуда что и взялось! Нет у нас хищнической охоты, с разбором стреляем, и опять в степях расплодились антилопы-сайгаки, в камышах — благородные олени, козы, кабаны. А сколько лебедей, гусей, дроф, стрепетов... Всего не перечесть. Это меня и привлекало сюда...

С ружьем в руках тихо иду по следам камышевого кота. На снегу, по опушке тростников, отпечатки круглых лап, баз меток от когтей. У других зверей когти всегда на виду. Дикая же кошка, как и домашняя, держит их

втянутыми, прячет до поры до времени, чтобы не тупились, и выпускает наружу лишь в драках, на быстрых скачках.

Буровато-серая с легкой желтизной шерсть хищника почти незаметна в камышах. Не выдают его и темные кисточки на острых концах ушек.

Ночной зверь, он, если голоден, не прочь и днем поохотиться. Вижу, шел с остановками, часто залегал, наверное что-то высматривал. Дальше он продвигался ползком, — осталась полоска. Острейший слух и зрение кота поглощены слежкой за добычей, и я бесшумно крадусь за ним. Вот-вот покажется...

Вдруг впереди под вербой красным пламенем взметнулся над снегом копавшийся в сугробе фазан и в тот же миг упал под тяжестью кошки и затрепыхался. Петух бьет крыльями. В белой пыли клубятся золотистые перья.

Стреляю. Кот бросается на дерево, мелькнул по стволу и прижался на вершине. Бью еще раз. Зверь валится, но зацепился когтем за ветку и повис. Потом падает на лапы, прыгает через канаву и скрывается в камышах. Беру оставленную мне дичь.

Справляюсь с компасом (в море однообразных тростниковых зарослей легко заблудиться) и начинаю выслеживать тяжело раненного хищника. Казалось бы, он не должен далеко уйти, а уже порядочно времени ищу его. Полежит кот, наберется сил и, оставляя ямки в снегу, уходит всё дальше и дальше.

Шел, шел и... что за чудо! Отпечатки круглых лапок превратились в огромные следы широких лап. Приглядываюсь — волк пробороздил снег, еле волоча ноги.

Бросаю ход кота. Перезаряжаю ружье картечью. Слежу серого... Впереди заворочалась волчья башка, — бирюк и бежать не в силах. Кто-то постарался располосовать бок у волчины. Так и надо этому заклятому врагу всего живого! И я ему спуску не дам...

Следом волка возвращаюсь и попадаю на озеро. Здесь волчьи следы переплетаются с кабаньими. Со льда хоть и сдуло снег, но слегка запорошенная скользкая поверхность ничего от меня не утаила.

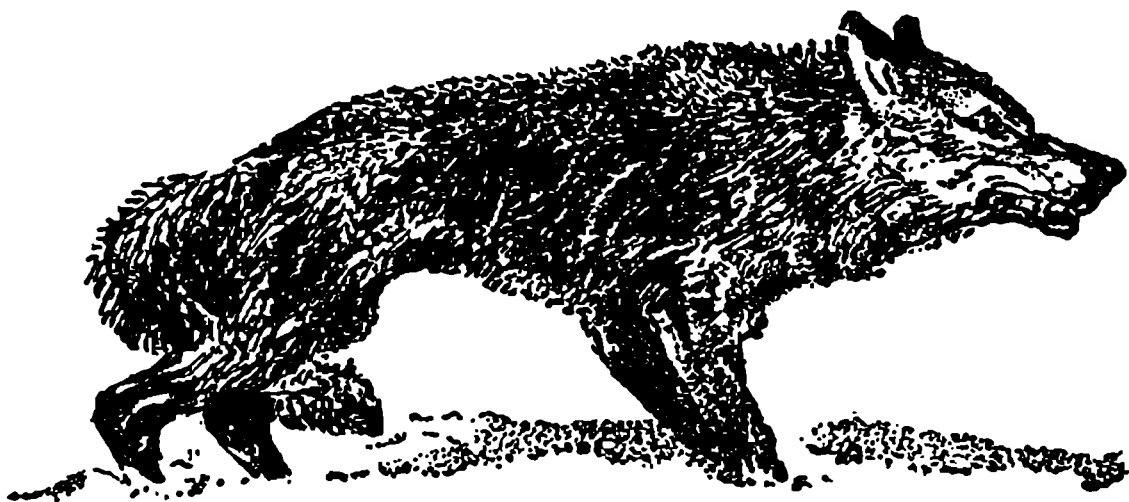
Тут произошло целое побоище: два волка сражались с вепрем-секачом. В плотных упругих зарослях хищникам было не развернуться, а кабан-одинец своим острым рылом без труда проникал в камышовую крепь. Звери применили обычный в таких случаях маневр: наседая на кабана, выжали его из густых тростников на льдистый простор, чтобы здесь без помехи расправиться с ним. Волки оттеснили одинца на озеро, и он с разбегу шагов двадцать задом проехал по льду. Кабану трудно бежать, копыта разъезжаются в стороны, зато волкам здесь вольнее драться с вепрем. Они норовили распороть ему бок, да только вепрь — не теленок! Грозно защищается секач, машет клыками-кинжалами, а сам, сидя, колесом кружится. Наметился волк вцепиться ему в пах — в самое уязвимое место, ринулся вперед, а верткий одинец

успел клык подставить. Серому впору себя спасать, — изо всех сил пытается отпрянуть, но поздно: когти, царапаясь по скользкому льду, не могут затормозить разбега. Ноги сами несут зверя на штык. Секач легким рывком нанес удар — и покатился смертельно раненый враг...

Второй волк уклонился от боя. Ушел и победитель.

Мне досталась волчья шкура. А когда я нашел и кота, то порадовался, что двумя хищниками меньше стало.

ПО ВОЛЧЬИМ ТРОПАМ

Я бегу на лыжах по проселку. Легко скользить по накатанной дороге! В морозном воздухе навстречу мне плывет аромат душистого сена. Догоняю сани, груженные тимOFFеевкой. Возчик вдруг останавливается, грозно размахивая кнутом, улюлюкает и кричит:

— Ах ты вор, разбойник! Вот я тебе, злодею!

— На кого это ты, дядя Вася, так ополчился? — окликаю знакомого колхозника.

— Да вон там, гляди, зверь! — указывает он кнутовищем.

И в самом деле: темный клубок катит по белой луговине, — заложив уши и поджав хвост, волк удирает к березнякам. Он знает, что это вслед ему несется враждебная брань.

Отбежав на безопасное расстояние, волк оборачивается, — наострив уши, пытается разгадать наши намерения. Пристально на-

блюдавший за ним Василий Петрович говорит:

— Надо думать, это старый бродяга, опытный. Разобрался, что сейчас мы за ним не охотимся. Видишь, не спеша, трусцой уходит Молодой, тот без оглядки бы наутек бросился.

Петровича уважают в колхозе за разумную его деловитость. Он и охотником толковым слывет, хорошо знает нрав зверя.

Тронулись мы дальше. Василий Петрович поясняет, что его бранные слова как нельзя лучше определяют волчью натуру. Я хотя и знаком со звериными навыками, но с интересом слушаю дядю Васю.

— Волк и есть вор. Да еще какой! Из-под носа стянет козленка. А что разбойником прозывается, так тоже верно. Коли голоден, да еще в зимнюю ночь, у самого жилья нападает на скот. И злодей большой: ворвется в стадо овец, лютует, режет их, будто впрок мясо заготавливает. Случается, за неделю ему и шерстинки в рот не попадет. Зато дорвавшись, в один прием съест полторапудового барана... Верно и то, что бродяга он. Недаром пословица говорит: «Волка ноги кормят».

Рассказывая всё это, Петрович спросил:

— Как ты думаешь, кто смысленей — волк или лисица? — И сам же ответил:

— Конечно, волк! Он хитрее. Обычно звери охотятся в одиночку, волки же могут и облаву, вроде загона, устраивать. Одни рассыпаются по зарослям, ищут и гонят потом беляка, другие в засаде лежат или наперерез

кидаются... Лисица, скажем, чаще в лесу промышляет, а волк больше возле нашего хозяйства околачивается, — так и норовит здесь чем-либо поживиться. Нет хищника пакостливее и вреднее его! Чувствует серый, что никто его не терпит, что спуску ему не дадут, оттого и страшится человека, боится ему на глаза попадать. Застигнешь его врасплох, — бегством спасается или трусливо прячется, ждет, пока мимо пройдут... Хоть и зверь, а понимает, что от людей ему только козней ждать приходится... Выбросил я как-то в лесу приваду, чтобы возле нее волка подкараулить, а он, как ни голоден был, долго не трогал корма: несколько ночей сначала заглядывал сюда, всё проверял, нет ли моих следов.

По дороге мы порешили, что сегодня я отдохну, а завтра днем обследую звериные ходы и тогда устроим охоту. По словам Василия Петровича, здесь бродит стая волков.

Лесной это край, от деревни до ельника рукой подать. Подлесок местами к самой окoliце подступает...

Ночью всполошились собаки. Я не вытерпел, оделся. Взял ружье и, мягко ступая в валенках, пробрался за огороды к бане. Вблизи нее начинаются голые кустарники.

Долго стою, притаившись у стены. Псы не утихают, а не видно, что их тревожит. Чем больше вглядываешься, тем хуже видишь. Дав отдых глазам, вновь всматриваюсь в неясные очертания. В сумерках мерещатся силуэты серых хищников, блуждающих на прогалине.

Приглядишься, и уже кажется, что это только неподвижные кусты, пни.

Но вот в темнине кустарников заблестели светлячки — волчьи глаза. Оборачиваюсь к дому, там ярко освещенные окна, — видно, свет включили. Глаза зверей не горят по ночам, как думают многие. Это сосудистая оболочка волчьих глаз отражает блеск падающего на нее света от лампы, костра, фонаря или даже от зажженной спички...

Псы не затихали, но вели себя по-разному. Одни, спрятавшись, лаяли с тоскливым подскуливанием и умолкали. Глухо звучали их голоса. Другие — громко и сердито взбредивали, бегали встревоженно по улицам.

Возвращаюсь к ночлегу...

Утром, чуть свет, иду к бане. В кустах за нею всё исхожено, всюду переплетаются четко вдавленные в снег звериные следы. Они обозначаются резче и крупнее собачьих. У дворняги пальцы мягких лап распушены, когти чуть касаются земли, отпечаток следа расплывчатый. А на волчьей ступне жесткие подушечки, пальцы плотно сжаты и опираются на сильные когти.

Ночью, учуяв меня и боясь показаться, волки покружили в зарослях, потом скрылись и подошли к деревне с другого ее, подветренного конца. Здесь они вертелись у старого ределя — вешала для сушки гороха.

Приглядываясь к их следам, мысленно восстанавливаю картину ночных походов серых разбойников... У жердины — примятое

место. Тут сидел зверь. Обратив морду к жилью, он ловил запахи и звуки. Рядом другой волчина оставил свои знаки — ямку и укатанный снег. Он порылся, что-то нанюхал и стал валяться. Еще следы — белые бороздки. Этот зверь скреб лапами и рыча разбрасывал снежную пыль. Его злил лай собак, — близко, а не достать!

Ого, да тут было с полдюжины волков!.. А это что означает?.. Понятно! Кажется, отсюда началась охота за собаками. Чтобы лучше разобраться, иду медленно...

От вешала к околице тянется стежка продолговатых отпечатков лап волчицы... Вот остановка: хищница настороженно замерла, чутко вслушивалась, будто изучала голоса собак... Из ближайшего двора донесся к ней робкий лай. Такая дворняжка не интересовала зверя: с ней возня, нелегко найти ее, забившуюся куда-нибудь от страха... На соседние задворки выбежала лайка. Притравленный к зверю, пес держится на виду. Ощетинив холку и вытянув хвост, он злобно облаивает ночных бродяг.

Продолжаю осмотр волчьих троп.

К следам волчицы приблизились широкие отпечатки лап — это следы старого волка. Ясно, что звери не зря объединились: они затевали что-то коварное против смельчака, привлечшего их внимание. Кто-то выйдет победителем?..

Старый волк направился к пустырю... Волчица подошла ближе к задворкам. Неистовым лаем встретила ее лайка. Она хоть и знала,

что в одиночку ей не справиться с врагом, но продолжала охранять свой пост.

Волчица безошибочно угадала, с кем имеет дело. Этот пес неробкого десятка. Он скорее бросится в погоню за нею, а не наутек. И она стала обманывать его: отойдет и сядет, отойдет и сядет, заманивая собаку кинуться вдогонку.

Однако на этот раз волчице не помогло притворство. Умный пес отстаивал только границы своего двора. Тут верный сторож чувствовал себя хозяином положения. Затевать же неравный бой за пределами «своих» владений лайка была не намерена и удалявшуюся волчицу провожала взбrehами.

Интересно, куда хищница пыталась увлечь за собой собаку?

Следы волчицы тянулись по пустырю... мимо засады старого волка. Прячась за камнем, он поджидал пса. Но так'и ушли воры «не солоно хлебавши».

Теперь мне осталось выяснить направление хода волков на дневные лежки. В мои расчеты не входило выхаживать каждый след; поступаю проще: перехватываю волчьи тропы у речки. Звери сошлись на берегу и гуськом пробирались к лесу. Не углубляясь в лес, чтобы не пугать серых, полным кругом на лыжах обрезаю еловый остров, но нигде не встречаю и не пересекаю звериного следа. Значит, волки залегли в этом острове.

Рассказываю всё по порядку Василию Петровичу. Мое сообщение пришлось ему по душе.

Отправились на волков втроем: с нами пошел еще Володя-счетовод, тоже охотник. Кроме ружей, за плечами у нас катушки с флажками для оклада зверей...

Скоро запорошенный ельник с темнеющей из снега хвоей мы опоясали кумачовыми лоскутами, огнем горевшими на белом лапчатнике.

Так, по кругу моей утренней лыжни, возникло яркое красное кольцо. Звери оказались замкнутыми в нем. Только, к великому нашему огорчению, не все. Пока мы с Петровичем, идя навстречу друг другу, разматывали с катушек флажки и развешивали их, готовясь вот-вот соединить концы шнуров, — в этот момент здесь, как в ворота, и проскочили старые волки. Услышав шорох лыж и заподозрив неладное, они первыми скрылись.

Оставшиеся в окладе молодые звери заматались; куда ни сунутся, всюду натыкаются на пахнувшие человеком цветные лоскуты. Страшно к ним приближаться! В поисках выхода четыре хищника вразброд ходили по кругу. Тут мы и взяли их всех. С тремя справились быстро, а четвертый никак не выходил на затаившихся стрелков. Оказалось, он крадучись плелся за Володи́ей, который был у нас загонщиком. Этим приемом зверь не выдавал себя. Володя без конца шел по следу, но не мог выгнать зверя на нас с Петровичем. Всё-таки наш друг догадался: вернулся на свою лыжню и стал за деревом. Волк сам на него и напоролся.

Мы не успокоились. Скоро вновь выследили пару удравших от нас «матерых» — старых волков. Но при затягивании круга самец опять скрылся. Дело было к вечеру, мы не успели закончить охоту. В надежде, что обложенная волчица за ночь никуда не денется, мы ушли.

Утром приходим, в окладе... пусто.

И на этот раз следы раскрыли нам тайну ночного леса...

В лунном свете голубеет снег. На просеку выплывает тень — волк показывается из чащи, тихо идет к флажкам. Сел. Уставился мордой вверх, будто на луну загляделся. И вот, гудит в глуши ельника, далеко уносясь, призывный вой.

Заслышав звериную «музыку», робкий заяц бросает глодать кору осинки и затаивается. Лисица, забыв о мышах, проворно убегает. Усиленно прядет ушами лось. Лютый хищник всем насолил.

Вдруг волк прижал уши, даже хвостом вильнул, — за линией флажков появилась волчица. Матерый завертелся, как бы вызывая ее, но она боится пересечь разделяющую их черту. Сели волки один против другого, вроде совещаются. Потом самец — видно, он бывал уже в переделках! — пролез под шнуром, обнюхался с волчицей и повернул обратно. Волчица — за ним. Трусливо сжимаясь, она вслед за своим «проводником» нырнула под флажки...

Всё это мы легко представили себе, когда шаг за шагом распутывали ночные следы.

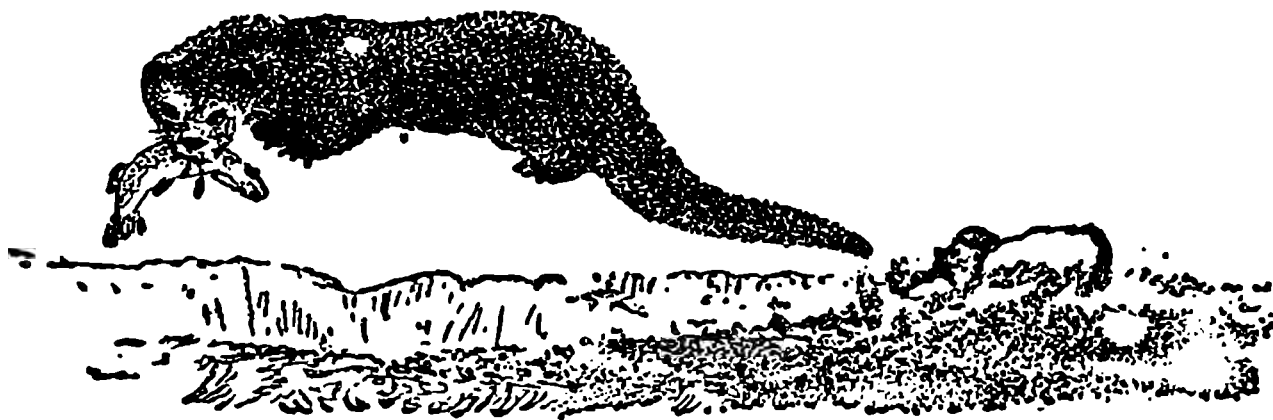
В сердцах дядя Вася ругнулся и даже сплюнул от расстройства.

Прощаясь со мной, он сказал:

— Никак нам нельзя оставить эту пару — опять расплодятся, ущерб будет колхозному стаду... Вот что! Я выброшу за рекой приваду-прикормку для них. Волки о ней разнюхают и повадятся сюда таскаться. Оглянутся и, в конце концов, не вытерпят — «голод не тетка» — начнут теребить приманку. Как замечу, что они осмелели, сообщу тебе, ты и приезжай сразу. Устроим охоту на заседках.

На том и расстались мы до скорой встречи.

ВОТ ТАК РЫБА!

Возвращаясь из лесу, с ружьем за плечами иду вдоль речки. У моста по заваленному снегом берегу поднимается знакомый юноша Володя, — тянет саночки. Обычно веселый балагур, сейчас он взволнован — шапка на затылке, ватник нараспашку и лоб мокрый. Кричит мне:

— Погодите, пожалуйста! Знаете, что я видел?

Вышли мы на дорогу, мой попутчик и рассказывает:

— Только что я сидел посреди реки на санках, удил... Удивляетесь? Очень просто: прорубил я лед, сел с удочкой в руках на санки — не на голом же льду себя морозить! — окунул в лунку медную блесну с якорьком, подергиваю леску и жду. Приманка у меня яркая, на рыбку похожая, здорово заметна в прозрачной воде, а клева нет. Не берут хищные рыбы эту «добычу», да и только!

Прошлый раз удалось порядочно наловить здесь окуней, а сейчас хоть бы что. «Придется долбить новые лунки», — размышляю. В этот момент как дернет блесну! Ну и клюнуло! Едва я удержал удильник в руках. Не бывало еще на зимней рыбалке такой хватки. Надо думать, огромная рыба попалась... Тяну ее к себе, а она рвется не в глубину, а к берегу, туда, где лед висит над водой и где под ним пустота образовалась. Подтягиваю рыбу и... глазам не верю, даже попятился: выглянула из лунки усатая морда с вытаращенными глазами! Как заверешит зверь, рванулсЯ с силой и сошел с крючка. Вот так «рыба»!.. Как вы думаете, это кто был? — любопытствует Володя.

— Это выдра, — отвечаю. — Она приняла блесну за рыбу. Теперь, наверно, забилась под берег и, ошалелая, с испуга отдышаться не может.

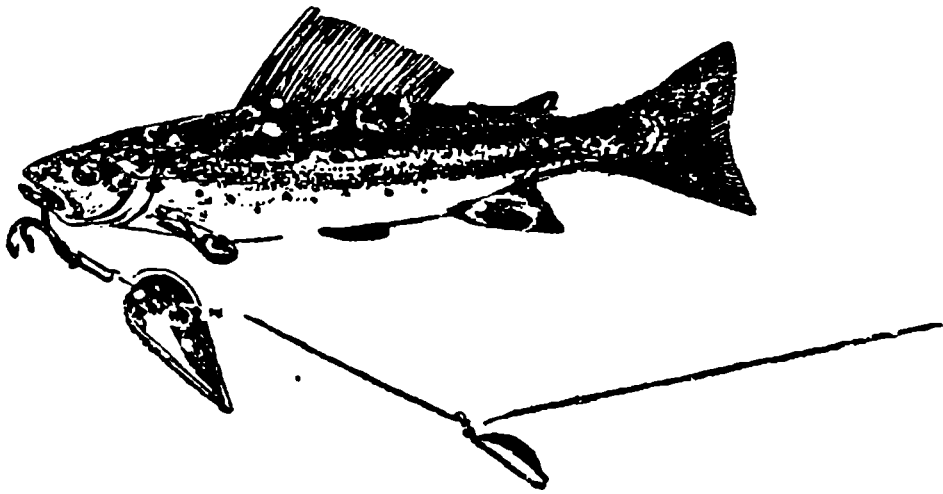
И вспомнилось, как летом мне удалось заметить выдру в здешней речке. Ну и мастер выдра нырять и плавать по-любому — и боком и на спине! Просто неуловима в воде; недаром у нее перепончатые лапы и хвост рулем, а сама коротконогая. Ни одна рыба не уйдет от ее погони.

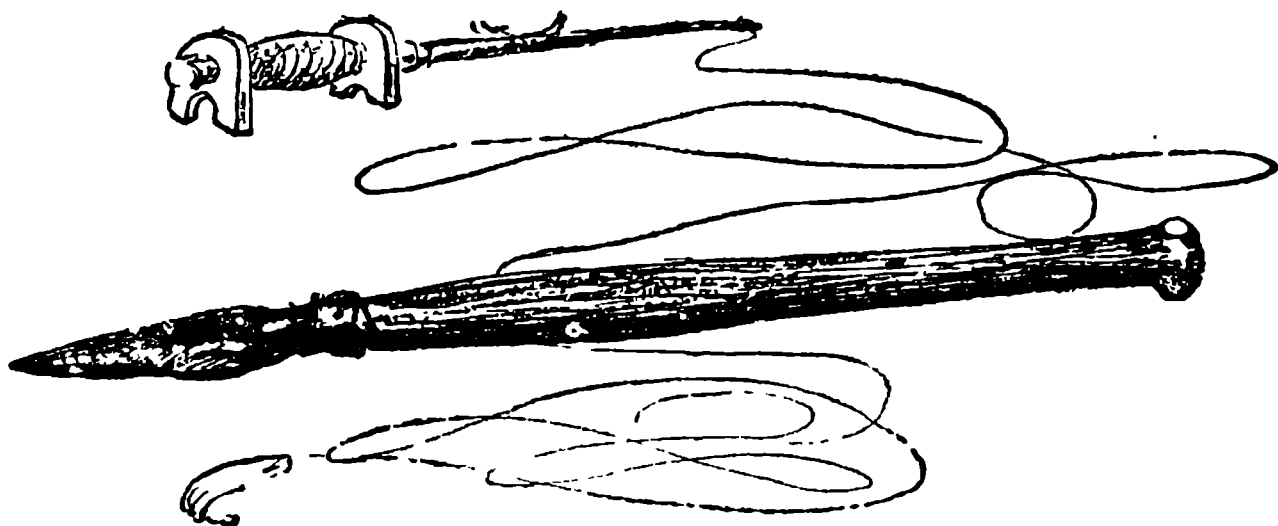
Запасшись воздухом, выдра больше двух минут носится под водой и видит там так же хорошо, как на земле. На суше ловкость ее движений пропадает.

А недавно мне пришлось видеть невдалеке отсюда выдру. Очевидно, одна и та же. Как бросится от меня наутек! Тяжеловатым ходом

поскакала, догнать можно было. Подбежала к снежному откосу берега, пала на брюхо и, как на салазках, лихо покатила к полынье. Только я ее и видел...

На перекрестке мы простились. Володя направился в поселок, а я повернул к станции.

НА ЛЬДУ

В воздухе кружатся и оседают на перилах моста снежинки. Из окна автобуса открываются занесенные снегом просторы Невы. На белом их фоне, близ Петропавловской крепости, видны люди по льду, только не разберешь, чем они заняты. Одни суетятся, будто ломом долбят. Другие — на корточки присели.

— Видно, глубину промеряют, — говорит кто-то из пассажиров.

— А для чего бы им зимой промерять? Скорее всего, идет разбивка мест для колки льда! — знающе вставляет сосед по скамейке.

— Ну, положим, до заготовки льда еще далеко.

— Так что же тогда, по-вашему, они делают?

Неожиданно ответил тот, кого не спрашивали.

Малыш, прикинувшись к окну, на миг оторвался от него и сказал:

— Рыбу ловят, вот что! — и опять прильнул к стеклу.

— Вот так здорово! Как же это можно, ведь лед! Взглянуть бы на этих чудаков, где там они?

Но... автобус уже промчался с моста, и каменные громады домов заслонили Неву.

Паренек был прав: на тиховодье, вблизи берега, действительно удят.

Рыболовы-любители ни за что не упустят случая провести свой досуг на зимней ловле. Уж они знают рыбы места. Пробьют здесь пешней два-три отверстия во льду, очистят их черпачком от осколков и, поставив складной стульчик или санки, присаживаются с удочкой над лунками.

Обратившая на себя внимание пассажиров группа «чудаков» ловит сейчас на поплавочные удочки. Удилища их — как игрушечные, чуть длиннее карандаша, — в карман упрячешь. Это можжевельные или бамбуковые пруты, вставленные в рукоятку. С таких удильников свисают в лунку жилковые лески. На них крючки с червяками или «мотылем» — личинкой комара-долгоножки. Приманка опускается в полумрак придонных вод.

Зимний клев рыбы не такой, как летом: поклевка теперь вялая. Чуть качнется или погрузится поплавок, и подсекай.

Возле лунок народ всё «свой», с полуслова понимающий друг друга.

Проворно действует краснощекий, кругло-

лицый Иван Никитич — управхоз, а не справиться ему с тремя удочками. Спасибо, болельщик усердный попался — выручает, а то совсем бы затерло. Рыба хорошо «берет». Успевай только подсечь и вынуть то плотицу, то окуня или ерша.

Кто-то советует Ивану Никитичу перчатки надеть, — холодно, мол! А ему в спешке некогда.

— Ничего, — говорит он жизнерадостно, — мы привыкли. На фронте руки не мерзли, а тут и подавно.

Да и то сказать, неспособно в перчатках. Как ты его, червяка, на крючок посадишь, ежели он туда-сюда вьется? А от ершиных колючек и перчатки не спасут, — всё равно, паршивец, уколёт.

Какие там еще перчатки! Иван Никитич после работы только перекусить успел и сразу сюда. Явился в ботинках, брюки навывпуск. Не до переодевания: когда ходко клюет, дорогá каждая минута...

Тут и Вячеслав Анатольевич — механик завода, рослый и солидный человек. Он любит всякое дело рационализировать; вот и сейчас советует друзьям-рыболовам оббивать острые края лунок, чтобы они не резали лесок.

Возле Вячеслава Анатольевича уже порядочная кучка красноперых окуней. Снимая с крючка очередную добычу, он нет-нет да и покосит любопытствующим оком в сторону соседа: Вячеслав Анатольевич доволен, когда всем «везет», а не только ему.

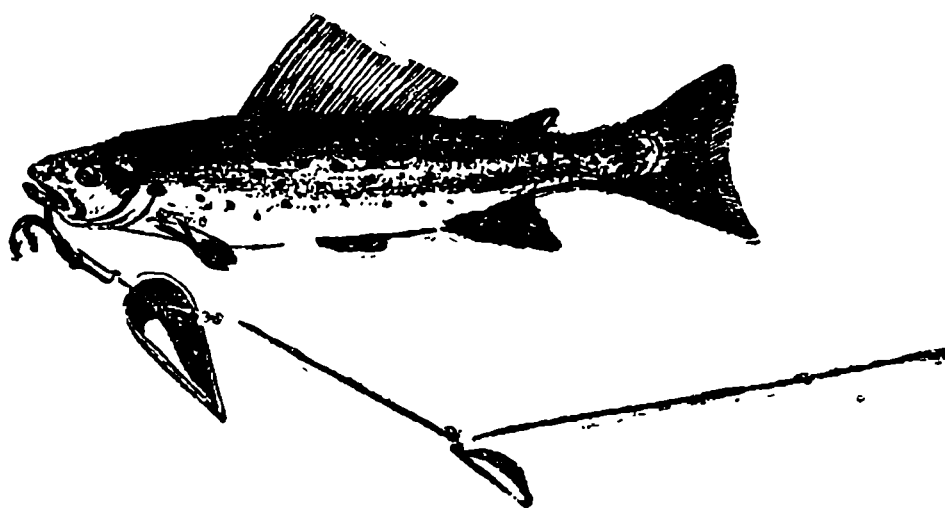
Рядом, в валенках, сидит рыжеватый, с сухим лицом, Василий Иванович. Он — артист. Ему надо беречь ноги, ведь он танцор. Это тоже дельный рыболов. Не торопясь, выуживая рыбку за рыбкой, он между делом и любезность окажет управхозу своим инвентарем, одолжив ему пешню (Ивану Никитичу хочется еще одну луночку продолбить), и обстоятельно побеседует о ближайших перспективах лова... Скоро пойдет крупная рыба... Тут такие головы попадались, что и в лунку не втащишь!..

В подлёдных глубинах рыбы теперь ведут себя не так, как бывало в теплое время. Они собираются стаями на своих зимних стойбищах в ямах, омутах — в водах проточных, но с тихим течением. Сом, сазан, карп — впадают в спячку. Линь и карась для этого даже в ил зарываются. Но щуки, окуни, судаки, головы, язи, леши, хариусы, форели хоть и становятся вялыми и медлительными, однако непрочь схватить приманку. Только налим чувствует себя «как рыба в воде», — стужа его стихия. В самые лютые морозы он выметал икру и блуждает, охотясь за плотвой, пескарями.

На зимних ловлях рыболовы применяют разные снасти. Опускают под лед подпуски, наживленные червяками или мелкой рыбешкой. В лунках и прорубях ставят жерлицы с живцами. Это на крупных рыб. А то занимаются «блеснением». Опускают под лед металлическую блесну — искусственную рыбку, и «играют» ею. «Рыбка» поблескивает

отполированными боками и соблазняет зубастую щуку или большеголового окуня.

Но от рыболова требуется сноровка и осторожность при переходах по льду, особенно в незнакомых озерах, реках или когда после оттепелей лед непрочен. Опытный рыболов в таких случаях ни одного шага не ступит, не проверив лед простукиванием вокруг себя пешней, не приблизится он и к полынье, запырошенной снегом и затянутой тонким льдом.

ЛИСА

До чего смысленный зверь лисица, просто изумляешься порой! И смелая. Иногда и в голову не придет, что́ она может выкинуть.

В осеннее время идем лесной дорожкой. Закрутив бубликом хвост, рядом трусит наша дворняжка. Скорее по привычке, чем от жары, собачонка свесила язык набок. Вдруг, пересекая наш путь, выскочил русак, оторопел было, но поскакал, не изменяя взятого направления. Пес просто опешил от неожиданности, облизнулся и, кляцнув зубами, закрыл рот. Мы удивились, что заяц не бросился в сторону от нас. Но... вслед за ним выбежала лиса. Она на миг замедлила свой бег, чтобы обогнуть людей. Тут уж дворняжка не выдержала: захлебываясь в злобном лае, яростно кинулась преследовать лису. Хитрая кумушка сразу узнала, с кем имеет дело. Это

от гончих надо со всех ног наутек кидаться, а потом ловчить, сейчас же можно проще отделаться от назойливой спутницы, — лиса прыгнула через куст и, будто скрываясь в канавке, взмахнула пышным хвостом... Обманщица уже полянкой бежала, а пес, не поняв подвоха, упорно шарил в канаве, недоумевая, куда девался зверь.

Разбирается лиса и в том, какой крик издает воронье — тревожный или призывный, на добычу. Ловко найдет она тетеревов, заночевавших под мягким снежным покровом, и бесшумно подкрадется к их лункам. Пыля снегом, перед самой мордой лисы вылетит черныш, и она не промахнется, живо накроет его.

Несколько лет тому назад был такой случай. Из зоолсгического сада в центре города убежали в зимнюю ночь две лисицы: песочно-серая караганка — мастерица раскапывать норы грызунов в пустынных степях — и ржаво-рыжая — охотник лесов и полей. Проследили их по снегу. Караганка пробралась по льду широкой Невы на другой берег, поплутала между домов и застряла во дворе Русского музея, спрятавшись в поленницах дров. Лесной зверь поступил иначе: выйдя на реку, он не ошибся, ушел вверх по течению — в леса, а не направился вниз — к морю.

...Вышли мы как-то с лесником из лесной караулки и идем поляной к речке. Случайно оглянувшись, лесник говорит шёпотом:

— Лиса!

— Где?

Гляжу в указанном мне направлении. Вижу, шагах в двадцати от тропки рыжеет лоскут, едва заметный среди пожухлой травки. Мой спутник хлопает в ладоши.

Поняв, что обнаружена, взметнулась красная лисица и легко помчалась к кустарникам.

Так и жила лиса по соседству с лесником.

Однажды зимой, приехав к леснику, я заметил лисьи следы, шедшие вдоль моей лыжни. Лиса не из простого любопытства интересовалась лыжней, — зверя страшил свежий след человека. Лисица спешила куда-то, а тут ей вдруг путь преграждают! Осторожнейшая из зверей, лиса несколько раз уклонялась в сторону, пытаясь обойти лыжню, но, возвращаясь, она неизменно натыкалась на то же «препятствие». В конце концов, боясь перейти лыжню, лиса применила «хитрость»: прыгнула через «загадочный» след.

В одном только случае лиса утрачивает свою обычную осторожность, — это при ловле мышей и полевок.

Рано утром надеваю белый халат, обматываю шапку белым полотенцем, беру ружье — и в поле. Внимательно осматриваю снежную равнину. Ничего не замечаю. Иду дальше. Выглядываю из-за холмика и вижу: невдалеке краснеет на белом поле лисица.

Видно, услышала мышиный шорох: приостановилась, дернула хвостом вверх, вытянулась и замерла, как легавая на стойке. Потом скакнула и быстро-быстро начала разрывать снег.

Залегаю под холмиком. Вынимаю манок, издаю мышиный писк.

Лиса мгновенно встрепелась. Слух у нее замечательно тонкий, сразу угадала, где пискнула «мышь», и рысцой затрусил ко мне. Затаившись, не шелохнусь. Надо молчать: повторишь писк — и лиса может разгадать обман.

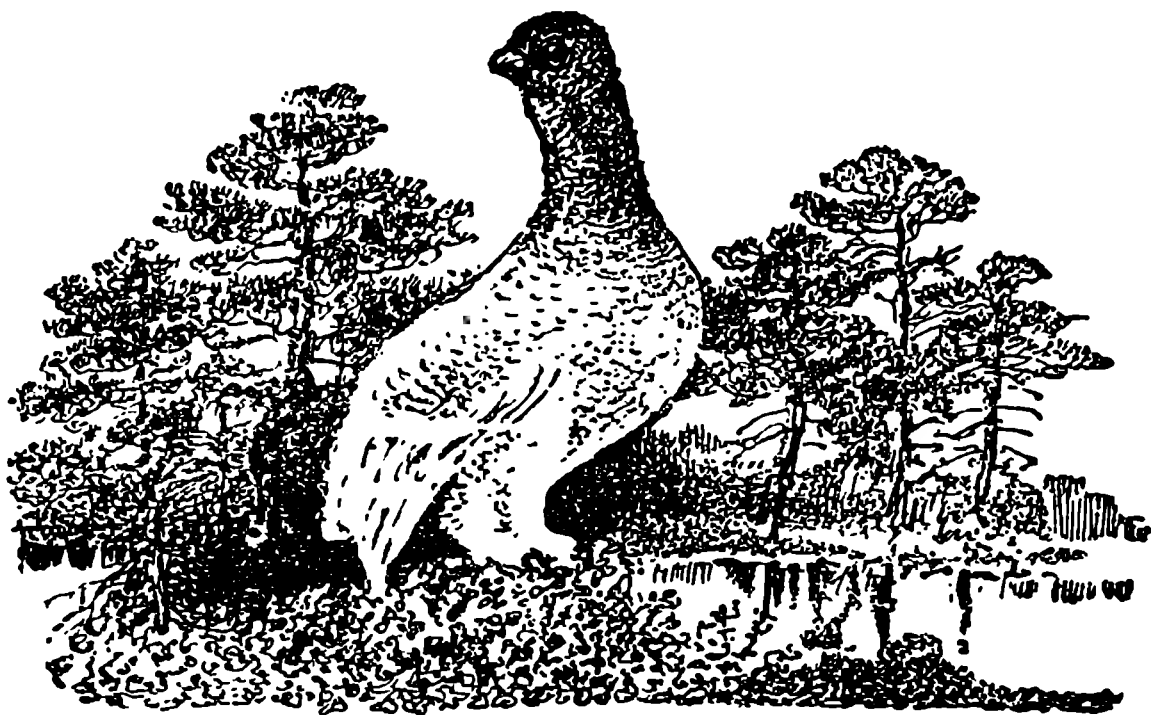
Лежу, растянувшись за укрытием. А случится, что лежишь бугорком, и зоркий лисий глаз сразу приметит необычное возвышение, хоть и белое. Свернет лиса в сторону и начнет кружить под ветром, проверяя носом...

Шагов на семьдесят доверчиво подбежал зверь. Ружье у меня с резким и дальним боем, заряженное крупной дробью — нолевкой.

Стреляю. Взметая снег, лисица завертелась на месте, сделала последний прыжок и упала.

Хорошая добыча!

„ЗАЯЧЬЯ ЛАПКА“

В предрассветные зори, в пору ранней весны, когда снега еще не сошли с лесных мшарин, в глубине леса раздается барабанная дробь: «Бак, бак ба-ба-ба-ба!».

Оторопь возьмет неопытного охотника.

А это, распутив веером хвост и волоча крылья, белый куропад токует. Рдеют на голове у петушка бугорки красных бровей, с боевым кличем перебегаёт он от кочки к кочке.

Вот, с барабанным боем, козырем проплывает по болоту ещё один. И вдруг, в увлечении, бежит прогонять соседа. На ходу он взлетает и, мелькая белизной крыльев, выкрикивает: «Ско-р-р-ро зорька! Ха-хаха!».

Опустившись на бугорок и заметив, что соперник сам мчится к нему, петух громко спрашивает: «Кудаа-вы? Кудаа-вы?».

Так и носятся по родному болоту задорные куропахи.

Случается, расходившийся «барабанщик» в азарте врывается на соседний тетеревиный ток. С вызывающим гоготаньем, бегом и перепархивая, проносится он среди чинно булькающих, уткнувшихся в прошлогоднюю траву чернышей. Встрепенувшись, грозным шипеньем отзовутся куропаху возмущенные полевики. Они готовы потрепать непрошенного гостя. Но уже умчался храбрец на призыв куропатки, и издали доносится его победное «куау, куау»...

Куропач верен своей подружке и в паре с ней строго придерживается своего «семейного» участка. Отсюда он изгоняет соперников, и селиться они могут только в незанятых еще уголках болота.

Бережно охраняет самец высиживающую яйца куропатку. Пока она сидит на гнезде, он — начеку. Если грозит опасность, петушок со своего сторожевого поста — с какой-нибудь кочки — подает сигнал тревоги, а сам старается обмануть врага, отводя его в сторону от гнезда.

Так же заботлив самец и при выводке.

Засуетилась собака, принюхиваясь к какому-то запахам. Неожиданно с тревожным криком падает перед ней рыжий куропах. Он бежит, мелькая по мшаге красной головкой,

всё дальше и дальше увлекает за собой легавую и... улетает.

Обескураженный пес возвращается назад, вновь проверяет следы и «ведет» теперь по выводку. Воспользовавшись вначале ошибкой собаки, куропатка, прижимаясь к земле, пробовала скрытно увести молодняк.

С резким шумом весь выводок сразу взлетает вблизи, вместе с очутившимся уже здесь... петушком. Пролетев по прямой, птицы перед посадкой делают широкий полукруг, взмывают и быстро западают на месте. И тут уж так крепко лежат, что поднимаются лишь из-под самого носа легавой.

С первых дней своей жизни птенцы подбирают насекомых, копошатся в траве, но скоро родители переводят их на лесные и болотные ягоды: чернику, голубику, морошку. Осенью, по зорям, выводки иногда вылетают на жнивье, на молодые озими. Зимой куропатки питаются стеблями черничника, почками осинника, а при нужде довольствуются тонкими веточками и побегами.

Обычное место обитания белой куропатки — влажное моховое болото с «окнами» воды, с сосновыми гривками, островками душистого багульника, с голубикой. Любят они укрываться и в таких местах, где мшага примыкает к опушке сосняка или чернолесья.

К ноябрю выводки сбиваются в табуны. В предутренние сумерки они выбираются и на поля, перепархивают с места на место.

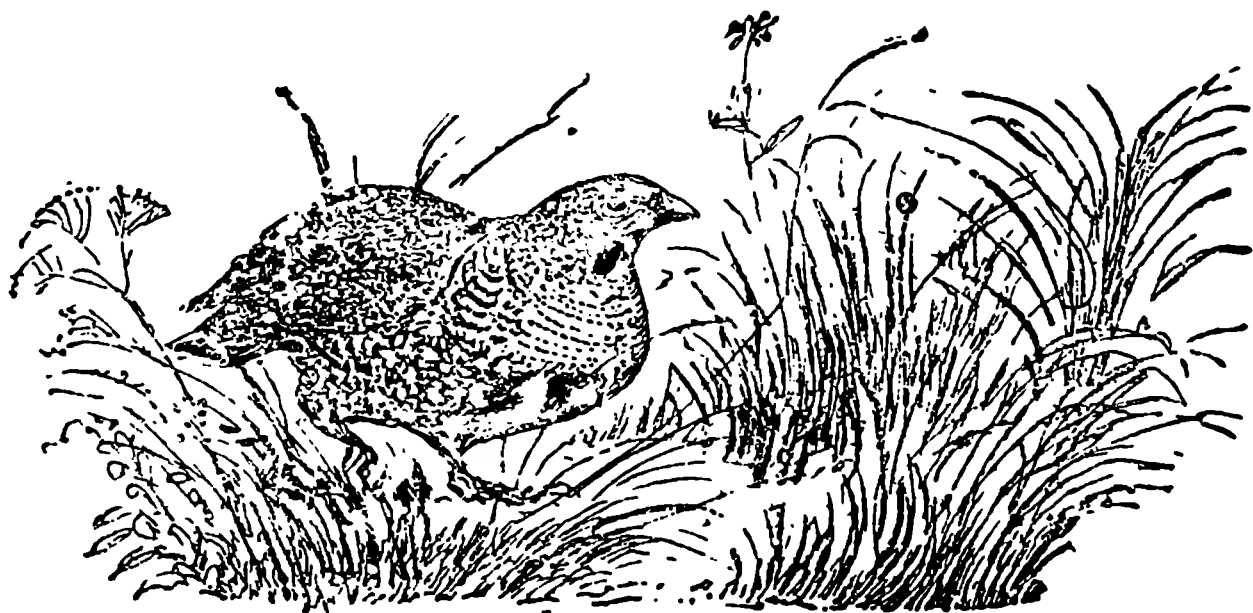
На каждый сезон у белых куропаток есть

особый наряд, и всегда под стать окружающей природе. Поищите-ка их!

Весной, когда среди снега уже краснеет болотный мох, крылья у куропатки белые, а голова и шея — рыжие. Взглянув мимоходом, не угадаешь, что это птица, скорее примешь за снежное пятно с проглянувшим из него пучком мха. Сойдет снег, и куропатка становится ржаво-бурой, неотличимой от мшарин. А уж зимой голубовато-белоснежных куропаток и совсем трудно наглядеть, даже темный клюв и черная каемка их хвоста в глаза не бросаются. К зиме у них ноги с пальцами и ступнями густо зарастают перьями, а когти делаются плоскими, длинными и загнутыми в стороны, так что птицам легко и удобно бегать по глубокому и рыхлому снегу.

В такое время лапа белой куропатки, вся опушенная перышками, как мехом, похожа на заячью, и самую птицу иногда называют «заячьей лапкой».

Вот такая это снежная птица! Снег — ее стихия. С ним связана вся ее зимняя жизнь: защита от врагов, кочевки, отыскивание ягод и съедобных растений. Разыскивая корм, белые куропатки шныряют под снегом, прорывая там длинные ходы. Тетерев с лёту ныряет в снег, а куропатка закапывается в него; только спасаясь от разбойника-ястреба, она с броска исчезает в мягком сугробе.

СЕРАЯ КУРОПАТКА

Резвая эта полевая птица. Даже на кормежке она то и дело бойко перебегает или перепархивает с места на место.

Многие, наверное, наблюдали взлет — с толчка вверх — из-под стойки легавой табунка сереньких в темных пятнышках куропаток...

На кругах обыскивает жнивье собака. Причуивая запах дичи, пес на быстром ходу вдруг осел в некоси близ овражка у полуосыпавшихся кустарников. Не успел приблизиться охотник, как с треском дружно сорвалась стайка серых куропаток и, чирликая, веером пронеслась напрямик. Птицы с трудно уловимой для глаза частотой машут

в стремительном полете дребезжащими крыльями. Развив скорость, они перед посадкой скользят без единого движения выпуклых крыльев и опускаются.

Даже видно, что недалеко сели. Но попробуйте-ка найти их в траве! Собака то хватывает, то не улавливает их запах. Охотник диву дается: что же случилось с чутистой легавой, ни с того ни с сего сплеховала...

Но удивляться здесь нечему: молодой пес почти всегда в таких случаях теряется. Куропатки будто обманывают его: бегут и перепархивают, бегут и перепархивают — прерывают свой след. Тут никакое чутье не поможет. Разве что попадется опытная легавая, — та широким и скорым поиском вновь перехватит их след.

Следишь порой за направлением полета спугнутой стайки, видишь — держат путь к горюшке... Ага, возле нее сразу снизились, — значит, там и сели! Ищешь, ищешь — пусто.

А куропатки «схитрили»: достигнув бугорка, юркнули в овражек и, обогнув возвышенность, опустились за ней. Чтобы лучше скрыться, огибают они и встречный лесной островок. Если же попадается узкая полоска леса, птицы минуют ее, взмыв вверх.

Но вот удалось повторно согнать куропаток и стрелять по ним. Теперь они в страхе разлетаются по одиночке и западают где попало: в жнивье, огороде, на пожнях, в болоте, на опушке чернолесья или хвойника.

Мелькнет ястреб, и стайка сереньких птиц, спасаясь от его погони, в панике

устремляется кто куда, и, спрятавшись, долго лежат они, боясь выдать себя. Успокоившись, птицы подают голос и сбегаются в кучу.

Осенними зорями далеко разносится по полям, зарослям кустарников, бурьянам звонкое чирликанье. Это выводки куропаток скликаются и подлетают или бегут один к другому. Так они соединяются к зиме в большие стаи. Разыскивая корм — зёрна, семена сорняков, молодую поросль травы, — они нередко кочуют из района в район.

Никакие иные птицы так не привязаны к полям, как серые куропатки. Приземистые, они собирают только опавшие зёрна и не вредят хлебам на корню. Доверчивые птицы встречаются возле самых селений по соседству с жильем, и размножаются они под покровительством человека. Вслед за вырубками леса эта прекрасная и плодовитая дичь постепенно продвигается всё дальше и дальше на север и легко приживается на новых местах, но боится суровых и многоснежных зим.

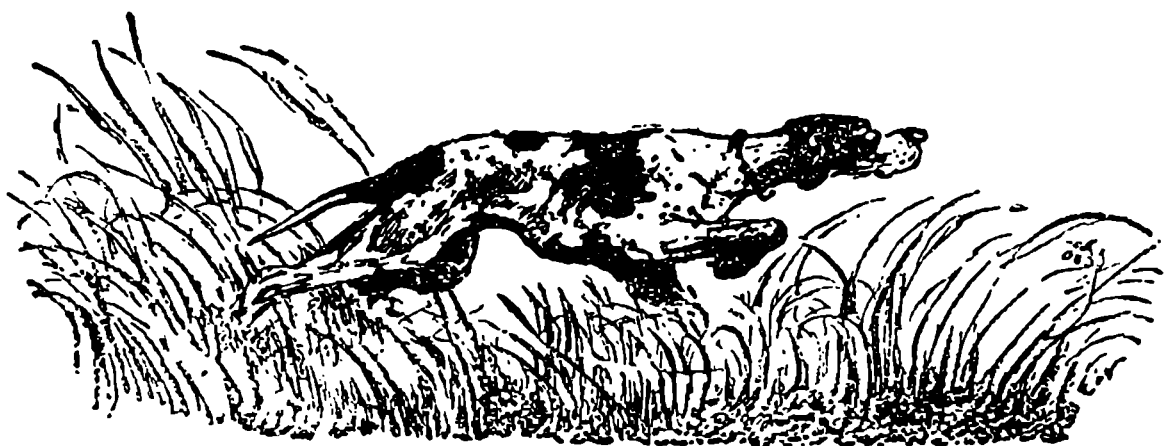
Снежную толщу, особенно с крепкой, непроницаемой коркой, — не разрыть птицам. Вот куропатки и «стучатся» за помощью к человеку — летят к гумнам, сараям, сенникам, огородам, задворкам. Тут уж все (а охотники и юные натуралисты — в особенности) должны брать их под свою защиту и подкармливать голодных птиц. Да и нужно-то им не много: отходы от провеянного зерна вперемешку с мякиной, семена сорных трав, сенная труха. Птицы скоро привыкают к местам прикормки, и следует

поберечь их от хищников, которые появятся там вслед за куропатками.

Весной, когда жаворонки зажурчат над проталинами полей, отовсюду послышатся на заре и звучные возгласы куропачей: «Чирлик!».

В такое время серые куропатки разбиваются на пары, и каждая из них выведет до двадцати цыплят.

ТЕТЕРЕВ-ПОЛЕВИК

На заре летнего утра, в сопровождении старого пойнтера Ярла, сворачиваю с лесной тропинки на пустошь. По росистой траве хорошо видны следы свежих набродов. Это тетеревиный выводок прошел к боровине, — там сейчас суше.

Причуивая в утренней прохладе дичь, Ярл семенит рядом и выразительно смотрит мне в лицо. Пущенный в поиск, он с ходу ловит в воздухе запах птиц и уверенно тянет к ним. Неподвижно застыв на вересковом пригорке, умный пес медленно поводит носом, как бы отмечая места, где крепко лежат разбежавшиеся тетеревята.

С квохтаньем подлетает старка и бьется вблизи, словно подраненная. Но ей не удастся обмануть нас и отвести от выводка. Собака заставляет тетеревят взлететь. Выцеливаю

петушков, — они отличаются от сереньких тетёрок черными пятнами на спине.

Быстро идет время на охоте. Незаметно наступает жара: тетерева перебрались в чащу. В кустах бегают Ярл, мне его видно: пегий окрас хорошо заметен в зелени.

Мой пес ищет не только «вёрхом», но и по следам. Сейчас, при полном затишье, это очень важно.

Радует меня Ярл своим замечательным умением. Надеюсь на его опыт, даю ему полную свободу. И он не подводит: скроется в зарослях, найдет выводок и станет. Повернет голову — нет хозяина! Крадучись, пес отступает. Разыщет меня и всем своим поведением как бы говорит: «Нашел — пойдём!». Даже носом ткнет в руку, чтоб понятней стало. Осторожно ведя к дичи, не раз оглянется: дескать, соблюдай тишину.

О таких легавых говорят: «Собака с рапортом».

Ярл очень облегчает охоту в чашобах, где невозможно уследить за его ходом и еще труднее искать пса, замершего на стойке.

Вот и теперь: привел меня пойнтер в частый березняк, сделал стойку и оглянулся: «Готово, мол!».

— Молодец! — тихонько хвалю его. — Ну, подавай!

То там, то здесь на миг показываются в просветах чащи взлетающие тетеревята, и я успеваю стрелять по ним из легкого, с короткими стволами ружья.

Лучшая пора охоты по тетеревам — в

сентябре. Броди тогда с легавой хоть с утра до вечера. В осенний погожий день и собаке легче искать, не то что летом...

Размашисто скачет против ветра Ярл. Проверяя птичьи следы, на быстром ходу часто опускает голову к земле. А кругом сочная брусника, — так и просится в рот. Полакомиться бы!.. Но Ярл уже затормозил бег и сразу преобразился: с отчеканившимися мускулами плавно потянул и стал.

Инстинкт первобытной собаки — бросаться на дичь, давить, рвать ее — люди умело изменили: облагороженное влиянием человека животное, вместо броска, замирает в напряженной стойке. Статно вытянулся пойнтер с высоко поднятой головой и загоревшимися глазами. Вразброд кормившиеся птицы прижались к земле.

Тонким чутьем пес различает, что перед ним сама птица, а не ее «сидка» — уже покинутое место.

Волнуешься, а надо спокойно послать собаку поднять выводок на крыло. Курки взведены...

— Вперед!

Послушный Ярл, как по струнке, повел к дичи. Словно зачарованный, ждешь: вот-вот взлет, вот-вот... «Прррр-фррр!» Загрохотала проворная стайка тетеревов и понеслась к кустам. Псйнтер повернул голову вправо, сделал несколько шагов и вновь стал. Не подпуская к себе, как это было летом, очень близко, по-одиночке вылетали запоздавшие птицы — увесистые молодые косачи. У них

уже и косицы на хвосте отросли... Одно удовольствие класть их в сетку...

Хороша охота по этой дичи не только в летне-осенний сезон, но и весной, и зимой. Много у нас тетеревов. Водятся они повсюду и открыто, не то, что таежная птица рябчик.

Кто не знает краснобрового «черныша» с синевато-металлическим блеском оперения, с лирой на длинном хвосте, с белизной подхвостья и зеркальцем на крыльях? Всем известна и его серенькая подруга — тетёра. В глуши лесов редко встретишь тетерева, — это не глухарь. Но там, где появились выруб-ки или зарастающие гари, найдешь и «поле-вика». Тетерев не боится близости жилья. Наоборот, любитель перелесков, опушек, он охотно вылетает и на поля. Особенно осенью.

В тусклый октябрьский день подходишь к овсяному жнивью, и порой глазам не веришь. Как сборище грачей, бродит здесь огромная стая чернышей, — и откуда их столько взялось?

Это окрестные выводки полевиков сбились в стадо и кочуют теперь невдалеке от своих родных угодий, выбирая места, где посытнее живется. Обычно косачи держатся отдельной компанией, но они не избегают общества тетёр; встречаются и смешанные стаи...

Но вот занесло снегом поля, побелело кругом. Куда же переместились полевики? Ведь зерен им сейчас не найти.

В такое время, по утрам и вечерам, темными шарами висят тетерева на березах, клюют почки, сережки...

Как только станет светлеть и прибывать февральский день, косачи окажутся вблизи своих токовищ.

...Мартовские оттепели делают свое дело. Уже образсвались вокруг деревьев воронки от протаявшего снега. Повеяло весной. Заволновались лирохвостые, их чуфыканье и бормотанье разносится по лесу...

Дымкой закурились апрельские проталины. Березы наполнились сладким соком. И вот уже азартно заиграли черныши по утрам...

Ток найти просто: игру чернышей слышно за километры. Косачи выбирают для этого поляны, опушки, луговины, вырубки, поля с отдельными кустами или деревьями, а то и моховые болота.

Увлекательна весенняя охота. Выследив на болоте токовище, прихожу сюда днем, в отсутствие косачей, и ищу их следы...

Ого, как тут натоптано, и перья валяются! Значит, это центр тока. Здесь и делаю шалаш из сосновых веток, — ведь кругом сосны, и мое сооружение не должно среди них выделяться. Стремясь к тому, чтобы из шалаша по возможности был круговой обстрел, ставлю его возле дерева, — так он будет мало замечен. Для обзора и стрельбы в моем укрытии есть «окна».

Удачный получился у меня шалаш; пожалуй, и сам не сразу обнаружу его, придя сюда ночью.

Назавтра, до рассвета, подмостив еловых лапок, сижу в своем убежище.

В руках у меня ружье с резким боем, заряженное дробью № 4. Лирохвостый весной очень крепок на рану, — перо его плотно и прочно.

Едва намечается восток... Просвистев в темноте крыльями, рядом с шалашом опустился косач и замер в напряженном ожидании — безопасно ли?.. Чуфыкнул... Слышен даже шорох на мху, а где он сидит, не видно, — в мутной мгле всё сливается. Не следует горячиться и стрелять по нему, пока не подлетят и не разыграются другие петухи. Поспешность повредит охоте: мой выстрел прервет призывный клич «токовика» и напугает остальных, и без того настороженных, тетеревов при полёте их к току. Если токовик будет убит в разгаре игры косачей — полбеда, завтра найдется другой старик-черныш, и первым подаст голос. Всё же лучше не трогать запевалу, хотя и не легко держать его всё время в поле зрения.

Немного светлеет, и, несмотря на полумрак, я вижу белое подхвостье старого токовика. Не стреляю. А он знай чуфыкает.

Посвистывая крыльями, один за другим с разных сторон проносятся над шалашом тетерева и опускаются вокруг своего «заводилы».

Солнце еще не показалось, но тетерева видны. Правда, предрассветный полумрак обманчив, но убойные расстояния у меня заранее отмечены вешками. Далеко стрелять не стоит, особенно в зоб или зад птицы —

только зря загубишь прекрасную дичь: под-ранка не найдешь, уйдет далеко...

Выцеливая ближайшего петуха, плавно нажимаю гашетку... Выстрел! Черныш забился и застыл. Хочется мне полюбоваться сбитым красавцем петухом, но терпеливо сижу. Нельзя выходить из шалаша до окончания тока. Увидев человека, тетерева потом и близко не подлетят к этому месту или совсем покинут старое токовище.

После выстрела на току воцарилась тишина. Подняв головы, косачи застыли в неподвижности, готовые мгновенно слететь.

Жду, пока успокоятся полевики. Пусть снова затокут, иначе при повторной стрельбе испуганные птицы разлетятся.

Наконец, нарушив безмолвие, чуфыкнул один из чернышей, и опять тишина. Но вот затоковали. Вновь нарастает гул от бормотания и чуфыканья косачей и квохтанья тетёр.

Один из петухов перед самым шалашом красуется. Рдеют у него разбухшие брови, крылья опущены, лира хвоста раскрыта веером и слегка загибается, сверкая пышным белым подбоем. Утолщенная шея вытянута вперед, клюв смотрит вниз. Из-за длинной шеи и чуть пригнутого к спине хвоста туловище петуха кажется коротким, кургузым.

Наклонив голову, льет в самозабвении черныш нежное бульканье в честь скромных сереньких тетёр. Рывком подпрыгнув, издает он задорно вызывающее «чу-фы, ччуффышш», — это соперникам: «Здесь, мол, я, готов на драку». И стремительно насккивает

на противника. Случается, в жаркой схватке и перья летят.

Но взаимные наскоки косачей не всегда заканчиваются боем. Устремятся петухи навстречу друг другу и, кажется, вот-вот схватятся, но... это только брачная игра. Сблизившись, соперники мирно поворачивают вспять.

Охотники легко подражают чуфыканью тетеревов, но бормотанье передать труднее. Иногда, в начале игры, у петуха получаются воркующие звуки, вроде «рру-рру-рру». Разыгравшись, он бормочет что-то похожее на слова, произносимые скороговоркой и с закрытым ртом: «отворотповорот».

Во время бормотанья черныши ничего не слышат, но, увлеченные токованием, они ограждают себя от опасности «наблюдателем». Обычно это наиболее сторожкий или не раз пуганный косач. Ему не до игры. Вот и теперь, невдалеке от меня, один тетерев бдительно озирается с верхушки сосны. Чуть заподозрив опасность, он издает тревожное урканье: «Курнав-курнаау», — и мгновенно смолкает шумный ток.

Наблюдательность и зоркость тетеревов изумительны. Занятый игрой, токовик сразу воспринимает беспокойное поведение своих лирохвостых «соседей», тетёр и даже птичек.

Приходилось мне охотиться по токующим косачам-одиночкам и с подхода, но не всегда удачно. Черныш выбирает выгодную (с хорошим обзором) позицию. Только ловкий охотник может подкрасться к зоркому токовику.

Перебегая от дерева к дереву во время тетс-ревиного бормотанья, охотник приближается на выстрел. Смолкнет косач — стой, не шелохнись.

...Отцвела черемуха. Желтыми облачками рассеялась цветочная пыль сосен. Кончились тока. Тетёрка почти неотлучно сидит на гнезде, а черныш в потрепанном оперении забирается в крепи на линьку и отдых. Не выжить его отсюда, пока не наденет он к концу лета новый наряд...

Ждет не дождется охотник августа — открытия летней охоты по выводкам; уже хорошо натаскана по ним и собака. Тут годится любая порода легавых. Важно, чтобы пес был послушным: он должен сразу возвращаться на свисток, хотя бы и со стойки...

Охотясь с легавой, никогда не следует брать весь выводок. Нельзя стрелять и тетёрок. Особенно важно сберечь старку-матку.

Позже, осенью, птицы более сторожки и иногда не выдерживают стойки собаки.

В морозные утренники старые косачи показываются по опушкам на хвойных деревьях, — на березы не сядут, пока не осыплется лист. Осенью черныши повторяют — но не так азартно и без участия самок — токовое бормотанье. Иногда косачи играют на земле. По утрам вслед за старыми петухами вылетают на деревья и выводки молодняка.

Осеннее бормотанье служит как бы сигналом: выводки начинают соединяться в стайки.

К ним пристают одиночные черныши и тетёры.¹

К зиме стайки сбиваются в большие табуны.

После листопада начинается охота с чучелами. Она бывает особенно удачной, когда поля покрываются снегом и полевики в поисках зерна перестают посещать их, а перемещаются в березняки.

На некоторые деревья тетерева садятся охотнее и чаще, чем на другие. Среди такого вот присадистого леса, на пролётном пути птиц — с ночлега на кормежку, и сооружается шалаш. Мудрено заранее узнать, если деревьев много, какие из них понравятся птицам. Трудно сказать, почему среди, казалось бы, совершенно одинаковых деревьев тетерева предпочитают садиться на одни и те же. Во всяком случае, присадистость отдельных сосен, елей, осин, берез определяется после одной-двух охот.

Пролётные пути чернышей на кормежку регулярны, и если найдены, то успех обеспе-

¹ Кстати, чужьяканье и бормотанье нельзя считать исключительно весенним явлением. Косачи молчат только в период линьки, а в другое время старые самцы, наиболее сильные, токуют, и эту игру надо отнести к естественному проявлению их жизненной энергии. Всё зависит, видимо, от погоды. В теплую зиму 1948/49 года, если не было ненастья или сильных ветров, всегда слышался голос черныша. А летом 1949 года игру приходилось слышать в конце июля и в августе. В 1953 году было очень дождливое лето, тетерева забормотали только в сентябре. Следует отметить, что летнее токование было и на заре, а зимою — только после восхода.

чен и без загонщиков. Инстинкт стадности притягивает птиц к чучелам, и они садятся на деревья. Выставив до рассвета чучела, надо подождать восхода солнца и подать голос, чужая с промежутками. Утренний лёт длится часа полтора. Во второй половине дня можно снова посидеть в шалаше. На время перерыва чучела следует снимать.

С загонщиками можно охотиться весь день.

Шалаш пристраивают в березняке или смешанном лесу, по возможности к хвойному дереву, на закрайках, в перелесках, но непременно в таком месте, чтобы выставленные чучела были видны издали со всех сторон. Присадистые деревья не следует занимать чучелами. В вершинах высоких берез чучела закрепляют на подчучельниках—жердях, перевернутых комлевой частью вверх. Для этого комель заостряют, на него насаживают «птицу», а специально оставленным сучком жердь навешивают на ветку дерева. При низком лесе чучело натыкают уже на тонкий конец жердины и такой подчучельник просто приставляют к дереву. Если его прислоняют к хвойному дереву, нужно следить, чтобы «черныш», возвышаясь над хвоей, не торчал на голой палке, а находился в березовых веточках, которые следует подвязать к шесту.

Очень важно, чтобы чучело изображало спокойно сидящую, как бы нахохлившуюся птицу. Высоко поднятая голова и длинная шея у чучела будут настораживать подлетающих полевику. Крутая «ястребиная» посадка,

как и «сорочья», тоже не годится. Следует помнить, что в тихую погоду тетерев любит сидеть зобом к восходу, а в ветреную — никогда не сядет хвостом к ветру. Расправляя на чучеле хвост, нужно пригнуть его немного вниз. Лучшее чучело — из черного сукна с синеватым отливом. Неплохо, если оно крупнее птицы, — издали заметней.

Любопытные случаи приходилось мне наблюдать во время охоты с чучелами.

Однажды, успешно поохотившись, мы с товарищем снимали чучела. Внезапно из-за маковки сосны вынырнул ястреб-тетеревятник. Ловко извернувшись в сторону искусственной тетёры, он в мгновение ока вонзил в нее когти. Нас поразила дерзость азартного хищника: в нескольких шагах от нас он смело и открыто напал на «добычу».

Как-то на моего косача бросился ворон. Вытянув вперед лапы, неуклюже кинулся он на чучело, норовя долбануть его.

Меньше всего подобного поступка можно было ждать от вороны. Бывало, пролетая мимо чучел, эта наблюдательная птица с тревожными криками покружится над моими «тетеревами» и скорее летит дальше. А был случай, что и ворона поверила, будто перед ней всамделишные полевики (значит, хороши чучела!), плавно подлетела и стала... драться с «тетеревом». Ключнула его несколько раз и, пораженная безучастным поведением «косача», удивленная пересела на соседнюю осину и даже каркнуть забыла...

Охота с чучелами удачнее всего в тихий

осенний день с мягкой, но нетуманной погодой. Не мешает охоте и мелкий дождик. В такое время тетерева, нахохлившись, весь день отсиживаются на деревьях. Хороша охота в оттепель, но без снегопада, иначе чучела забелеют и испугают чернышей: на живой птице снег не держится.

В большой ветер тетерева появляются неожиданно и неслышно. Тихим же утром черныш предупредит о своем появлении мелодичным и частым свистящим звуком «всивсивси» и характерным «фрк», при складывании крыльев. Подсевшего черныша нужно бить сразу, пока не подоспели другие. Иногда удается сделать несколько выстрелов, если растянувшаяся стайка подлетает постепенно. Выстрел, сделанный до посадки приближающихся птиц, не пугает их, лишь бы они не видели человека. Тетерева, севшего далеко вато, лучше спугнуть выстрелом вверх, не то он рассмотрит своих неподвижных «собратьев» и больше уж не подлетит сюда.

Часто охотясь из одного шалаша, необходимо изменять количество чучел и переставлять их к разным деревьям. Иначе, приглядевшись к одной и той же выставке чучел, черныши начинают относиться к ней недоверчиво.

В зимнюю пору, утром или вечером, когда тетерева кормятся на березах, мы с товарищем успешно охотимся на них с подъезда: один сидит в санях с ружьем наготове, а второй правит лошадью, — но не прямо на птиц и не в тыл им, а будто мимо проезжает.

Своеобразна прелесть этой охоты. Тихо в зимнем лесу. Заиндевелившие березы увешаны чернышами. Нахохлившись, отдыхают птицы, иные, трепеща крыльями и осыпая иней, срывают почки. Глядишь, забеспокоились косачи, сейчас снимутся, — пора стрелять.

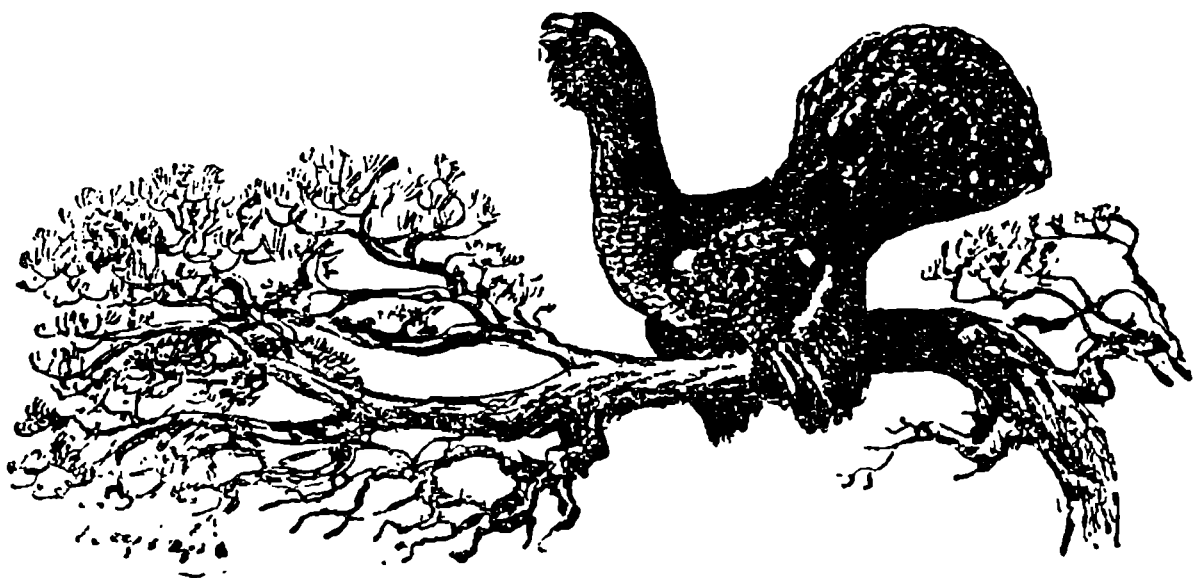
Но вот зачастили снегопады. Пушистой гладью заровнялись рытвины, пни и кочки лесных полян и вырубок. Мягкий покров так глубок, что не пройти и не проехать. Зато на лыжах — всюду путь. Тут уж и охота на тетеревов становится иной. Только сначала надо выследить их.

Издали виднеется стая полевиков на березах. Зашевелились они на ветвях, вытягивая шеи и посматривая вниз, и вдруг с разлету, сложив крылья, ныряют под снег...

Бесшумно скользят лыжи... Впереди на чистинке уже заметны ямки. Неожиданно изпод самых ног охотника, вздымая белую пыль, с треском вылетают из лунок черныши...

Всё плотнее становится снежная толща, всё крепче делается корка на ней. Не пробить ее полевикам, и они забиваются в хвойник. Кончена зимняя охота по тетеревам.

Гудит, завывает февральская вьюга, а охотнику уже рисуются заманчивые картины охоты на весенних токах.

ГЛУХАРЬ

1

На переломе ночи к рассвету дремотный мрак будто сгущается. В такую пору идешь по подмороженной мшаге. Только крошится ледяная пленка в мягком мху под ногой. Всё дальше углубляешься в незаметно редющую мглу кочковатого болота, в темень соснового острова. То и дело отводишь рукой от лица колкие лапы хвои.

В посветлевшем небе уже округляются очертания сосновых маковок. Скоро наметятся и просветы меж ветвей.

Чутко вслушиваюсь... Что это? То ли запоздалое журчанье в ямке мшарины, затягивающей мокрый след моих шагов, то ли трель из щебетанья ласточки, то ли дятел постукивает? Но ведь ласточек здесь не бывает, а дятлу рано, — спит он еще.

Это в лесной глуши запел глухарь. Даже не охотнику, а просто любителю природы, стоит послушать удивительную и простую песнь глухаря. Без ружья и наблюдать лучше: подметишь то, что неминуемо проглядишь в пылу «охотничьей лихорадки».

Огромная птица с таким увлечением играет, что совсем не слышит в это время. А отчего глохнет — никто точно не знает. Одни утверждают, что отросток нижней челюсти глухаря заслоняет при пении слуховой проход. Другие указывают на набухание от прилива крови особой складки, которая под давлением черепной косточки закрывает ушное отверстие. Есть мнения, что причина потери слуха кроется в весеннем возбуждении петуха.

Словом, загадка глухариной глухоты до сих пор толкуется по-разному.

Крупная и тяжелая птица глухарь, а взгляните на него в лесу, на воле: перо приглажено, осанка статная. Особенно, когда, чуть подавшись вперед, он готов слететь, невольно залюбуешься стройным силуэтом каштаново-бурого красавца. Большая темносерая в крапе голова его, с изогнутым по-орлиному клювом и пучком перьев, вроде бородки, украшена полудугой алых бровей над черными глазами. Зоб черный, с блестящим зеленоватым отливом. Грудь чернобурая. На темных перьях длинного хвоста пестрят ряды белых пятнышек. Пальцы оперенных ног в оторочке из роговых пластинок, — чтобы грузный петух не проваливался в снег и не

скользил по обледенелым веткам. Среди лесной дичи нет равных ему по величине.

Коричневатая с рыжей грудкой глухарка выглядит проще.

Глухой певец очень удачно назван глухарем. Но есть у него и другое имя — «мошник». Оно дано ему за его привязанность к лесам, где раскинулись моховые болота.

Часто говорят о каком-то невероятном весе глухарей — в семь, восемь и больше килограммов. С этим нельзя согласиться. Никогда не приходилось мне встречать весенних мошников тяжелее четырех-пяти килограммов, и то — старых. Молодые легче. Осенью упитанные глухари могут весить на килограмм больше.

Полная захватывающих впечатлений весенняя охота на глухаря несравнима ни с какой другой охотой по перу и надолго остается в памяти охотника.

2

На краю боровой гривы стоят небольшие сосенки, засыпанные снегом. Их зеленые верхушки маленькими кустиками выглядывают из белых сугробов. С хрустом обрывая хвойные побеги, бродит здесь по плотному снегу стайка глухарей. Среди них не видно глухарок: они обычно живут отдельно.

Вот самый большой длиннохвостый мошник перестал дергать пучки зеленых игл и напыжился. Вдруг он встрепенулся и ни с того

ни с сего бойко клюнул подвернувшегося соседа. Под скупыми лучами февральского солнца задира преобразился: вскинув голову и волоча крылья, он жесткими концами их бороздил снег и на ходу пощелкивал. Похоже на то, что дело идет к концу зимы!

И хотя снежный груз всё еще лежит на ветвях, лучистое солнце день ото дня выше и ярче светит над лесом. Отошел припай зернистого снега, рушатся с сосен белые «гирьки», пробивая рыхлеющий наст, с шорохом сползает еловая навись, то там, то здесь, качнувшись, выпрямляется ветка. Ночью березы и осины стоят обледенелые, днем — кора их влажна.

Как только утреннее солнце озаряло маковки сосен, мошники спешили к местам своих постоянных токов. Тут они рассаживались по верхушкам деревьев, будто ожидая чего-то. Самые старые петухи первыми отзывались на увеличение дня: они слетали вниз и с прищелкиваньем разгуливали по болотине, оставляя на снегу следы лап и черточки — метки от распушенных крыльев.

Это — вступление к предстоящим токовым играм. Раз глухари «зачертили», — недолго осталось ждать начала их весенних песен.

Следы с «чертежами», замеченные охотниками, заранее указывают места токовищ.

Тока чаще всего бывают в хвойном лесу, затем — в смешанном и реже — в чернолесье.

Как правило, глухари играют в глуши лесных просторов. Обычай всего, это влажные моховые болота то с плотным, то с ред-

ким корявым сосняком. Закраины таких низменных мшаг, незаметно повышаясь, переходят в острова соснового бора, поросшего кое-где ельником, осинами, березами. Примерно по кромке боровой гряды и рассаживаются по деревьям птицы.

Весна всё больше и больше дает себя чувствовать. В хвойном лесу еще снег, но в голлом чернолесье на проталинах зацветают подснежники.

Петухи теперь с вечера торопятся лететь на ток, а на рассвете уже поют на деревьях. Потеплеет, — они заиграют еще раньше — затемно.

Тут и открывается охота на них. Начинать ее следует с вечернего подслуха.

Мошники необычайно привязаны к своему токовищу. Они посещают его до тех пор, пока не будут все перебиты, что, к великому сожалению, случается еще довольно часто.

Впрочем, ежедневно тревожа певунов настойчивым и неумелым преследованием, можно вынудить их временно рассеяться по окрестностям.

Но как только минует невзгода, глухари возвратятся на старое место. Новый же ток образуется не сразу.

3

Весенним вечером, часа за два до захода солнца, прихожу к току на подслух, чтобы проверить слёт глухарей. Удобно облакачи-

ваюсь о ствол дерева. Защитный цвет одежды сливается с окружающим фоном.

Стою в развилке сосны на грани боровой гривы и мохового болота с низкорослым хвойником, охваченного, как подковой, островами высокого краснолесья. Осматриваюсь. Из снега проглядывает кочка с серой осокой. Не пойму, отчего это на ней так ослепительно искрится солнце. Просто глядеть невозможно, не сощурясь.

В такой хороший вечер мошники будут громоздиться по соснам и елям, на закрайках, а не в глубине острова, как это случается в ненастье, в ветер.

Задолго до заката с шумом взлетает с земли и садится возле меня на сосну глухарь. Хрюкнул. Видно, где-то вблизи дневал и «пешком» пришел сюда. Кося глазами, любуюсь петухом. Меня ему не разглядеть меж стволов. Посидел-посидел мошник и занялся «ужином»: срывает хвою и набивает ею свой зоб. Долго возился мошник, перепрыгивая с ветки на ветку и выбирая пучки игл посочнее.

Солнце уже скрылось за лесом, но еще не зашло; сбоку от меня, на рыжей коре, всё выше и выше тлеет в голубой дымке солнечный луч. А вслед за ним поднимается тень. Вот красная полоска осталась лишь на маковках самых высоких сосен... Погасла... В стороне заката горит заря. Тускнеют и ее отблески...

Слетаются мошники. То ближе, то дальше раздаются хлопанье крыльев подсаживаю-

щихся на деревья глухарей. Один сел невдалеке и вытянулся на суку, напряженно застыв, чтобы при малейшей тревоге пригнуться к ветке и с толчка нырнуть в полумрак.

Неожиданно слышится сухой треск, похожий на пистолетный выстрел. Так — с хлестким ударом крыльев — садятся некоторые глухари. Еще один с шумом мелькает в просветах вершин. Сел. И сразу, как бы давая ему знать о себе, за моей спиной громко хрюкнул ранее прилетевший. Откуда он взялся? Не было слышно его посадки, — значит, бесшумно опустился.

Глухари перелетают с места на место. Некоторые, собираясь запеть, щелкают. Доносится то одиночное «док», то вдвоенное «тэ-тэк... тэ-тэк» или «тэ-кэ», но всякий раз это вступление к песне заканчивается... хрюканьем.

Смолкли. Да и пора, уже поздно.

Ночевать иду в конец острова. Буду коротать ночь у костра там, чтобы не тревожить глухарей.

Крадучись по заснеженной ветоши, прохожу под сосной, где кормился хвоей мой пернатый «сосед». Втянув шею и положив голову на выпяченный зоб, он по-куриному спит на ветке, поджав ноги...

Перед рассветом, до пробуждения глухарей, стараясь не хрустеть, приближаюсь к окраине тока.

Хорошо, что пораньше пришел. Проснувшись, птицы становятся очень осторожными, а заподозрив опасность, не запоют.

Песня мошника не отличается звучностью. Приглушенные тона ее неуловимо растворяются в сумеречной тишине. Охотник, еще незнакомый с этой песней, если она и долетит до его слуха, пожалуй, не обратит на нее внимания. Опытный же, в тихую погоду и в редком лесу, услышит точение — глухую трель — за триста-четыреста шагов. В ветер, в дождь, в чаше, после восхода солнца, когда пробуждается разноголосый весенний хор пернатых, слышимость, конечно, хуже...

Стою, слушаю и жду, поглядывая на восток... Светлеет. Иногда в сильный мороз глухари запевают после восхода солнца. Но сейчас тепло. Вот-вот начнет игру какой-нибудь старый петух. Молодые, первогодки, в раннюю пору весны прилетают скорее утром, чем с вечера, и первые дни не поют, а только прислушиваются да изредка «крекают»...

Чу! Щелкают!..

Издали обычно долетает сначала точение. Приблизившись, различаешь и прелюдию — пощелкиванье или тэканье. С этого момента и начинают подход «в песню». Ведь пока не услышишь тэканья, не рассчитаешь — когда шагнуть.

Сейчас от мутной стены сосняка доносятся ко мне полные песни.

Близко играют мошники. Один — впереди, другой справа.

Решаю идти к переднему. Давая ему разыграться, пропускаю несколько песен, не сходя с места.

Трудно изобразить звуками глухариную песню.

Часто, чтобы дать о ней хоть какое-нибудь представление и заранее потренировать начинающего охотника, «учитель» постукивает пальцем по спичечному коробку — «щелкает», мол! И «ученик» стоит «наизготовке». Затем «тренер» палочкой быстро проводит по зубьям рогового гребешка и объясняет: «Точит, подсакивай!» И «охотник»... прыгает по комнате. Этот наглядный урок показывает, что при шелканье токовика нельзя двигаться, шагать к нему следует только в момент точения.

Слушая глухаря, можно подобрать примерно такое звукоподражание: «Док!.. док!.. да-ке!.. да-кэ!.. тэкэ!.. тэкэ!.. тэкэ-тэкэ-тэкэ-тэкэ... Динг!-вжги-чири-вжги-чири-вжги-чири-вжги-чири-вжги-чириить!».

«Док» — одиночное шелканье. Продолжается или долго (особенно в начале пения и когда певец насторожен) или быстро сменяется сдвоенным «даке». Потом — частое «тэкэ» (по существу, то же шелканье, но тоном выше и мягче), переходящее в слитное тэканье — шелкоток. За ним следует главный удар «динг» — глоточный звук от быстрого втягивания в горло языка. Это напоминает хлопанье пробки, мгновенно вынутой из бутылки. Главный удар — первое звено глухой трели — неотрывно сливается с точением. Именно со звуком «динг» у певца выключается слух до конца пения. В момент замиранья ее последнего звена — «вжги-чириить» — пропадает и глухота.

Замечательно, что в течение четырехсекундной трели глухарь не в состоянии ни прервать ее, ни вернуть свой слух. Грубо потревоженный после главного удара, петух на лету dokonчит точение.

Вот и пойми тут причину глухоты! И почему это после главного удара певец не может смолкнуть, не закончив точения?

Только незнанием этой особенности можно объяснить разговоры о том, что «глухарь обманывает охотника, прерывая игру на любом ее колене».

Дело обстоит проще. Мошник жарко играет, а горячий охотник, волнуясь, спешит к нему и, не выждав, пока сплошной шелчок перейдет в точение, торопится шагнуть. Глухарь сразу же смолкает. Значит, в таком неожиданном перерыве виноват сам охотник. Не надо забывать и того, что даже в том случае, когда шаги охотника «уложатся» в глухую трель, напуганный молодой или не разыгравшийся старый глухарь поют с перебоями.

Иногда некоторое время раздается только односложное «док» или «тэк», и на этом всё кончается. Собираясь запеть, мошник обязательно, хотя бы с промежутками, сдваивает «тэк-тэк». Помолчит, и опять слышно: «тэ-тэк». Разыгравшись, глухарь беспрерывно льет песню за песней, начиная ее: «Тэ-кэ-тэ-кэ-тэкэтэкэтэкэ...» Прерванная игра глухаря, в зависимости от причин и длины перерыва, вновь начинается со щелканья или тэканья...

Стою, значит, и слушаю мошника, поющего впереди меня. А кругом светает. Начинаю подходить к птице. Ружье у меня за плечом, в руках... палка. Пока в воздухе струится «тэкэ», не шевелюсь. Но вот глухарь заточил, делаю два-три шага и на ходу намечаю место для очередной стойки, чтобы, надежно опираясь на палку, скрытно ожидать следующей трели.

Случается, глухарь вдруг беспричинно смолкнет и «продержит» охотника в неподвижности одну, пять, десять минут, а то и больше. Попробуй тут устоять! Стоишь-стоишь, нога затечет в неудобной позе, а переставить ее нельзя, раз глухарь молчит. Не выдержишь, зашатаешься или хрустнешь сткуда-то взявшейся хворостинкой — вот и прощай охота! С палкой в руках — другое дело. Тут сколько угодно выдержишь, особенно если остановишься с уменьем.

Много ли шагов можно сделать под песню?

Затемно и при удобном подходе опытные охотники продвигаются на три-четыре шага. В ломняке, воде, по ледяной корке — ограничиваешься одним-двумя шагами. Глухая трель длится примерно четыре секунды; поэтому, идя по непрочному насту или сухому валежнику, с последним шагом надо сразу же проламывать ногами неустойчивую опору, чтобы стать на твердую почву.

Сейчас, скрадывая переднего петуха, мне не пришлось прибегать к этому приему, — идти было мягко. Пришлось только прятаться за деревья и кусты... Обхожу полянку. Лучше

пройти несколько лишних метров, но двигаться скрытно. Неожиданно упираюсь в просеку. Тут уже деваться некуда. Под глухую трель стремительно мчусь семь-восемь шагов вперед и успеваю прислониться к сосне на другой стороне просеки.

Подхожу ближе и, стараясь наглядеть певца, ищу его глазами... Вижу! Сначала мое внимание привлекает большое темное пятно в хвое; приглядевшись к нему, различаю играющего мошника. Позу его можно представить себе, вспомнив фигуру рассерженного индюка. Шея и хвост круто подняты вверх, полураскрытые крылья опущены. Только глухарь, как всякая дикая птица, стройнее и красивее.

В начале песни петух иногда поворачивает голову в стороны, но при точении она у него обращена вперед. С главным ударом мошник отделяет от туловища опущенные крылья и топчется по ветке. Разворачиваясь в кроне сосны и распуская крылья и хвост, он задевает и роняет отмирающие иглы хвои. Слышно и шуршанье перьев от этих движений.

Я стреляю всегда только на коротком расстоянии, чтобы не делать подранка, а сбить наверняка эту ценную дичь.

Под глухую песню втыкаю в землю палку. В следующую трель, не показываясь из-за ствола, снимаю с плеча ружье. А глухарь смолк. Обычное явление, когда, пропев ряд песен, он останавливается. Помолчал, чуть слышно тэкнул, затем снова заиграл. Шагнув

в сторону, чтобы не мешали ветви, бью под песню. Мошник бухнул оземь. Вдруг слышу над собой гул полета и вижу, рядом на сосну опустился глухарь, — наверно, из молодых. Они прилетают с утра и сидят молча, слушая игру «стариков». Не дав «молчуну» опомниться, стреляю. Он зашатался, но не упал. Не тороплюсь со вторым выстрелом... Свалится. И через мгновение мошник, действительно, падает. Я стою тихо, ожидая, пока успокоится смолкнувший певец, — тот, что играл справа.

Осматриваю свои трофеи. У певуна от прилива крови шея набухла и перья на ней от такого утолщения кажутся редкими, видна между ними кожа. И языка во рту нет: «проглочен» — втянут в горло (проглатывание языка связано с особенностями глухариного пения). У молчуна шея нормальная — тоньше, и перья на ней плотно прилегают к коже. Язык у него на месте.

Полюбовавшись взятыми мной глухарями, подвешиваю их на широкие ремни через плечо (так легче нести) и иду к тропинке.

Совсем рассвело. Еще два мошника заиграли. «Крек», «крек» — изредка доносятся голоса молодых петухов. Один даже перелетает с таким креканьем. Это единственный звук, который глухари и на лету издают.

Осторожно удаляюсь, чтобы зря не тревожить птиц.

Внезапно резко и отрывисто «скиркнул» глухарь. Заметив меня, он подал «сигнал» тревоги. Воцарилась тишина. Скиркание по-

вторилось, его подхватили мошники в разных концах тока. Заскиркали даже и те, о присутствии которых нельзя было и подозревать. Теперь в это утро они уже не заиграют; да и завтра больше обычного будут осторожничать...

Утренний ток кончается часам к девяти, в теплынь — раньше. Однако, когда в полдень я отдыхал на солнечной поляне, то в смешанном лесу, на голой осине, азартно заиграл глухарь. В стороне сидела на дереве не то глухарка, не то тетёра. Глухарь подпустил меня на выстрел.

4

С половины апреля наступает разгар токов. Поют и молодые петухи, прилетающие сюда уже с вечера. Оживление вносят глухарки: с рассветом они появляются на току, извещая об этом громким квохтаньем. В морозный утренник старки показываются на току позже, — чтобы яйца в гнезде не остыли.

В конце апреля вновь прихожу на подслух.

Задолго до захода солнца на земле запел мошник. Хорошо он оградил себя: с одной стороны — чистый мох, никак не подойдешь, сразу выдашь себя, с другой — заслоняет певца густой соснячок.

Солнце зашло, а кругом ясно. Далеко слышен прилет глухарей. В трех местах заиграли и затихли. Перестал петать и старый петух на земле. Очевидно, заночевал внизу...

Высоко в небе засветилась луна. Уже ночь, — в прозрачном воздухе чуть прибавилось синевы.

Мягко ступая по мшаге, направляюсь к ночлегу.

По привычке вслушиваюсь в тишину и улавливаю... точение. Чудно! Всё спит в лесной глуши, один только глухарь не может успокоиться, песню за песней поет. Около полуночи смолк...

В два часа ночи возвращаюсь к току.

В бору лунные проточины. Взглянешь над собой — кроны просвечивают, дальше — свод темнеющей хвои.

А в гуще леса сумеречно...

«Ци...ци...» — проснулась зарянка.

«Тэк!» — едва слышно отозвался ближайший глухарь. «Тэ-тэк!.. Тэ-тэк!» — с промежутками твердил он. И опять — «тэк!». Помолчал. Начал сдваивать и зайграл.

Не громка глухариная песнь, а своим вкрадчивым шёпотом наполнила лес.

Затоковали и молодые. Некоторые пели робко, с частыми перемолчками, но по-настоящему. А иные принимали игровую позу не впопад со своим токованьем, и пение у них не налаживалось. На заре удалось подсмотреть, как один начинающий петух делал «пробу». Часто-часто затэкает, а хвост не раскроет, пустит сплошной шелкоток и хвост распускает веером, но вместо глухой трели издает крестанье со скрипом. Другой первогодок хрюкал, забавно ворочал шеей или, наершивая на ней перья муфтой, пригибал ее

к ветке — точь-в-точь, как домашний петух перед дракой.

Затаившись у осины, наблюдаю глухарей. Вот мошник в пылу игры семенит ногами, бежит в мою сторону с трелью «вжги-чири...» и, заканчивая ее, с грохотом подлетает. Петух, как говорят охотники, поет «на полу». С такой же «музыкой» приближается второй. Вдруг соперники смолкли и бросились навстречу друг другу... Ударились и отпрянули. Схватились клювами за шеи. Таскают один другого и немилосердно лупят костистыми сгибами крыльев. Следы такой драки надолго остаются у бойцов в виде выдранных перьев и ссадин. Не выдержал мошник, который был послабее, вырвался и побежал, вихляя хвостом. А победитель, торжествуя, запел.

Пробую подойти к нему на выстрел, не удается, — улетает. В редком лесу заметили мое движение и другие мошники и тоже разлетелись.

Но так как глухари здесь еще мало пуганы и ток был в разгаре, я решил подождать часик, — что́ будет дальше.

Через некоторое время петухи стали возвращаться. Только я их уже не тревожил, а направился к мошнику, одиночно игравшему в конце тока... В зеленоватой куртке иду по мху. Уже недалеко осталось, а прятаться не за что. Глухарь смолк. Стою боком к нему (так больше сходства с пнем) и выжидаю. К неподвижным предметам птица быстро привыкает. Всё же осторожный глухарь, хотя и не распознал опасности, но перелетел на

вершину большой ели, окруженной другими деревьями, и опять заиграл. Тут-то уж не-трудно было взять его.

На другую ночь к утру небо захмарило.

Я наметил глухаря на окраине тока. Пел он с перерывами. Подзадориваю его голосом матки. Помогло: даже ближе подсел он на толстую ветку широченной сосны, и так разошелся, что не переставая точит. Вдруг хлынул сильный дождь. Мой певец продолжал токовать, только хвост опустил, как это делают куры в дождливую погоду. В такой позе он и достался мне.

Видел я поющего на земле мошника и в короткую снежную пургу. Но длительное промозглое ненастье, холодные ветры, особенно ранней весной, расстраивают ток. В хмурое утро, перед резким изменением погоды к худшему, случается, что глухарь лишь «крехает».

Середина мая. Березняки кудрявятся душистой листвой. Цветет фиалка, и папоротник раскручивает свои листья-завитки...

Отыграли мошники. Да и пора, — ведь осина распустилась, а это уж верный признак прекращения токов.

Глухарки не покидают гнезд, петухи вяло и недолго поют на деревьях. При этом они всё реже раскрывают веером хвост.

5

Много лет посещал я знакомый ток. Много занятных случаев сохранила мне память.

Ранняя теплая весна. В предутреннюю

темень иду по мху так тихо, что сам не слышу своих шагов. Вдруг позади заиграл глухарь. Хочу вернуться назад, но в этот момент и впереди запел мошник. К нему и крадусь. Создается впечатление, что птица токует на земле. В темноте приближаюсь к ели. Глухарь совсем близко, но песня звучит с разных сторон. Стоя под елью, пытаюсь определить, где же он точит? Высунусь справа от ствола — слышится в одной стороне, выгляну слева — уже с другого места доносится трель. Продвинулся вперед — песня звучит за моей спиной. Ага! Петух играет на ели у меня над головой, а обманывает меня... глухариный хвост. Плотный и упругий, при поворотах певца он отражает звучание, давая ему разные направления.

Всё мое внимание приковано к ели. Во мраке лапчатых веток ничего не разобрать. Мошник не смолкает. Надо бы подождать рассвета, но мне не терпится... У самой вершины что-то чернеет. Целюсь — мушки не видно. Подвожу стволы снизу. Как только они сравнялись с черным пятном, я, одновременно с главным ударом певца, нажимаю гашетку. Прогремел выстрел, глухарь... допел трель и смолк. Значит, я не туда стрелял.

Вспышка огня испугала мошника: он затих, еще не понимая, что произошло.

Где ж он таится?

Опять не выдерживаю, обхожу ель, стараясь высмотреть замолчавшего глухаря. Мошник отлично слышит шаги, но густая хвоя скрывает мои движения, поэтому лететь

в сумраке, без крайней нужды, он не решается. Заслышав шум, но не разобравшись в причинах его, он, как это часто случается с глухарями, отсиживается в укромном месте, выжидая, что дальше будет.

Но я заставил-таки петуха выдать себя, — стукнул по ели рукой, всполошился глухарь и загремел на взлете.

Рассветало. Издали доносилось точение первого глухаря. Не успел я подумать о нем, а сн тут как тут. Прогумел мимо, опустился на дерево рядом и сразу же заиграл. Оказывается, там, где он раньше сидел, была моховая слякоть, а с рассветом певец обычно вниз спускается. Вот и потянуло его к сухой гриве.

Подхожу к нему... Надо было бы сбоку зайти, где ни одна веточка не заслоняла птицу. Но, рассчитывая на отличный бой ружья и близость, стреляю в зоб, прикрытый венчиками хвои. Всё же полетел, мой глухарь, только вскоре забил крыльями. Значит, упал где-то. Тут уж надо спешить, а то не найдешь. Бегу к нему. Поднялся мошник на ноги — и наутек. Догоняю. Раскрыв крылья, шипит на меня и, шмыгнув за куст, бежит вокруг него. На поворотах я отстаю. Тут и пошло у нас, вроде «кошки-мышки». Я навстречу петуху, он — назад! Я туда, он — обратно! Ломлюсь через куст и схватываю петуха. Как заверещит он пронзительно! Тут, откуда ни возьмись, другой глухарь подлетает, с сосны вниз заглядывает. А у меня руки заняты, стрелять не могу. Заметив меня, «соглядатай» взлетел, — только я его и видел.

В глухариных схватках побежденный иногда верещит. Это-то и привлекло ко мне подлетевшего петуха. Ведь где драка самцов, там и глухарки...

Было однажды и так. В сумерках подхожу к певуну близко, но не могу понять — на какой он сосне. Кажется, с разных сторон доносится песня. Шагну вперед — надолго смолкает. Потом заиграет, но уже с перерывами.

Оказывается, петух токовал на земле, а звуки точения отдавались вверх, сбивая меня с толку. В глухую трель он замечал движение и смолкал, а распознав опасность, глухарь скрытно отбежал в сторону и улетел.

Дичь меньше пугается посторонних для нее звуков, чем движений; петух подмечает их даже в глухую трель.

Однако иногда глухарей не страшит и постоянная близость людей, если это не связано с беспорядочным преследованием мошников.

В одном охотничьем хозяйстве по реке Волхов, на вечернем подслухе, я наблюдал слёт глухарей. Они шумно устраивались на ночлег по соснам вокруг меня, несмотря на то, что из ближайшей деревни сюда доносились говор, песни девушек и лай собак.

6

Беспределельны наши леса. Водится в них всякая дичь, но нет среди нее второго такого великана, как древняя птица глухарь...

Вожусь однажды с удочкой в прибрежных

зарослях лесного ручья. Внезапно рядом в ольшанике поднимается такой грохот и шум, что, не понимая, в чем дело, кладу второпях удочку и хватаю, на всякий случай, ружье. А это мошник, стремительно взлетев, запутался во вьющихся стеблях хмеля...

Глухари всегда находят себе готовый «стол» в лесу.

В начале зимы они собирают ягоды, листья, побеги брусники, черники, можжевельника. Когда глубокие снега прикрывают этот наземный корм, птицы взлетают на сосны щипать хвою. Покормившись утром (а если позволит погода, то и перед вечером), они забиваются на отдых и ночлег под снег или в ельник. Тут им не страшны ни вьюга, ни стужа. Весенняя пора дает мошникам, кроме хвои, сережки ольхи, обнажившуюся из снега клюкву, бруснику; годятся даже такие первые цветы, как соцветия хохлатки, пушица. Самый богатый летний пир — на ягодниках. Осенью можно полакомиться и вянущим листом осины.

Очень хорошо, что мы бережем замечательную птицу — глухаря — и летом, и осенью, и зимой. Весенние тока — другое дело. Но охотиться тут надо с разбором.¹

Дело в том, что игры ранней весной открывают старые мошники. Они хозяйничают на токовище. Молодые петухи побаиваются

¹ Имеется в виду Ленинградская область и соседние с нею области, где охота носит главным образом спортивный, а не промысловый характер.

заглядывать сюда и рассаживаются по окраинам. С потеплением к центру тока слетаются глухарки. Поэтому лучше открывать охоту на мошников в начале их токования, а заканчивать ее — раньше.

Почему так? Да потому, что, вместо отстрелянных старых глухарей, в середине тока заиграют молодые петухи.

Скажут: ранняя охота труднее, чем в разгар весны.

Верно. Но на то она и охота. Трудность всегда привлекательна.

А от «омоложения» токов — глухарей расплодится больше.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Дикарь	3
На Знаменке	7
На вырубке	11
Случай на току	18
Таинственный зверь	23
Ледовая охота	27
Его „знакомая“	32
Сокол-сапсан	38
Тревога	42
На кабана	45
В земляничнике	54
С удочкой	56
На бахче	60
Лосось	64
На рыбалке	69
Речной „вездеход“	74
С пищиком	78
Степные страусы	82
„Вакса“	88
Листопад	93
В степи	96

За перепелами	102
Подземный житель	105
В чаще	109
Рысь	114
В долгу не остался	122
На лазу	125
Следы говорят	130
Оплошал	133
Налим	139
Бой на льду	142
По волчьим тропам	146
Вот так рыба!	155
На льду	158
Лиса	163
„Заячья лапка“	167
Серая куропатка	171
Тетерев-полевик	175
Глухарь	189